

НАСЫР ФАЗЫЛОВ
ВНУКИ ОЗОРНИКА
Повести и рассказы
Перевод с узбекского

ПОВЕСТИ

ГНЕВ И ДОБРОТА

Перевод А. Атикузиева

1. В РАЗГАРЕ БЫЛО ЛЕТО...

Нет, я вовсе не хвастаюсь: кишлак у нас и вправду замечательный. И хотя поделен он на целых три махалли, а все равно — небольшой и уютный. И название под стать ему — «Чаман»¹. И люди в нем живут простые, симпатичные, работающие. И чем бы они не занимались — пахали, сеяли, собирали урожай — одно у них на уме — чтобы и впредь расцветал их родной кишлак...

Поглядели бы вы на наш кишлак как-нибудь вечером, когда люди возвращаются с поля: протяжно мыча движется к кишлаку стадо, стуча копытами, поднимая за собой облако пыли. Черные галки весь день копошатся в жнивье. Вечером огромной стайей взмываются в небо. Оглашая окрестности многоголосьем криком, они спешат на ночлег, к берегам Сырдарьи... Видишь все это и удивляешься: будто и не бушует в нашей стране жестокая война. В такое время даже вспоминать о ней, проклятой, не хочется, о тех бедах и горестях, которые обрушивает она на головы людей... Музыка жизни внезапно обволакивает тебя всего, пьянит. Но так ли все тихо и спокойно на самом деле? Нет, это лишь на первый взгляд. Тот, кто повнимательнее приглядится к кишлачной жизни, к внутреннему состоянию людей, неминуемо придет к совсем иному выводу. Со стороны жизнь этого маленького кишлака напоминает реку с плавным течением. Гладкая ее поверхность лишь чуть покрывается рябью, но что там внизу, на дне? А на дне — водо-

¹ Ч а м а н — цветник.

вороты, пороги, воронки, на порожистом дне его встречаются и валуны, и пни-коряги...

Вот о чем думал я, возвращаясь с поля. Мама пришла домой раньше меня.

— А, это ты, сынок, пригляди-ка за коровами,— скавала она мне.

Я снял с себя камзол и побежал навстречу стаду. Стадо уже входило в кишлак, освещаемый косыми лучами заходящего солнца. Слышались крики ребят, мычание коров, лай собак... Белая пыль, висевшая над стадом, была похожа на огромное рваное одеяло. Оно тихонько покачивалось в безветренном воздухе. Знакомая картина повторялась изо дня в день. Но каждый день я находил в ней что-то новое для себя, интересное. На улице можно было увидеть ребят, с которыми не встречался днем. Вон там, в густой пыли, бежит Карим-очкарик, ухватившийся за хвост своей черно-золотистой в полоску буренки, погоняя перед собой пеструшку...

И Джалил с Абдунаби тоже здесь. А вон ковыляет Ирискелдибобо, постукивая посохом по земле. Сын его, Каламкан, бегаёт туда-сюда позади стада, загоняя обратно коров, которые норовят улизнуть в сторонку:

— Эй, очкариковская пеструшка, назад, гангрена!

Порой, когда оч сердится, то бранит коров во все горло, словно желая, чтобы его услышал весь кишлак:

— Э, ну куда тебя несет, нахалка! Тебе здесь махалля «Ковункурт»¹, что ли?

Некоторым коровам окрики его приходится не по нраву. Они угрожающе опускают головы, направляя на него свои рога, будто хотят боднуть его. Тогда Каламкан замахивается на них палкой и грозится:

— Но-но, ведите себя прилично, не берите пример с Карима-очкарика, не то быстренько попадете к мяснику!

Мы все покатываемся со смеху...

Карим, о котором шла здесь речь — сын нашего бухгалтера Иззатуллы-ака. Живет он в махалле «Ковункурт». Наш ровесник. Мы с ним в одном классе учимся. Лицо у него смуглое до черноты, роста он невысокого, худенький, но в делах расчетлив да к

¹ К о в у н к у р т — кушанье, приготовленное из дыни.

тому же лукав. И еще — носит он очки. Видать, глаза слабые. Каримов в Чамане несколько, но очки носит он один. Может, для того, чтобы отличать бухгалтерского сынка от других Каримов, и прозвали его «очкариком». Вообще-то, прозвища у нас в кишлаке дело нередкое. Вот, к примеру, нашего учителя Кучкара некоторые взрослые называют «Кучкар-калека». А все потому, что вернулся он недавно с войны без одной ноги, на костыле. Какой это славный человек! Вежливый. Ко всем, от мала до велика, обращается он на «вы», хотя кое-кому это кажется приторным. Сейчас он у нас, то есть у школьников, за бригадира: и на жатве, и на окучке хлопчатника, и на сборе урожая... Через несколько дней мы выйдем на очистку арыка, будем расчищать его от ковыля. И там он тоже будет у нас за главного. Будет рассказывать нам про всякие удивительные случаи, которые довелось ему повидать на фронте. Работая с ним, мы никогда не устаем и не скучаем. Ну как же после этого язык повернется назвать его «Кучкар-калека»? А вот Карим-очкарик другое дело. Недаром мы прогнали его тогда и из «ишачьего каравана», и с хирмана! Ему-то этого никогда не забыть.

«Поглядите-ка на него: и делишками своими, и повадками вылитый отец!» — удивляются некоторые взрослые. Но нам-то откуда знать, какой у него отец? Знаем только, что это тощий человек с пожелтевшим лицом, глубоко запавшими глазами и большущими усами. Кончики их загнуты точь-в-точь как рога у барана, едва до ушей не достают. В любую погоду, даже в летний зной, одет он в неизменный китель из черного драпа с нагрудными карманами, в галифе, на голове всегда каракулевый тельпак. Для нас, ребята, он просто колхозный бухгалтер и больше ничего...

...Я привел коров и привязал их в коровнике. Мама подоила их, отнесла тегишик¹ соседке и, когда мы сели ужинать у сандала, спросила вдруг:

— Слышала я, будто послезавтра вы выходите чистить арык. Не съездишь ли ты завтра к дедушке? Скопилось у нас немного сузьмы, масла. Он как будто гсворил, что купил отрез на платье. Сестренке твоей обязательно надо сшить платье. Того и гляди, сен-

¹ Тегишик — часть молока для сквашивания.

тябрь настанет. А у меня столько дел, что я никак не могу поехать сама, сынок.

— Ладно,— сказал я. — Одному ехать, что ли?

— А дружок твой Агзам не съездит с тобой?

— Не знаю.

— Так ступай, спроси.

Когда я пришел к Агзаму, отец его, дядя Пулат возился с фонарем во дворе.

— Ассалом алейкум, амаки, Агзам дома?

— Валейкум... А, Эргашбай? Заходи, заходи. Дома твой дружок.

Когда я вошел в комнату, Агзам сидел, сгорбившись, за хан-тахтой и в тусклом свете семилинейной лампы писал что-то, поскрипывая пером. Он даже не заметил, как я вошел. Время от времени он покусывал кончик ручки, о чем-то задумываясь, а затем щелкал себя ручкой по носу. Наконец он заметил меня!

— Ой, это ты? Хоть бы кашлянул... Напугал ведь,— сказал он, продолжая писать.

— Ты что делаешь?

— Письмо вот брату Сабиту пишу. Вчера получил от него,— сказал он чуть хвастливо, показывая зажатый в левой руке треугольник письма.— Пишет, мол, передай привет Эргашбаю, маме его.

— Пусть он будет цел и невредим,— сказал я и умолк. Не то, чтобы мне нечего было больше сказать. Нет. Просто от папы давно уже не было писем, и я молчал, потому что чуть-чуть завидовал Агзаму. Помолчав немного, я перешел к делу:

— Давай завтра вместе махнем в город, а? Мама говорит, чтобы я отвез масло, сузьму деду. Может, и у вас есть.

— Надо спросить у папы.

Агзам поднялся с места.

— Ладно, спроси. Ежели разрешит, поедем завтра пораньше.

— Идет. К тому же опущу это письмо в почтовый ящик на вокзале. Скорее дойдет.

...На следующее утро, верхом на ишаках, мы с Агзамом отправились в город. Приехали мы прямо к моему дедушке, привязали ишаков во дворе, отнесли в дом привезенное масло и сузьму. Потом пошли на вокзал. Напротив вокзала шумел небольшой базар. Особое оживление царило на нем перед приходом по-

езда. За длинными, потерявшими от грязи цвет, прилавками сидели толстые торговки, от которых исходил густой запах масла; они торговали самсой, жареной рыбой, холодным птичьим мясом, вареными яйцами. Какая-то старуха-казашка перемешивала айран... Над прилавками носились ароматные запахи, возбуждающие аппетит. Глотая слюнки, мы с Агзамом переглянулись. Какой-то молоденький солдат с туго перебинтованной ногой, в гимнастерке, в пилотке набекрень, опираясь на костыли, совал людям под нос что-то зажатое в руке и кричал:

— Махорка! Махорка! Первый сорт! Берите.

Когда мы проходили то место, где торговали всяким тряпьем, нас окружили. Видимо, заметили, что мы кишлячные:

— Во, галифе...

— А вот сапоги солдатские. Бери, не пожалеешь.

— Финка трофейная... Гляди, как блестит! Покупай.

— Стекло для лампы... Да бери же, дешево отдам. Тридцатка всего...

— Ну-ка, примерь, шевиот, точь-в-точь на тебя шит, — проговорил какой-то ловкий парень, накидывая на плечи Агзама поношенный черный пиджак, который повис на нем, словно мешок. — Бери, по дешевке отдам. Чего? Ах, денег нема? Не беда, сменяем на масло или на зерно...

Когда мы насилу продрались сквозь толпу и отошли в сторонку, то увидели какую-то старуху, которая как будто хотела что-то сказать. Вид у нее был такой жалкий, умоляющий, что мы невольно подошли к ней. Тогда она вытащила из широкого рукава платья что-то завернутое в грязную бумагу и, озираясь по сторонам, тихо пробормотала:

— Заборный¹ не нужен, ребятки?

Мы только покачали головами в ответ и пошли прочь. Не знаю, сколько мы шли так, как вдруг Агзам воскликнул: «Ой!»

— Ты чего?

— Чуть не забыл опустить письмо.

— Пошли скорее. Я вчера тоже написал письмо отцу.

Мы быстро вернулись назад. Когда мы приезжали

¹ Заборный — хлебная карточка.

сюда раньше, то замечали, что на перроне, возле вывески «Ресторан», висел на стене большущий почтовый ящик. И все опускали в него письма. Спросите, почему? Да потому, что если здесь проходят поезда, то письма дойдут быстрее. Вот и мы тоже опустили свои письма в этот ящик. Через несколько минут мы уже шли вдоль путей. Вдруг пацаны, которые собирали здесь уголь в ведра, с криками «Эшелон идет, Эшелон!», разбежались в стороны. Мы с Агзамом тоже отбежали в сторону и стали ждать приближения поезда. Издалека донесся тоскливый гудок паровоза. У въезда на станцию подняли семафор. Немного погодя, тяжело пыхтя, на станцию медленно въехал паровоз. Мы не сводили с него глаз: он тащил за собой красные вагоны, забитые солдатами: кто стоял, кто сидел на полу, у большинства солдат были забинтованы руки, ноги, многие на костылях... Один солдат в нахлобученной на забинтованную голову пилотке играл на гармошке...

Громыхая, состав проплыл мимо. Как только он остановился, к нему кинулись базарные торговки со своим товаром...

Время уже перевалило за полдень, когда измученные, обессиленные, мы вернулись к дедушке. К счастью, он уже был дома. Встретил нас ласково, поцеловал в лоб. А потом пожурил немного:

— И где это вас носило так долго. Разве вы не знаете, что сузьма и масло могли попортиться от жары? Хорошо еще, что я пришел вовремя. Не то бы...

— Мы на вокзал ходили,— сказал Агзам,— письма опускали...

— Ну, тогда другое дело...

— Старуха, эй, старуха!— крикнул дедушка, — пригляди-ка за своими верблюжатками, а то, похоже, они голодны.

Бабушка угостила нас на славу: белый хлеб, халвайтар¹, сахар, сушеный урюк!.. Наевшись вдоволь, мы прилегли отдохнуть. Поговорили с дедушкой о том о сем.

На исходе дня мы стали собираться в обратный путь.

— Эргаш,— окликнул меня дедушка. Глянул я, а он несет из угла двора обдасту-кувшин с тонким гор-

¹ Халвайтар — мучная сладкая каша.

лышком,— ты передай маме, что я пока ничего не смог купить. Когда куплю что нужно, перешлю с Эшматом-ака. Он каждый день приезжает на своей арбе, запряженной волами.

— Хорошо.

— Мама больше ничего не говорила?

— Говорила про какую-то материю.

— В самом деле... Эй, старуха, положи в хурджун тот сверток с ситцем.— Затем, словно вспомнив что-то, дедушка спросил вдруг:— Послушай, а сколько коров у вашего бухгалтера Иззатуллы?

— Две.

— Странно, сынок его через день на базар ездит... А, может, он не только свое масло да сузьму возит?

— Не знаю...

Прощавшись, мы сели на ишаков и поехали в Чаман.

Проехав сай «Корачик», мы вдруг увидели впереди какую-то черную тень,двигающуюся нам навстречу. Тенью этой оказался Карим-очкарик, ехавший верхом на гнедой кобыле своего отца. Когда он поравнялся с нами, Агзам сказал:

— Куда путь держишь? Поздновато уже...

— В город,— хмуро буркнул Карим и, не оставиваясь, проехал мимо.

Мы только переглянулись и пожали плечами.

— После того, как мы его прогнали с хирмана, этот прохиндей стал возить катык жнецам,— сказал Агзам.

Мне показалось, что сказал он это как-то зло.

— А ты откуда знаешь об этом?

— Отец мне сказал.

— Да, странно,— протянул я.

Парень этот похож был на ашичку-свинчатку: на какую сторону ее ни бросишь, она все равно встает на алчи. Когда мы прогнали его из «ишачьего каравана», он стал сторожем на хирмане, а когда его прогнали и оттуда, он теперь возит катык жнецам, оказывается. Где бы он ни был, за что бы ни взялся, никак не может без того, чтобы не наделать какой-нибудь путаницы. Неужто он теперь утихомирился? Что-то не верится.

— А на чем он его возит?

— Что?

— Что, что, — разозлился я на рассеянность Агзама. — Да катык этот.

— Ах, катык? Кажись, на верблюде Ирискелди-бобо...

Тут я снова вспомнил те дедушкины слова: «А сколько коров у бухгалтера вашего Иззатуллы? Сынок-то его через день на базар ездит».

«Странно, — думал я, — ведь у нас тоже две коровы. Но мы-то бываем на базаре всего раз в две-три недели! Этот счкарик, должно быть, возит на базар не только свое масло и сузьму...»

И все равно, сколько я ни думал об этом, не мог я поверить, что все здесь честно. Ибо у меня никак не выходило из головы то, что си сделал дней двадцать тому назад...

2. «НЕ ПОГАНЬ СОЛДАТСКИЕ САПОГИ, СЫНОК!»

А случилось все это тогда, когда в разгаре была жатва пшеницы. Ехали мы с Агзамом в город по делу. Солнце стояло в зените. Пекло неимоверно. Даже тени наши, словно не в силах терпеть жару, жались поближе к нам. Ишаки лениво трусили под нами по глубоким колеям, продавленным колесами арб. По обочинам дороги изнывали от зноя серые от пыли, пожухлые заросли полыни, янтака.

Ехали мы молча. Сразу за переездом через железную дорогу, прямо на обочине мы увидели большую картину, установленную на двух деревянных столбах и отсропели от изумления. На огромном холсте была нарисована седая женщина. Она сурово смотрела перед собой, выставив вперед руку. Во взгляде ее будто крылось какое-то колдовство: налево прседешь, она смотрит прямо на тебя, направо проедешь — опять то же самое. А внизу на картине аршинными буквами написано: «А что ты сделал для фронта?»

Когда мы возвращались из города, то всю дорогу думали только об этом. Мы уже прсехали половину двадцативерстового пути, а мысль эта все не отпускала нас. Занятые ею, мы ничего как будто не замечали вокруг: ни кузнечиков, летающих в траве по обочинам, ни жаворонков в безоблачном небе.

Вдруг мимо нас в сторону города проехал незна-

комый путник: несмотря на жару, на нем был чекмень, подпоясанный вышитым платком. На голове у него была шапка. За собой он вел на поводу двух ишаков, одного за другим, навьюченных мешками. Агзам пристально поглядел вслед путнику и затем посмотрел на меня, улыбаясь.

— Видал?

— Что?!— удивился я.

— Уж чего в нашем кишлаке навалом, так это ишаков,— рассмеялся он.

— Ну, и что из этого?

— А то, что, ежели мы соберем их и станем вот так возить на них пшеницу,— сказал он, жестом указав в сторону путника,— дошло? Заготовка!..

Теперь-то я понял его задумку.

— Здорово! Только разрешат ли нам?

— Разрешат. Расскажем обо всем Ирискелди-бобо, он сам поговорит с уполномоченным.

— Идет!

Подъехав к кишлаку, мы направились прямоком на хирман, который располагался в «Колганкуле».

Воздух здесь был наполнен запахом спелой пшеницы, щекочущим ноздри. Жатва была в самом разгаре, повсюду кипела работа. На ярко-желтой стерне, где хлеб был уже убран, школьники подбирали колоски, а чуть поодаль, девочки, головы которых были покрыты платками, вилами грузили снопы пшеницы на брички и арбы. Мы заметили Ирискелди-бобо еще издали: вон он, босой, провеивает зерно на хирмане. На нем был выцветший от пота и солнца яктак¹, туго перетянутый в талии бельбагом², за который была заткнута чувда-нитка из верблюжьей шерсти, на голове у него возвышался киргизский войлочный колпак, в отворот его была воткнута большая изогнутая игла-джуволдиз, предназначенная для сшивания мешков. По его лицу, почерневшему от пыли, катились струйки пота. Деревянной лопатой он без усталости подбрасывал зерно в воздух, очищая его от мякины и сора...

Рядом находились еще три хирмана. На соседнем хирмане всюду идет молотба. А вон тот, самый даль-

¹ Я к т а к — национальная одежда.

² Б е л ь б а г — пояс.

ний, похоже, совсем новый. Сюда одна за другой подъезжают арбы, нагруженные снопами пшеницы.

Мы поздоровались и слезли с ишаков.

— Растите большими,— ответил на приветствие Ирискелди-бобо, даже не взглянув на нас. Мы стояли молча и наблюдали, как бобо провеивает пшеницу. Желтое, словно золото, зерно выситя горой. Чистое-чистое! У края хирмана лежало что-то, завернутое в полотенце, рядом стоял горшочек-хурмача, из отверстия которого торчала деревянная ложка. А чуть поодаль валялась сморщенная от жары, похожая на половинку резинового мяча, кожа хандаляка.

Нам не терпелось поскорее рассказать Ирискелди-бобо о нашей задумке, а он не выпускал лопату из рук. Мы молчали и только переглядывались между собой. Наконец Ирискелди-бобо перестал работать, вытащил из-под колпака платок и вытер им глаза. Потом, опершись на лопату, поглядел на нас.

— Ну-ка, Агзам, обойди хирман кругом,— сказал он.

Агзам послушно исполнил его просьбу.

— Ну что, видно было меня из-за этой горы, а?— улыбаясь спросил бобо.

— Нет, совсем не было видно!

— Верблюжонок мой!— обрадовался Ирискелди-бобо. Мы сразу смекнули, что он так урожаем измерял.

Воспользовавшись его хорошим настроением, мы рассказали ему о своей задумке. А он, будто вспомнив что-то, сказал:

— В самом деле,— затем задумался на минутку и крикнул:

— Полномош бола, эй, полномош бола!

Уполномоченный из района, прикрепленный к нашему кишлаку на время уборочной, сидел в тени возле нового хирмана и что-то писал. Услышав оклик Ирискелди-бобо, он посмотрел в нашу сторону. Потом неторопливо поднялся с места и направился к нам. На нем были коломенковая фуражка, белая рубаша навывпуск, подпоясанная в талии узким пояском с кисточками на концах, галифе, сапоги. Когда он подошел к нам, я заметил маленькие усики, напоминающие какого-то мохнатого жучка...

— Ну, аксакал?— сказал он, обращаясь к Ирискелди-бобо. Затем посмотрел на нас, словно спрашивая: «В чем дело, сорванцы?»

— Разговор тут один есть...— И бобо рассказал ему о нашем плане, да так, что мы и сами не смогли бы рассказать об этом лучше.— Что вы на это скажете?— спросил он.

Было видно, что задумка уполномоченному пришла по душе: лицо его расплылось в довольной улыбке, при этом казалось, что верхняя половинка его мохнатых усиков вот-вот залезет ему в нос. Он поглядел на нас так, словно ждал узнать, кто же из нас такой сообразительный.

— Нужно сейчас же поговорить об этом с райсом. Думаю, он тоже возражать не станет,— сказал он, потирая руки. — Молодцы! Стличная мысль! Сегодня же соберите свободных ишаков. Если их будет хотя бы около двадцати, да нагрузить на каждого в среднем килограммов по пятьдесят зерна... Ого-го, это же почти тонна. Каждый день!.. Хорошо, а сколько вам понадобится для этого ребят?

— Одного парня на пять ишаков будет вполне достаточно.

— Ну, просто молодцы! Умницы! Кстати, а комсомольцы среди вас есть?

— Да нет...

— Это почему же? Надо вступать. Я первый дам вам рекомендации. Вот такими инициативными должны быть настоящие комсомольцы!

А мы только смущенно улыбались. Мы бы, конечно, не прочь вступить. Только нам еще два года расти до комсомольского возраста...

В этот день мы собрали более двадцати ишаков. Из ребят согласились сопровождать караван Агзам, я, Джалил, Карим-очкарик и внук Ирискелди-бобо Ганишер.

Итак, окрестили мы нашу затею «ишачьим караваном». Потом мы услышали, что нашу инициативу поддержали и в других кишлаках. Через несколько дней мы и сами увидели перед воротами «Заготзерна» «ишачьи караваны», прибывшие из других кишлаков.

Настроение у нас было приподнятое, и теперь, когда мы проезжали мимо той картины, седая суровая женщина как будто говорила: «Теперь я вижу, что и ты помогаешь фронту!»

Днем мы насыпали зерно в мешки, завязывали их, готовили для отправки. А утром, когда загоралась в

небе звезда-Венера, навьючивали мешки на ишаков и отправлялись в путь. На одного из ишаков клали поменьше груза, садились на него верхом и вели за собой еще четырех, связанных в цепочку... Порой, чтобы не уснуть в дороге, Карим-очкарик веселил нас смешными историями, которых он знал много.

Бот так, за разговорами, мы и не замечали, как добирались до «Заготзерна». И так каждый день: приезжали в город утром, сдавали зерно и к обеду возвращались в кишлак. По дороге, доехав до сая «Карачик», отряхивали с себя пыль, купались...

И вот однажды мы везли на заготовительный пункт девятьсот сорок килограммов зерна, но при взвешивании оказалось только девятьсот десять. Мы пробовали класть мешки на весы и так и этак, все одно! Мы начали подозревать весовщика, здорового детину с двойным подбородком.

Когда мы сдали зерно, вышли на улицу к своему «каравану». Тогда мы заметили, что среди нас нет Карима-очкарика. Когда же он успел улизнуть? Ждали мы его довольно долго. В конце концов он появился: с пустым мешком под мышкой он шел к нам со стороны базара с каким-то долговязым парнем. Нам это совсем не понравилось.

— Сын моей тети,— представил нам Карим-очкарик долговязого. А долговязый этот, с чубчиком, спадающим на лоб, поздоровался со всеми за руку и при каждом рукопожатии говорил: «Эрик», — и кивал головой. По всему было видно, что парень он городской. Он проводил нас до большой дороги и вернулся назад...

Доехав до Карачика, мы напились воды, искупались и поехали дальше. Настроение у всех было мрачное. Все мы думали только о том, куда же делась эти тридцать килограммов зерна? Когда мы отъехали немного от сая, Карим-очкарик вдруг схватился за живот и принялся громко стонать.

— Что с тобой?— спросили мы, окружив его.

— Ур-рюк...— насилиу выдавил он из себя.

— Урюк?! Да ты разве не знаешь, что после урюка нельзя пить сырую воду!— сказал я.

— Постой, постой. А где ты взял урюк? — спросил Агзам, будто почувствовав что-то неладное.

— Тетин сын... — простонал он и еще сильнее схватился за живот, не выпуская при этом мешок.

— Дай-ка сюда,— сказал ему Агзам, протягивая руку к мешку.— Вот чудак, если тебе худо так, чего же ты его держишь. Мы ж его не съедим!

Но Карим еще сильнее прижал мешок к животу.

Агзам быстро пощупал мешок и пристально взглянул Кариму в лицо.

— Сапоги? Откуда взял?

— Те-тин сы-ын...

— А ну, дай сюда,— Агзам вырвал мешок и вытряхнул из него содержимое: с глухим стуком на землю шлепнулась пара кирзовых сапог. А из углов мешка на них просыпались остатки зерна...

Мы сразу все поняли. Мы вспомнили, что Карим-очкарик отстал немного от каравана, сославшись на то, что ему необходимо по нужде. И было это возле самого города. Стало быть, тогда-то он отсыпал зерно в свой мешок и передал его «сыну тети». Он, видно, надеялся, что при сдаче это не обнаружится. Мы тут же решили изгнать его из каравана.

После того, как мы прогнали Карима-очкарика из каравана, он стал вертеться возле хирмана: таскал воду, помогал насыпать зерно в мешки... Но вскоре стал там сторожем, ездил верхом на лошади. При виде нас он мрачнел, видимо, вспоминал тот случай. Он даже здороваться с нами не желал.

В те дни и малые дети тоже собирали колоски на жнивье и носили их на хирман. За это им разрешалось брать немного зерна домой. И вот вчера, когда младшая сестренка Агзама несла домой свою долю, Карим-очкарик верхом на лошади догнал ее и вырвал у нее из рук мешочек с колосками. Бедная девочка ревела до самого дома. Видно, этим Карим-очкарик хотел отомстить нам...

Вернувшись из города, на следующий день, мы собрались поговорить с ним начистоту, всыпать ему как следует за это.

Как всегда, около полудня, мы подъехали к хирману; Карим был там. Он, словно почуяв что-то недоброе, поспешно сказал что-то Ирискеджи-бобо, быстро направился к своей лошади и стал садиться на нее. Удалось ему это лишь после нескольких прыжков. А я подошел тихо и взял лошадь за поводья. Тут сбоку подоспел Агзам и сказал:

— Ну-ка, слазь!

— Чего тебе?

— Разговор есть.

— Можно и так поговорить,— сказал Карим-очкарик, бледнея при этом.

— Слазь, тебе говорят!— Агзам резко дернул его за полу рубахи. Карим-очкарик чуть было не свалился с лошади.

Продолжая держать лошадь за поводья, я вдруг заметил странную вещь: когда Карим-очкарик от рывка накренился набок, из голенища кирзового сапога потекла на землю струйка зерна. Я не на шутку разозлился! Передав поводья Ганишу, я подпрыгнул и стащил его с лошади. И тут началась свалка. На шум прибежал Ирискеджи-бобо с деревянной лопатой в руках:

— А ну, разойдись! С цепи сорвались, что ли? Что здесь у вас происходит?

Мы расступились.

— Пусть снимет сапоги, тогда сразу узнаете... Снимай сапоги!

— Кому говорят?— дрожащим от гнева голосом произнес Агзам.

А Карим продолжал молча стоять посредине, вытаращив за стеклами очков глаза. В это время подошел и уполномоченный. Агзам быстро подскочил к Кариму и сильно толкнул его в грудь. Карим, покачнувшись, плюхнулся на землю. Слетели очки. Я проворно стащил с его правой ноги сапог. Из него высыпалась на землю золотистая пригоршня зерна.

— То-то я гляжу, ты частенько домой наведываешься. Стало быть, при этом ты каждый раз таскал столько зерна! Ну-ка, снимай другой сапог, бухгалтерский сынок! Не погань солдатские сапоги!— глухо проговорил бобо; у него даже борода затряслась от негодования.— Снимай!

Карим медленно стащил сапог и с левой ноги: высыпалась горстка зерна.

— Сколько же зерна ты перетаскал домой,— тихо спросил молчавший до этого уполномоченный.

— Да не таскал я домой никакого зерна. Я и сам не знаю, как оно туда попало... — захныкал Карим.

— Не обманывай!

— Не верите, вон, у Кабила спросите,— тихо проворкотал Карим, взглянув на стоявшего рядом с ним младшего брата.

— Глядите-ка, лиса свой хвост в свидетели приывает!— едко заметил кто-то.

Раздался дружный смех.

— А теперь катись отсюда!— рассердился Агзам.— И чтоб я тебя больше близко не видел возле хирмана!

Карим нашарил в пыли очки, надел их. Потом взял сапоги и медленно поднялся на ноги. Не оглядываясь, поплелся прочь. Ирискеджи-бобо огорчился не на шутку и сказал в сердцах уполномоченному:

— Вот, полюбуйся-ка, полномош бола, парень-то, оказывается, нечист на руку. А еще бухгалтера сынок!

Когда Карим был уже довольно далеко, Агзам крикнул ему вслед:

— Передай привет тетиному сыну!..

3. НА ОЧИСТКЕ АРЫКА

Вот уже три дня мы очищаем арык от ковыля.

Кстати, а знаете ли вы, что такое ковыль? Это такое растение с зелеными листьями, которое растет в воде. И растет очень густо. Если летом хотя бы один раз не очищать арык, то ковыль преграждает путь воде. При этом замедляется течение, и кишлак не получит и половины воды, которую мог бы принести чистый арык.

На полпути между нашим кишлаком и городом протекает сай под названием Карачик. От него в наш кишлак течет арык. Называют его Беларык. Кстати, дорога в город пролегает вдоль этого арыка. И вот мы чистим его. Всего нас здесь двенадцать человек. Кроме учителя Кучкара, у всех в руках серпы, ими мы и срезаем ковыль. И хотя арык на время запрудили, он достаточно глубок. Вода в нем нам до пояса, а есть места, где она доходит до груди. Дно арыка заросло мелким камышом... Он мешает убирать ковыль. Время от времени мимо нас проскальзывает водяной уж. Некоторые ребята от страха, отчаянно шлепая по воде ногами, пульей выскакивают на берег. Признаться, я их тоже побаиваюсь. Змея — есть змея... Но утрам лезть в воду просто не хочется. Брр... холодная, как лед. А когда солнце в зените, вода нагретая,

вается. Солнце печет нестерпимо. Сушит кожу, она натягивается на лице так, что думаешь, вот-вот лопнет. Даже улыбаться больно. А вот в пасмурные дни благодать!

Мне казалось, будто работа наша вовсе не продвигается. В день мы чистили метров триста-триста пятьдесят. Ковыль, выброшенный на берег, сперва высится там ярко-зелеными кучками, а потом высыхает на солнце, желтеет, жухнет.

За эти три дня мы здорово вымотались. Но настроение у нас бодрое, мы даже находили время для шуток и смеха. На очистке арыка девчонок нет, не для них эта работа. Нет сейчас среди нас только Карима-очкарика. Он возит нам катык. А остальные все тут: и Агзам, и Абдунаби, и Джалил...

Наш председатель колхоза сдержал свое слово, и теперь нас в обед кормят горячей пищей. Похлебка из пшеничной сечки! Объедение. И готовит ее учитель Кучкар собственноручно. Кроме того, мы ловим в арыке немного рыбы, жарим ее. Перед обедом Карим-очкарик привозит нам катык на верблюде Ирискелди-бобо, но отчего-то нет в этом катыке никакого вкуса. Я рассказал ребятам о том, что узнал от своего дедушки, когда мы с Агзамом ездили в город. Они очень удивились.

— Судя по тому, какой жидкий катык он привозит, он, скорее всего, разбавляет его водой, окаянный!— сердито проговорил Агзам.

— Но как он это делает? Ведь между фермой и Беларыком воды нигде нет.

Когда спор наш был в самом разгаре, к нам подошел учитель Кучкар, постукивая по земле костылем. Все сразу замолчали, но Агзам не растерялся и продолжил как ни в чем ни бывало:

— Мы просто договорились через часик вчетвером пойти половить рыбу. Если, конечно, учитель разрешит.

— Абдунаби, Джалил, Эргаш, ну-ка давайте постараемся как следует... А то ведь скоро на рыбалку идти...

И мы принялись за работу. А учитель Кучкар занялся обедом. Так как очаг был на вчерашнем месте, мы оказались довольно далеко от него.

— Надо бы приготовить дров учителю,— сказал Агзам.

— Сперва поработаем немного, а потом притащим ему туякорин.

Растение это в переводе на русский значит «верблюжий желудок». Когда дует ветер, то вырывает его с корнем и катит по земле, словно шар. На ветвях у него полно колючек, так что его нужно брать за корень, не то можно поколоть руки.

За полчаса до обеда мы вчетвером вылезли из арыка и приволокли учителю Кучкару четыре «верблюжьих желудка». Учитель остался нами очень доволен. Мы налили ему воду в казан, и он разрешил нам пойти порыбачить.

— Значит, на рыбалку собираетесь? — сказал он, опираясь на костыль.

— Хорошо бы, — Агзам незаметно подмигнул нам.

— Ну, ладно, только не задерживайтесь. Скоро катык привезут.

— Не беспокойтесь...

И как были, в мокрой одежде, мы пустились бежать. Расстояние между фермой и Беларыком составляло километра три. Пространство это сплошь заросло тамариском, напоминало настоящие тугаи, здесь было много жаворонков...

Разбившись на пары, мы стали поджидать Карима-очкарика. От тишины, царившей кругом, звенело в ушах. Ее нарушал лишь монотонный стрекот кузнечиков. Где-то пел жаворонок.

Мы поджидали Карима-очкарика, укрывшись под кустами тамариска. Было очень жарко, к тому же едкий запах тамариска, напоминающий запах табака, щипал ноздри, бросал в пот. Цветы тамариска сыпались нам за шею, вызывали зуд. Но зато для засады место было самое удобное: здесь нас никто не заметит, даже если специально будет искать.

Тут со стороны фермы показалась черная тень. Должно быть, это был тот, кого мы поджидали... Однако вышла промашка: это оказался какой-то всадник на лошади, и ехал он в сторону кишлака.

Вдруг мы услышали крик верблюда, и нам больше не нужно было гадать — на этот раз — это точно Карим.

Агзам подал знак, чтобы мы затаились. Карим-очкарик пустил верблюда вскачь, нахлестывая его хворостинной, а верблюд-бедняга кричал от боли. Так

он проскакал мимо нас. Когда крик верблюда слышался уже довольно далеко, мы вышли из засады.

— Скорее за ним! — взволнованно проговорил Агзам. — Только надо соблюдать осторожность, чтоб он нас не заметил.

— Бежим.

И мы бросились вдогонку. Внезапно мы потеряли верблюда из виду. Он перестал кричать. Мы остановились, не зная что делать.

Тогда Агзам шепотом прикрикнул на нас:

— Ну, чего вы встали?

— А куда идти-то?

— Э, что вы за люди! — разозлился Агзам. Он жестом указал на небо. Неподалеку от нас, в воздухе кружилось несколько галок. — Если в небе кружатся птицы, стало быть, на земле что-то происходит.

Мы осторожно направились к тому месту, над которым кружили птицы, как вдруг Агзам остановился как вкопанный, приложил палец ко рту.

Потом произнес шепотом:

— Вон, вон, видите?.. Да вон там, под большим кустом тамариска!

И мы все отчетливо увидели такую картинку: верблюд стоял на коленях, а Карим-очкарик копошился под кустом... Вот он снова сел на верблюда, поднял его на ноги и уже не спеша двинулся дальше. Когда он отъехал, мы бросились к тому кусту. Мы заметили, что здесь истоптана земля не оттого же, что верблюд один раз встал на колени? Агзам пошарил под кустом и неожиданно вытащил мешок. Он раскрыл мешок, и мы увидели коричневую кастрюльку, закрытую крышкой. В кастрюльке было много еще как следует не дошедшего масла, словно только что с маслобэйни!

Мы стояли, разинув рты от удивления.

— Ах, негодяй! — гневно воскликнул Агзам.

И нам все сразу стало ясно: этот умник, каждый раз, когда вез с фермы два бидона с катыком, изо всех сил погонял верблюда, и от тряски масло поднималось на поверхность. Когда он приезжал на это место, то открывал крышки бидонов, снимал сверху свежее масло и клал его в кастрюльку. Каждый день с двух бидонов получалось около четырех килограммов масла! Вот почему, оказывается, он и ездил через день на базар!

— Ну-ка, берите ее, — велел Агзам, указывая на кастрюльку. — Нам надо успеть, пока Карим не ушел.

Мы с Джалилом побежали другой дорогой. Прибежали мы одновременно с Агзамом и Абдунаби. К счастью, Карим тоже только что подъехал и поставил верблюда на колени — сюда он ехал шагом, каналья!

Когда мы отложили мешок в сторону, учитель Кучкар заметил его и сказал, улыбаясь:

— Ого, видать, крупный у вас улов.

— Крупный! — ответили мы.

— Неужто сома поймали?

— Тут рыбка покрупнее сома...

— Ну, показывайте.

— Чуть позже... — загадочно сказал Агзам.

Удивившись такому ответу, учитель Кучкар только пожал плечами.

Обычно в час дня мы выпивали по литру катыка и снова принимались за работу, а в три часа ели горячее. И вот со своими чашками мы собрались вокруг бидона с катыком... Джалил первым получил свою долю. Отпив глоток, он возмущенно произнес:

— Точь-в-точь как вчерашний. Да самый плохой айран в тысячу раз вкуснее!

Тут Агзам не выдержал. Он быстро подошел к бидону и заглянул внутрь.

— Почему он такой жидкий? — обратился он к Кариму.

Тот молчал.

— Я, между прочим, тебя спрашиваю.

— А я откуда знаю, — сказал он, как можно спокойнее. Но было заметно, что он нервничал.

— Так ты не знаешь? — спросил Агзам.

— Не знаю...

— Эргаш, а ну, принеси, — подал мне знак Агзам. Мы с Абдунаби принесли мешок. Увидев его, Карим сразу переменялся в лице. А ребята стояли удивленные, не понимая, что происходит. Агзам вынул из мешка кастрюльку.

— Твоя?

Очкарик стоял, словно набрав в рот воды.

— Тебя ведь спрашивают.

С этими словами Агзам отвесил ему оплеуху. Карим повалился на землю, застигнутый ударом врас-

плох. Ребята схватили Агзама. Учитель Кучкар вышел на середину.

— Сейчас же прекратить, что здесь происходит?

И тут я рассказал обо всем по порядку. Всех охватил гнев. Если бы позволили им, Кариму бы не повезло. Но все равно Джалил не сдержался и выплеснул катык из своей чашки в лицо Карима.

Кто-то тут же схватил Джалила за руки, но рот ему закрыть не смог: он стал на чем свет стоит носить Карима. А тот, чуть не плача, снял очки и стал вытирать их о штаны. Тогда учитель Кучкар медленно проковылял к нему и за руку поднял с земли.

— Ну-ка, пойдите со мной, сынок,— сказал он, ведя его за собой на берег арыка. — Умойтесь-ка...

Карим смыл с лица катык, вытерся, надел очки. Учитель Кучкар усадил его на берег. А мы все ждали, чем же это закончится.

— Скажите-ка, что это такое?— спросил учитель Кучкар у Карима, жестом указав на воду в арыке.

— Вода...— прошептал Карим.

— А что такое, по-вашему, вода?

То ли Карим не понял вопроса, то ли не мог сообразить, какое отношение имеет это к нему, он не произнес ни звука.

— Кажется, я вас спрашиваю?

— Не знаю...— буркнул Карим.

— Раз не знаете, так знайте: вода — это жизнь. Вода дает нашему кишлаку жизнь, орошает наши посевы, без нее не поднялись бы хлеба, не созрели бы дыни, арбузы, не было бы хлопка. Теперь вам понятно?

— Понятно...— снова буркнул Карим.

— Теперь взгляните вот на это,— сказал учитель Кучкар, указывая на кучу жухлого ковыля на берегу. — А это что?

— Ковыль...

— А зачем мы убираем его из воды?

— Чтобы он не мешал ей...

— Верно, стало быть, соображаете.

Карим молчал.

— Так что же мы можем сказать о человеке, который обманывает тех,— учитель Кучкар снова указал на кучу ковыля,— которые уничтожают эту преграду воде?

Карим по-прежнему молчал, понурился головой.

— Так какая же разница между таким человеком и этим ковылем? — Учитель Кучкар весь затрясся от негодования. Мы впервые видели его таким:

— Одно мне только непонятно: как же умещается такое коварство в такой крохотной голове? Кто вас научил такому?

— Кто же, кроме папаши его, — сказал кто-то.

А Карим-очкарик продолжал молчать, закусив губу.

Тогда учитель Кучкар посмотрел на нас и спросил:

— Ну, что нам с ним делать, ребята?

А что мы могли сказать? Мы своими ушами слышали, как учитель Кучкар обращался к нему на «вы» и совсем не думали, что после этого он обойдется с ним сурово. И все же Джалил сказал за всех нас:

— Потерял он всякое доверие! Пускай убирает ковыль. Пусть узнает, какая это тяжелая работа. Чем он лучше нас?!

Мы одобрительно поддакнули.

— Нет, — неожиданно сказал учитель Кучкар. — Его просто нужно убрать, как этот ковыль, чтобы он не мешал нашему благому делу.

— Учитель правильно говорит. Не нуждаемся мы в его помощи! Того и гляди он и арык испоганит!..

— Вот так-то, человек хороший, — сказал учитель Кучкар. — Вы свободны.

Карим-очкарик угрюмо поднялся с места и направился к верблюду.

— Оставьте беднягу в покое, — тихо сказал учитель Кучкар. — Довольно с него незаслуженных побоев... А катык жнецам отвезет сегодня кто-нибудь другой.

И Карим побрел прочь. Отойдя подальше, он повернулся и что-то крикнул, но мы не расслышали. Да и что бы он там ни кричал, дела у него были скверные: он лишился друзей, навлек на себя их гнев. И все-таки где-то в глубине души нам было жаль его...

— Агзам, садись на верблюда и отвези катык жнецам, — сказал учитель Кучкар. — А то они, небось, важдались уже. А завтра мы назначим для этого другого человека.

Агзам сел на верблюда и уехал. А Кучкар-учитель подошел к очагу и стал ворошить горящие угли кочергой. Настроение у всех испортилось, разве ж в такое время до еды? Переглянувшись, мы пошли сно-

ва чистить арык... Учитель Кучкар, видно, очень переживал за случившееся и долго ни с кем не разговаривал.

4. ПОЧЕМУ КАРИМ НЕ ПРИШЕЛ СЕГОДНЯ В ШКОЛУ?

Если бы наш учитель по литературе не задал нам написать дома сочинение на тему: об истории нашего кишлака, почему он называется Чаман — мы бы и продолжали жить, как жили, не задумываясь над этим. И правда, если бы в нашем кишлаке не было бы ни одного деревца, ни одного цветочка, тогда бы еще можно было задасться таким вопросом, почему, дескать, Чаман?

Размышляя над этим заданием, мы с Агзамом решили сперва расспросить о нашем кишлаке у его отца, а потом уже писать.

Вечером я пришел к Агзаму домой. Посреди комнаты стояла хантахта, на которой слабо светила лампа. Вокруг хантахты сидели родители Агзама, он сам и его младшие сестренки и братишки. Свет от лампы тускло освещал их лица. А вокруг царила полутьма. Когда я вошел, отец Агзама любезно встретил меня: «А, Эргашбай, проходи!» Агзам отлично знал, зачем я явился и подвинулся, освобождая для меня место возле себя. Вскоре, допив чай, все, кроме отца Агзама, вышли из комнаты. Мы с Агзамом тоже остались. Наконец дядя Пулат стал спрашивать меня об учебе, о школьных делах.

— Ну как, помирились вы со своим дружкой, а? — спросил он неожиданно.

— С каким это? — Я быстро взглянул на Агзама. Он только пожал плечами.

— Да с тем, кто очки носит... Из махалли «Ковункурт»... Ну, бухгалтера сынок.

— А, это вы о нем? Да мы и не ссорились... — уклончиво ответил я.

— Вот как, а я слышал обратное... — Дядя Пулат чуть усмехнулся и внимательно посмотрел на нас.

Мы с Агзамом молчали. Тогда дядя Пулат сказал:

— Не надо ссориться по пустякам, ребята. Вы ведь из одного кишлака, земля у вас общая. Тем более в такое время, когда война идет с фашистами...

Эх, видимо, он ничего не знает. Разве ж мы стали бы ссориться с ним по пустякам. Ведь он позарился на колхозное добро... Хотел было возразить я, но решил все-таки смолчать. Да и потом пора было уже заговорить о том, что интересовало нас больше всего. И я спросил:

— Амаки, а почему это наш кишлак называется «Чаман»? И отчего он поделен на три махалли, весь он такой маленький?

Может, оттого, что дядя Пулат не ожидал такого вопроса, или оттого, что так круто переменялась тема разговора, он слегка удивился. Потом посмотрел на меня с улыбкой и покачал головой, словно говоря: Неужто ты сам не знаешь? Потом задумался. После долгой паузы он поднял голову и посмотрел на нас.

— Бас еще в то время не было на свете,— начал он, усаживаясь поудобнее. В этот момент в комнату вошла сестренка Агзама с чайником свежезаваренного чая. Она поставила его на хантахту перед братом и на цыпочках вышла. А дядя Пулат продолжал:— Шел тогда 1931 год. Жили мы в колхозе «Байналминал». И эти места, на которых стоит сейчас наш кишлак, были тогда пастбищами того колхоза. Правление колхоза, желая расширить посевные площади, стали сеять и здесь пшеницу, рожь. Ездить сюда ежедневно на работу было очень тяжело. Расстояние ведь приличное — верст тридцать. И вот некоторые семьи решили обосноваться здесь: сперва переехало пятнадцать-двадцать семей. Жили поначалу в шалашах. Затем нас становилось все больше и больше... Оттого и назвали нашу махаллю «Кирккапа», то есть сорок шалашей.

— А откуда взялись махалли «Чапанийртган» и «Ковункурт»? — нетерпеливо спросил Агзам.

Дядя Пулат засмеялся.

— Одним из первых переехал сюда один проворный парень по имени Дадамат. Как-то раз он повздорил со своим соседом и в драке порвал ему халат. Люди хотели помирить их, да, видать, сильно обиделся Дадамат на соседа и переехал оттуда, построив себе дом в другом месте, подальше от него. Потом возле него стали селиться и другие. И вот в память о том происшествии с той поры называют люди махаллю, где жил Дадамат, махаллей «Чапанийртган», то есть махаллей «Порвавшего халат».

— А почему третья махалля называется «Ковункурт»? — не выдержал теперь я.

— У нее своя история. Жил в нашем кишлаке один человек по имени Исмаил. Лицом он был очень смуглый, до черноты. Да вы его, должно быть, не помните. Бедняга умер в тридцать седьмом году. Славный был человек. Правление колхоза назначило его заведующим птицефермой. И была она прежде там, где сейчас и находится махалля «Ковункурт». И прозвали ее так из-за его смуглой кожи,— сказал дядя Пулат и умолк на минуту.— Кстати, этот ваш очкастый дружок приходится внуком тому Ковункурту... Вот так-то! А теперь расскажу я вам о том, почему кишлак наш зовется «Чаман». Это тоже интересная история. Жил в нашем кишлаке один очень забавный парень Эшмат-арбакеш... Да он и сейчас жив, и вы его прекрасно знаете. Ну тот, что наезжает в город к твоему дедушке. И в те дни он частенько ездил в город на своей арбе, запряженной волом. И вот, возвращаясь как-то из города, при въезде в кишлак колесо его арбы попало в арык и она застряла. И когда он, перемазанный глиной, мокрый пытался вытащить арбу, мимо проезжал какой-то путник и спросил его: «Брат! Как называется этот кишлак?» И тогда Эшмат ответил с иронией: «Чаман!» Люди прослышали про этот случай и крепко смеялись. Но с тех пор наш кишлак стали называть «Чаман». А до этого название его было «Ейлма», то есть «Разлив». Теперь об этом даже позабыли. Людям очень понравилось новое название. На одной из сходов стали даже говорить об изменении названия нашего кишлака. Присутствующий при этом представитель из района сказал тогда: «А ведь и в самом деле чудесное название. И хоть кишлак ваш еще не очень-то похож на цветник, но вы непременно сделаете его таковым. Вам это под силу!»

«Где уж там, — возразил кто-то, — земли у нас для этого неподходящие, солончаки». Тогда один из аксакалов сказал так:

— Не беда. Вымоем мы соль из почвы, и деревья посадим, и цветники разобьем. Однако, браток, не в этом дело. А дело в трудолюбии и красоте людей наших. И название это к лицу им! — На этом разговор и закончился. Сейчас об этом никто уже не вспоминает: все привыкли к новому названию. И кишлак наш еще станет прекрасным, как цветник. Люди у нас та-

кие. Колхозники наши в районе всегда впереди: и если чаманцы говорят что-нибудь, то слова у них с делом не расходятся. Да и в этом году вовремя сдали зерно? Вовремя, да сполна. И план по мясу, молоку, маслу выполнили? Выполнили. И хлопок вовремя соберем, я в этом не сомневаюсь.

При этих словах нам так и захотелось похвастаться: ведь и мы внесли свой вклад в это. Ведь это мы додумались до «ишачьего каравана». А кто чистил арык?

— И вы должны быть достойны названия нашего замечательного кишлака,— сказал в конце дядя Пулат.— А если вы будете ссориться друг с другом из-за пустяков, то название нашего кишлака того и гляди превратится в «Жанжал»¹.

Немного пристыженные этими словами, мы сидели молча, опустив головы. Наконец дядя Пулат оперся руками о край хантахты и поднялся со своего места. Мы тоже встали...

После этого разговора я задумался: а правильно ли мы поступили с Каримом? Ну, споткнулся парень, а мы его сразу гнать. Что он от этого лучше стал, что ли? Вот и сегодня в школе было собрание. Шел разговор об участии школьников в сборе хлопка. И все ребята, которые выступали на нем, почему-то были заняты лишь критикой. Карим, мол, он такой, он сякой. Но странно, что ни один из нас не сказал ни слова о том, как помочь ему исправиться, как наставить его на путь истинный.

Придя домой вечером, я поужинал, разделся и лег в постель. И снова стал думать о Кариме. На собрании нас хвалили. А кому же не нравится похвала! Агзам, Абдунаби, Джалил, я... переглядывались тайком, рты у нас были до ушей от удовольствия. Мы сверлили взглядами беднягу Карима, мол, слушай, какие мы хорошие. А у него был такой вид, будто он хотел провалиться сквозь землю. Он сидел молча, низко опустив голову. Почему ни один из нас не встал тогда и не сказал: «Послушайте, друзья, но ведь Карим тоже работал вместе с нами. Ну, хорошо, конечно же он совершил очень неблагоприятный поступок, ну, споткнулся человек и это был наш долг — поправить его вовремя. А мы этого не сделали. Вернее,

¹ Жанжал — скандал.

и не желали делать. И в том, что он стал таким, винивая и все мы! А еще чаманцы!»

...Утром все кишлячные ребята спешили в школу. В нашем кишляке всего одна школа — неполная средняя. Кто желает после седьмого класса учиться дальше, едет в город. Вот и мы с Агзамом через год тоже поедem в город учиться. Я буду жить у дедушки. Да и Агзаму интернат не потребуетcя: у него в городе старший брат живет. Неподалеку от дедушки. Так что, мы опять будем вместе...

Когда я вошел в класс, прозвенел звонок. Как обычно, в классе стоял невообразимый гвалт. Все кричали так, будто кругом были глухие. Кто-то гнался за кем-то, кто-то бегал по партам.

— Здорово, Эргаш! — крикнул кто-то, пулей проносясь мимо меня. Глянул я, а это, оказывается, Агзам. Он, видать, задел чем-то дылду Агила и тот гнался за ним.

Дверь со скрипом отворилась, и в класс вошел учитель Кучкар. В руке у него была географическая карта и указка. Стало сразу тихо, все торопливо встали по своим местам.

— Здравствуйте, учитель!..

— Здравствуйте. Садитесь, — голос у нашего учителя был ласковый, спокойный. Он оглядел класс и не спеша взял со стола журнал: — Кто сегодня дежурный?

— Я... — вскочил из-за парты дылда Агил, который гнался за Агзамом.

— Кого сегодня нет?

— Кроме Карима все на месте, учитель.

— Никто не знает, почему он не пришел сегодня?

Ребята заговорили наперебой:

— Видать, не вынес вчерашней критики...

— Это он от зависти, что хвалили других, а не его!

— А за что его хвалить-то! Так ему и надо!

Учитель поднял руку, призывая к тишине.

— Ну, довольно, начнем урок. Кто скажет, что мы проходили на прошлом уроке?

В этот момент кто-то тихонько постучал в дверь, а затем чуть приоткрыл ее. Все разом повернули головы в ту сторону.

Я увидел в раскрытой двери голову какой-то женщины, повязанную синим платком.

Учитель Кучкар сказал:

— Дежурный, пойдите узнайте, в чем дело.

Внимание всего класса было приковано к двери. Через некоторое время дежурный отдал учителю какую-то бумажку и, довольный собой, уселся за парту. Учитель прочитал записку, лицо его сделалось хмурым, руки чуть заметно задрожали. И мы сразу поняли, что известие, которое он получил, недоброе.

— Ваш товарищ Карим..— тихо проговорил учитель Кучкар после долгой паузы,— не пришел сегодня в школу, потому что у него погиб на фронте старший брат. Вчера пришла похоронка...

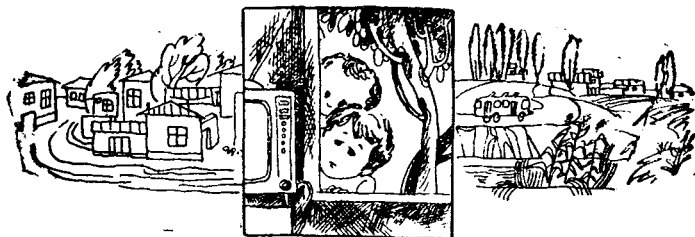
В классе воцарилась гнетущая тишина. Ребята, которые только что гадали — стчего Карим не явился в школу, говорили о нем всякие неприятные слова, сидели теперь подавленные и смущенные.

Уроки сегодня не были в радость. Когда прозвенел последний звонок, Агзам, я, Абдунаби, Джалил, Ганиш направились в махаллю «Ковункурт», забыв о всяких обидах, чтобы поддержать товарища в трудную минуту.

Когда мы подходили к дому Карима, Агзам вдруг дернул меня за рукав и знаком показал, чтобы я оглянулся. Я посмотрел назад и увидел, что вслед за нами сюда направляется весь наш класс во главе с учителем Кучкаром. Я очень обрадовался этому. «Гнев, так же, как и доброта — это все средства воспитания,— говорил нам учитель Кучкар в тот день, когда мы прогнали Карима из-за катыка.— Поглядим теперь, если гнев наш не исправит его, тогда употребим и нашу доброту. В доброте человеческой сокрыта великая сила!»

— Стойте, ребята, давайте подождем их, — сказал Агзам.— Все вместе зайдем.

И мы стояли, поджидали их, испытывая чувство гордости за доброту наших одноклассников и вместе с тем, разделяя боль товарища, на которого обрушилось такое горе...

ВНУКИ ОЗОРНИКА

Перевод А. Атикузиева

Часов в одиннадцать утра Анвар с Фуркатом сели в автобус Ташкент — Назарбек. Как только автобус тронулся с места, Анвар, глядя в окно, стал вспоминать одно за другим события вчерашнего дня...

I

Только бы не отступить от своего дела. Отступишься, и люди станут считать тебя плохим. А все неприятности начались с физического кабинета. И Анвар, и Фуркат являются членами двух школьных кружков: первый — кружка по физике, второй — кружка «красных следопытов». Будучи членом кружка, Анвар постоянно копался во всем, что попадало под руку: будь то радиоприемник или телевизор, звонок или утюг. А когда он занят своим любимым делом, тут уж не до уроков, не до еды. Должно быть, поэтому первое полугодие Анвар закончил неважно: в таблице у него красовались три двойки.

И вот сегодня Анвар возвращается домой довольный. В руке у него выгоревший на солнце черный портфель, сморщенный, словно старые ичиги, в котором, видимо, лежит что-то тяжелое и при каждом движении кажется, что он вот-вот порвется. Настроение у него отличное: третью четверть окончил он без двоек, с одними тройками. Вот бы повстречался ему сейчас какой-нибудь дружок, показал бы ему дневник, похвастался бы! Пусть бы даже из младшего клас-

са. Но, как назло, никто ему не встретился. Несколько пацанят, едва завидев его, припустились бежать. Спросите, почему? Да потому, что побаиваются его. Он такой...

Когда он уже подходил к дому, то повстречался лицом к лицу с тощим стариком-татаринном, разносившим почту в их махалле; на нем была старая кепка и светло-серый плащ на подкладке. Он семенил стариковской походкой, склонившись набок под тяжестью сумки, из которой торчали газеты, журналы, бандероли. Жители махалли из уважения называли его «Атий».

— Здравствуйте, Атий, — почтительно поприветствовал его Анвар.

— Ие, это ты, Анвар. Здравствуй, здравствуй, — сказал Атий, тоже останавливаясь. — Как учеба, малай?

— В порядке, — ответил Анвар, обрадовавшись, что Атий остановился и спросил о делах. Он быстро вытащил дневник из портфеля и показал его Атию. — Вот, смотрите, Атий, ни одной двоечки...

Поправив тяжелую сумку на плече, Атий стал просматривать дневник. А там были сплошные тройки. Пораженный Атий спросил:

— Эй, а где же четверки-пятерки?

— А учителя наши считают, что тройки лучше всяких там четверок-пятерок, — соврал Анвар.

Атий смотрел на него с изумлением.

— Вот оно что...

Сказав это, он снова поправил сумку, странно как-то улыбнулся и, покачав головой, пошел своей дорогой. Анвар поспешно крикнул ему вдогонку:

— Атий, а мне писем нет?

— Пиши, и тебе напишут... — сказал Атий, не оборачиваясь. — Ежели ты не пишешь, то кто же будет писать тебе?..

Он подошел к синим воротам Фурката и опустил письмо в почтовый ящик. Анвар заметил, что конверт был какой-то необычный. Анвар буквально сгорал от любопытства. Что же это за письмо? Не Фуркату ли? Откуда оно?

Как только Атий завернул за угол, Анвар подбежал к воротам и, с трудом просунув мизинец в щель почтового ящика, вынул письмо. Оно оказалось из журнала «Гулхан» и было адресовано... Фуркату.

Анвар отошел в сторонку и перед тем, как внима-

тельно разглядеть конверт, воровато оглянувшись по сторонам и вдруг увидел вдалеке Фурката. Он на минутку растерялся, не зная, что делать. Ежели снова бросит письмо в ящик, то не узнает, что в нем. А вскрыет, станет читать, может не успеть. Короче, он решил положить письмо на место и уже сделал было шаг, но увидел, что Фуркат подошел уже совсем близко. Кроме того, он что-то кричал ему, но Анвар не смог разобрать. И он поспешно сунул конверт в карман куртки.

— Ты чего здесь стоишь? — спросил Фуркат, подходя к нему.

Подумав, что Фуркат заметил письмо, Анвар поначалу растерялся, но затем немного успокоился и спросил:

— Да так. А ты чего так задержался?

— Представляешь, Гайрат получил письмо из «Гулхана». Мы его читали.

От этих слов у Анвара будто что-то оборвалось внутри. Он невольно сунул руку в карман, где лежало письмо, но тут же вытащил ее.

— Представляешь, — продолжал Фуркат, — в нем говорилось: «Сообщаем Вам, что Вы приняты в члены клуба «Красные следопыты», созданного при журнале «Гулхан». Пишите нам о ветеранах Революции, героях гражданской войны, проживающих по месту Вашего жительства, об их бессмертных делах, об их беспримерных подвигах...». Может, помнишь, как в тот день наша вожатая составляла списки «красных следопытов»? Этот список, оказывается, послали в «Гулхан». Видимо, всем ребятам по этому списку послали письма. Другие тоже уже получили. И мне должно прийти.

Анвар стоял молча, будто не слышал его слов.

— Вот если бы мы раньше всех разыскали таких героев, — возбужденно проговорил Фуркат. Потом взгляд его упал на портфель Анвара. — Чего это там у тебя? Утюг, что ли?

Анвар кивнул головой.

— Что же ты матери скажешь?

— Э, чего она скажет, — пришел немного в себя Анвар. — Неужели за него лупить станет?

Если бы Фуркат не знал его мать. Он странно как-то посмотрел на друга и загадочно улыбнулся. Затем повернулся к дому.

— Если все будет тихо, заходи попозже, — сказал он. — Потолкуем.

— О чем?

— Как о чем? О том, как найти героев гражданской войны.

Не ответив ему, Анвар тоже повернулся и пошел к своим воротам. Постучав, он долго ждал. Не дождавшись, он тихонько просунул руку в щель между створками и, изловчившись, снял дверную цепочку. Дверь отворилась со знакомым скрипом. Он тихонько вошел внутрь и пошел через двор к дому, как навстречу ему выбежала младшая сестра Махфуза.

— Ох и попадет тебе!

— Это почему же?! — опешил Анвар.

— А кто приемник слсмал, а?..

— Да не ломал я его. Просто снял проигрыватель и поставил на школьную радиолу. У нас в музыкальном кружке проигрыватель испортился... Члены кружка танцевать не могли... Вот я и отнес его туда, не веришь, пойдй завтра и погляди сама..

Махфуза скривила губки и зашла в дом. Когда Анвар собирался уже переступить порог, из дома вышла мама. Вид у нее был серьезный. Анвар невольно отпрянул назад и вежливо пробормотал:

— Здравствуйте, мамочка.

— Гляди какой ты вежливый стал! — сказала мама, стоя на пороге.

— А то как же, — сказал Анвар обеспокоенно. — В этой четверти ни одной двойки... Вот смотрите...

С этими словами он положил портфель на землю, отчего раздался какой-то глухой стук.

— Говоришь, двоек нет...

— Так точно, мамочка... Вот посмотрите дневник.

— А что у тебя в портфеле?

— Тетради, книги...

— Это они так стучат? Ну-ка, дай его сюда.

— Ах, это? Совсем забыл, это утюг, мамочка, утюг.

— Утюг?! Чей утюг?

— Наш...

— А зачем ты его таскаешь в портфеле?

— Это... в нашем школьном швейном кружке утюг перегорел. Поэтому...

В спешке он не смог открыть дверную цепочку. Чувствуя на себе дыхание преследовавшей его мате-

ри, он принялся бегать вокруг двора. А Махфуза, ябеда эта, стояла у двери, ухмыляясь, словно говорила: «Так тебе и надо!» А мама гонялась за ним, ругая его на чем свет стоит:

— Из-за тебя, негодника, ни радио, ни телевизор не работают. Теперь ты и до утюга добрался, окантный...

— Мамочка, утюг-то ведь целый! Не верите, проверьте...

Ничего не помогло. Видя, что дела плохи, он кинулся к забору и перемахнул через него. А со двора все доносилась мамина брань.

Спрыгнув на улицу, он остановился. Не знал, что делать, куда податься. Было очень холодно. Мороз пробирал до костей. Он попробовал попрыгать, чтобы согреться. Не помогло. Ему стало очень досадно. Во всем виновата эта ябеда Махфуза. Если бы она не наядбедничала бы маме, все было бы в порядке: он бы тихонечко поставил утюг на место, разделся бы и сейчас попивал бы горячий чаек. «Ну, ябеда, ты у меня еще получишь! — злился он в душе, — проучу я тебя, как следует...»

Но как бы ее проучить? Может, стащить у нее из портфеля дневник и разорвать его в клочья? Нет, не выйдет. Чего-чего, а дневников сейчас полно в магазинах. Купит новый. Или косы ей отрезать, когда она спит? Нет-нет, и это не пройдет. Тогда и отец задаст взбучку, не говоря уже о маме. Что же придумать? Как отомстить ей? Чего он только не придумывал. Но ничего не подходило. Вдруг мимо него прошла какая-то женщина. Должно быть, она шла с базара: в одной руке она несла веник, а в другой — сетку, в которой лежало несколько чашек. При виде чашек, в голове у него возникла одна мысль. «Ур-ра, нашел, — обрадовался он. — Чего больше всего не любит Махфуза? Мыть посуду. Конечно, если посуды будет мало, ну, там, несколько тарелок, чашек, то она их быстро вымоет. Это даже я смогу. Надо, чтобы грязной посуды было очень много. Вот тогда она здорово намучается. А когда бывает много грязной посуды? Когда приходят гости! Сейчас пройду по домам и приглашу гостей. Спросят, по какому поводу, скажу, мол, у мамы день рождения. Именно так я и сделаю...»

Придя к такому решению, он начал с Расулмата-

ака, приветливого человека, который жил через три дома от них. Есть у него дочка, красивая, как кукла. Учится в младшем классе. Позавчера, когда они гоняли в футбол на улице, мяч неожиданно упал в их двор! Анвар нажал кнопку звонка, дверь вскоре открылась, и он увидел ту самую девочку. В руке у нее был мяч. Он быстро взял мяч, сказал: «Спасибо».

Как же ее зовут? Ах да, Зухра! Так Зухра вместо «пожалуйста» показала ему язык и с треском захлопнула дверь.

Вспоминая об этом, Анвар снова нажал черную кнопку звонка. Из глубины двора донесся глухой звонок «пинг-пинг», а вслед за ним женский голос крикнул: «Сейчас». Через минуту дверь открыла жена Расулмата-ака.

— Проходи, милый.

— Ассалом алейкум. А Расулмат-ака дома?

— С работы еще не вернулся, а что? — с интересом спросила женщина.

— Это... приходите вечером к нам.

— Зачем?

— У мамы, это, день рождения...

— Ой, вон оно что? Тогда обязательно придем, милый.

— И Зухру с собой берите. С Махфузой нашей поиграет.

— Хорошо, хорошо, милый.

Таким образом он обошел еще дома и пригласил людей на «мамин день рождения». «Приходите папами, мама очень просила. Не придете, обидится. И детей приводите, двор у нас большой, пусть поиграют, наказывала мама», — говорил он им.

Когда Анвар оповестил десятое по счету семейство и направлялся к очередному дому, навстречу ему снова попался Атий. Он возвращался уже с пустой сумкой и идти ему было гораздо легче.

— Как хорошо, что я вас встретил, Атий, — не моргнув глазом, соврал Анвар. — А то я как раз собирался идти к вам домой.

— Это почему?! — удивился Атий.

— Вы, оказывается, сегодня вечером будете у нас, — сказал Анвар, пытаясь уверить его. — У мамы день рождения. Поэтому мама с папой послали меня сообщить об этом. Сказали, чтоб вы пришли с женой. Не придете, обидятся.

— Вот как?— проговорил Атий, пытаясь найти на его лице признаки притворства. Но Анвар был так серьезен, что ему просто нельзя было не поверить. — Придем, придем. С женой. Спасибо, что позвал!

И Атий пошел своей дорогой. А Анвар, позволив еще в две-три двери и пригласив на «день рождения», зашел к Фуркату. Фуркат был дома. Но ни Фуркату, ни его родителям он даже не заикнулся о «дне рождения». А все оттого, что они — близкие соседи, кроме того их отцы — родственники. Так что, они все равно бы не поверили. Во-первых, к Анвару они особого доверия уже давно не питали. А во-вторых, они то отлично знали, когда у кого день рождения, у них даже тетрадка была, где все это было записано. Поэтому здесь лучше было держать язык за зубами.

Анвар с Фуркатом поговорили о школе и разговор снова вернулся к письму из «Гулхана». За разговором Анвар хотел было вынуть письмо из кармана, отдать его хозяину и извиниться, но не осмелился. Спросите, почему? Да потому, что его могли бы прозвать воришкой, как уже звали вралем. Быть может, сказано это слишком уж сильно, но, согласитесь, стащить чужое письмо это не шутка! Нет, он должен помалкивать. Надо отыскать какой-нибудь другой способ вернуть письмо.

Сидели они долго. Так и не могли придумать, как и где разыскать им героев гражданской войны. Когда стемнело и мама Фурката зажгла свет в доме, Анвар поднялся уходить.

— Куда же ты, сейчас ужин будет готов,— сказала мама Фурката.

— Спасибо, пойду домой,— вежливо ответил Анвар.

— Ну, ладно, завтра поговорим. Завтра суббота, да? — Фуркат взглянул на большой календарь, висевший на стене. — Ага, точно. Тогда давай-ка попробуем после уроков расспросить махаллинских стариков? Они-то знают.

— Согласен...

Ответ Анвара прозвучал без всякого энтузиазма. Не то, чтобы ему не понравилось предложение товарища, просто ему было сейчас совсем не до этого. Он думал сейчас о том, пришли ли гости и что ждет

его дома. На душе у него было тревожно, ноги не слушались.

Но как только он вошел в свой двор, взору его открылась удивительная картина: двор был занят ярким светом двухсотсвечевой лампочки, установленной прошлой осенью специально по случаю тоя и с тех пор ни разу не зажигававшейся. Во дворе с веселыми криками играли в мяч детишки. Он осторожно заглянул в окно комнаты и увидел, что она полным-полна гостей. Они чему-то весело смеялись. Анвар тихонько подкрался к кухонному столу: две девочки мсют посуду. Одна, безусловно, Махфуза. А кто же вторая? Он не смог разглядеть ее, так как она стояла спиной к нему. Но вот она повернула лицо к Махфузе и он узнал ее — Зухра. Он очень обрадовался и уже без всякого страха вошел.

— Привет! — сказал он, словно взрослый.

Обе девочки разом обернулись.

— А, это ты, ну, погоди еще,— проговорила Махфуза, глядя на брата так, будто хотела проглотить его.— Теперь ты пропал!

«Ишь ты, пугает. Постеснялась бы при посторонней девочке!»

— Поделом тебе, трудись. Тебе еще долго мыть придется,— не остался в долгу Анвар.— Не будешь ябедничать...

— Мама тебя накажет.

Зухра, слушая перепалку брата с сестрой, стояла молча и улыбалась. Стыд-то какой, перед чужой девочкой. И чтобы положить этому конец, Анвар повернулся и пошел в дом.

— Ассалом алейку-ум... — он с опаской посмотрел сначала на маму, а потом на папу. Оба они улыбались. Это придало ему смелости. И он взглянул на гостей. Настроение у всех было чудесное. На почетном месте за столом сидели и Атий с женой, такие нарядные. Рядом с ними Расулмат-ака с супругой, словом, все, кого он приглашал. На груди Атия красовалось несколько рядов разноцветных орденских планок. Ах, Атий, ну и тихоня! Где он столько орден-нов получил? Вот, стало быть, за что его так уважают в махалле!

Подумав, что гости не услышали его приветствия, он сказал на этот раз погромче:

— Ну как, хорошо ли сидите?

Отчего-то в ответ раздался дружный смех.

— Ну, Анвар, и проказник же ты! — сказал Расулмат-ака, вытирая полотенцем жирные от плова пальцы. — И дед его покойный озорником был. Да, настоящий внук своего деда... ха-ха-ха...

Анвар посмотрел сперва на папу, потом на маму, не зная, то ли сесть за стол, то ли нет. Кто-то из гостей сказал:

— Расулмат-ака, расскажите-ка Анвару о том происшествии, случившемся в Назарбеке. Раз он внук своего деда, то пусть знает.

— О каком? О том, как он поступил с Толанходжой баем? Ха-ха...

— Вот смеху-то было... ха-ха-ха. — У Атия на глазах выступили слезы. — Помру, ей-богу, помру...

— Да, кстати, Атий, вы же тоже тогда были, а?

— Как же не был-то? Я ведь тогда толмачом был. Как же не был? — проговорил Атий, насилу сдерживая смех. — Он тогда русского не знал. Был я возле него сколо года, слова русского командира переводил.

— А разве вы не были в то время мастеровым в депо?

— Нет, не мастерсвым, я ведь тогда совсем зеленым был. Четырнадцать годков было мне всего, — сказал Атий, став серьезным. — Был я тогда помощником у одного мастерского, Иваном Николаевичем его величали. Кроме железного лома носил и листовки. Связным был. А потом меня направили к Заману толмачом. Мы были вместе с дедом Фурката — Кадыром. Он был ровесник мне. Вот он много знает.

— Вот оно как? — сказал Расулмат-ака. — Но и вы, хоть и были в ту пору молоденьким, многое ведь испытали, а?

— Как же, как же... — сказал Атий, приосаниваясь, мол, гляди, старуха. — Ах, те времена...

— Итак, ха-ха-ха... Атий, конечно, знает об этом, однажды... было это то ли в двадцатом, то ли в двадцать втором году... особый отряд Замана отправился в Назарбек...

— Анвар!!!

Весь обратившийся в слух, застывший посреди комнаты Анвар быстро оглянулся. В дверях стояла Махфуза.

— Да погоди ты... — шепотом сказал он.

— Иди сюда!..

Похоже, у нее какой-то секрет. Анвар заколебался: пойдет он сейчас к Махфузе, и не услышит интересного рассказа про деда, а не пойдет... Вон Махфуза как-то уж очень странно улыбается, что-то здесь не так. «Что за бумага у нее в руке? Видать, что-то срочное». И он вышел за дверь.

— Ну, чего тебе?— спросил он нетерпеливо.

А Махфуза, наоборот, не спеша, вытерла руки о фартук и показала ту бумагу:

— Что это?

Анвар побледнел. У Махтузы было письмо, которое пришло Фуркату из «Гулхана».

— Что это, я тебя спрашиваю?— серьезно спросила Махфуза.

Совсем растерявшись, Анвар сказал, запинаясь:

— От-ткуда оно у тебя?

— Проводила я только что Зухру домой, возвратилась, гляжу, куртка твоя висит в коридоре, а из кармана половинка письма выглядывает. Ну я и взяла поглядеть, что это за письмо... Итак, откуда ты его взял?

— Зухра, значит, ушла?— спросил Анвар, желая сменить тему.

— Ты не крути. Говори, откуда взял?

— Твое-то какое дело? А ну, дай сюда!— прошипел Анвар. По всему было заметно, что с него сошла привычная спесь. Хорошо еще, что Зухра ушла, ей вовсе не обязательно присутствовать при этом.

По его виду Махфуза поняла, что письмо он просто-напросто украл. Наконец-то она одержала над ним верх!

— А если я сейчас отнесу его Фуркату, не стыдно будет, а?

Анвар не на шутку перепугался. Он хотел было отнять письмо у сестренки, но вовремя вспомнил, что в доме гости и принялся умолять ее:

— Махфузочка, милая, ты ведь у меня умница, дай-ка его сюда...

— Так я и отдала! Ты еще получишь за сегодняшнее!

— Махфузочка, родненькая... Клянусь, больше этого никогда не будет. Умереть мне на этом месте, даю честное слово...

— Какой толк от твоего честного слова?— Чем больше терялся Анвар, тем больше торжествовала Махфуза. — Сейчас отнесу письмо Фуркату... Пускай все ребята узнают про твои проделки.

— Махфузочка, миленькая, только не это! Отдай мне письмо. Сделаю все, что пожелаешь...

— Правда?

— Правда!

— Тогда...— Махфуза начала развязывать фартук. Ничего не понимая, Анвар стоял, вытаращив на нее глаза. — Возьми фартук и марш мыть посуду!

— А потом отдашь письмо?

— Пусть пока полежит у меня.

— Фуркату не скажешь?

— Не скажу. Если сделаешь то, что сказано...

Иначе...

— Ладно, вымою уж.

Повязав фартук, Анвар стал с шумом мыть посуду, злясь в душе оттого, что так нелепо попался и, кроме того, не услышал такого интересного рассказа про деда. А Махфуза стояла рядом, командовала, мол, мой так, вытирай эдак. Короче говоря, Анвар так намучился с мытьем посуды, что насилу доплелся до кровати и тут же уснул.

На следующее утро, как только он проснулся, то сразу увидел, что настроение мамы можно было сравнить с грозовой тучей. «Да, пока гроза не грянет, туча не успокоится»,— подумал он про себя, умываясь. На всякий пожарный случай, чтобы не попасть впросак, как вчера, если разразится «гроза», он надел кирзовые сапоги, теплую куртку и даже положил портфель возле входной двери и только тогда сел к столу завтракать. Папа уже давно ушел на работу. За столом сидели только мама, Махфуза и он. Чай пили молча. Анвар украдкой наблюдал за мамой: лицо у нее было какое-то усталое, бледное, губы вздрагивали, нервничала, должно быть. Анвар испугался. Он чувствовал, что больше нельзя сидеть молча, нужно что-то сказать.

— Мама,— как можно ласковее произнес Анвар,— а что сделал дедушка в Назарбеке?

Мехри-хола, сын которой своей вчерашней выходкой доставил столько хлопот, ожидавшая, что он хотя бы повинится, взорвалась:

— Вот что сделал твой дедушка!— С этими словами она слегка ударила его рукой.

От неожиданности и боли Анвар на секунду опешил, но увидев, что мама снова занесла руку для удара, вскочил и пулей бросился на улицу, схватив на бегу портфель. «Гроза разразилась!»

— Ах ты негодник, ты у меня еще попляшешь!— кричала вдогонку ему мама.

Хорошо еще, что дверь была открыта, не то бы опять пришлось ему лезть через забор! Сломая голову, он бросился к дому Фурката. Только перед его дверью он перевел дыхание. Нахлобучив на голову ушанку, он нажал кнопку звонка.

— А, это ты? Чего так рано?— спросил Фуркат, отворив дверь. Похоже было, что он еще не завтракал.— Ну?

— Поехали в Назарбек. Знаешь, я вчера слышал от Расулмата-ака, что твой дед воевал в гражданскую в Назарбеке. И Атий вместе с ним, оказывается, воевал.

— Да ну?— сразу оживился Фуркат.— Какой Атий, это почтальон наш, что ли?

— Он самый!

— Вот это да! Ладно, я мигом, только оденусь...— Фуркат повернулся, сделал шаг, но тут же остановился, словно вспомнив о чем-то, и обернулся.— Ой, а как же школа?

— Э, подумаешь, пропустим один день. Возьми, положи мой портфель у себя.

— А как быть с родичами?

— Ну, записку напишем, так мол и так...

— И все же...

— Да послушай ты, если мы найдем героев, никто нам и слова не скажет,— с уверенностью в голосе проговорил Анвар.— К тому же деда твоего навестим.

Услышав о деде, Фуркат молча вошел в дом. В самом-то деле, ведь сегодня суббота. Съездим, переночуем одну ночь, а завтра все узнаем и вернемся.

II

Вот о чем вспоминал Анвар, задумчиво глядя в окно, когда Фуркат дернул его за рукав. Анвар точ-

но очнулся ото сна, огляделся и понял, что едет в автобусе. Ему показалось, что Фуркат хотел дать ему понять, чтобы он уступил место усатому дядьке и он поспешно встал с места.

— Амаки, садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, сынок, только где ты раньше-то был? — с укором проговорил тот.

Анвар покраснел как рак, ибо автобус и впрямь уже подъезжал к остановке. Скрипнув тормозами, он остановился перед каким-то большим зданием. Сходя с автобуса, Фуркат вдруг вскрикнул:

— Гляди, вон дедушка!

— Э, тебе в любом старике дед твой мерещится, — буркнул Анвар.

— Да умереть мне на этом месте! Вон, в магазин зашел, — пытался уверить его Фуркат.

— Ладно, пойдем посмотрим...

Один за другим, перебравшись через островки грязного снега, сваленного на обочине, они перешли улицу и вошли в магазин.

— Э, голубчики. Милости просим, милости просим, — встретил их стоявший за прилавком продавец, толстый мужчина лет шестидесяти, с приторной миной на лице, с тоненькими, словно ниточки, усиками, скаля золотые зубы. — С вас суюнчи, Кадыр-ата, мулла Фуркат пожаловали. Внучек ваш.

В этот момент Кадыр-ата завязывал в узелок покупки: несколько пачек чая, два куска хозяйственного мыла и коробок двадцать спичек.

— Ассалом-алейкум, бобо, — поздоровался с дедом Фуркат. Анвар тоже поздоровался. Кадыр-ата погеловал внука в лоб, обрадовался. Потом ответил на приветствие Анвара. Расспросил внука о домашних. Затем, сделав над глазами козырек ладонью, пристально поглядел на Анвара. Видимо, не узнал его.

— Чей ты будешь, сынок? — спросил Кадыр-ата, все еще внимательно разглядывая Анвара.

— Да это же сын дяди Нурмата, — ответил за Анвара Фуркат, смутившись оттого, что дед не узнал его.

— Э, вот как? Гляди-ка, ты ведь нам не чужой, а я тебя и не признал, — рассмеялся Кадыр-ата, — стареем, стареем. А ты совсем взрослым парнем стал. Дома как, все ли здоровы?

... Спасибо, привет передавали, — приврал Анвар.

— Ну, дай бог им здоровья, — сказал Кадыр-ата.

Затем, видимо, вспомнив о чем-то, хохотнул.— Дед твой, покойник, очень забавный был человек.

— Кто это, Кадыр-ата? Я его знал?— встрял в разговор продавец.

— А то как же, мулла Джавланходжа, знал.. Ха-ха...— сказал Кадыр-ата, взяв узелок в руку.— Кто ж его не знал. Это ведь Заманали, ох и всыпал он тогда перцу богатеям! А это его внук!

При имени Заманали продавец заметно побледнел. Только Кадыр-ата уже не смотрел на него, и ничего не заметил.

— Ну-ка, сладкие мои, пошли,— сказал он и вышел из магазина, постукивая о землю посохом. Фуркат тут же взял у него узелок.

Улицы Назарбека были неровные, в некоторых местах скопилась вода, превратившись в лед, а на солнечной стороне снег растаял и превратился в жижу, клюпал под ногами. Наблюдательный Анвар все думал по дороге, отчего это так переменялся в лице продавец при упоминании имени деда. Про себя он был уверен, что за этим непременно что-то кроется, но спросить у Кадыра-ата об этом сейчас постеснялся.

Возле входной двери дома Карима-ата они повстречали курносого паренька с покрасневшимися, будто помидоры, щеками, в новенькой, хотя и забрызганной кое-где грязью, одежде, в меховой шапке. Как оказалось, это был сын дедушкиного соседа, того самого обходительного продавца, который так приветливо встретил их в магазине.

Поздоровавшись с ним, они вслед за Кадыром-ата вошли в дом. При виде внука Сарви-хола не знала, куда себя деть от радости. Расспросила дорогих гостей о здоровье домашних. А Кадыр-ата развязал узелок, вынул из него покупки и встряхнул пустой платок.

— А теперь, ребятки мои, мне нужно сходить по делу в одно место. А вы пока поиграйте вот с Саттарходжой,— так звали соседского сына, — я скоро вернусь. Тогда и поговорим вволю. Хорошо?

Ребята кивнули головами. Удивившись тому, что Кадыр-ата прибавил к имени этого мальчишки «ходжа», Анвар быстро взглянул на него.

Когда Кадыр-ата ушел, ребята вышли на улицу. Довольно долго разговор у них не клеился. Сарви-хола уже три раза звала их пить чай, но они отказа-

лись, говорили, что подождут дедушку. Анвар с Фуркатом ничего не сказали Саттарходже о цели их приезда. Ведь это была только их тайна!

Через некоторое время Саттарходжа взглянул на свои позолоченные наручные часы и сказал немного хвастливо:

— Пойдемте к нам. Сейчас мультик будет. Телевизор у нас цветной...

Был бы у него обычный телевизор, они бы, конечно, не пошли, но Анвар с Фуркатом еще ни разу не смотрели цветной телевизор и, пробормотав согласие, тихонько последовали за Саттарходжей. В дверях они столкнулись лицом к лицу с какой-то сгорбленной худенькой старухой в черном бархатном камзоле, в лакированных махсикаушах, голова ее была повязана цветастым платком поверх белого ситцевого. Ребята поздоровались с ней. Старуха буркнула что-то в ответ. Кто знает, может, ответила на приветствие, не разобрать было.

Когда они вошли во двор, то разинули рты от удивления: двор был громадный. В Ташкенте бы на таком пространстве поместилось не менее пяти участков. По одну сторону двора стоял роскошный дом с айваном, а по другую — просторный коровник, возле него длинный узкий навес. В одном конце навеса был устроен курятник, огражденный проволокой. В нем было полно кур... В коровнике стоял упитанный бычок, чуть поодаль лежали две коровы и жевали...

Зайдя в дом, они удивились еще больше: гостиная была увешена яркими коврами, в одном углу стояла радиола «Ригонда», возле нее — красивый сервант, видать, заграничный. А в другом углу стоял здоровенный телевизор. «А мы говорим, мол, у нас телевизор есть. Вот это действительно телевизор. Гляди-ка, «Электрон» называется», — подумал Анвар. Ему так хотелось подойти к нему и потрогать. Тем временем Саттарходжа нажал какую-то кнопку. Вскоре послышалась музыка, потом появилось изображение. Фуркат с Анваром вскрикнули даже. Они так увлеклись, что не заметили, как кончился мультик и начался хоккей.

...Вдруг дверь в комнату распахнулась, и в ней оказалась голова того продавца. Он тут же набросился с криком на сына:

— Чего это ты собираешь всякий сброд, только грязь в дом носишь! — с этими словами он быстро подошел к телевизору и с треском выключил его. — Ступайте, представление окончено! Эх, озорники...

Анвар с Фуркатом просто обалдели от такого обращения. Да тот ли это человек, который только недавно еще называл их «голубчиками», был таким сладкоречивым?

Когда, ошеломленные, они вышли на улицу, уже стемнело. Саттарходжа, видимо, опасаясь отца, на улицу не вышел. Зашли в дом к деду. В комнатах было темно. Сарви-хола возилась на кухне и свет в комнатах еще не зажигала. Фуркат быстро включил свет в комнате. Дедушка лежал на одеялах, возле хантахты, дремал. От света он открыл глаза и сел на одеялах.

— А, светики мои, долго же вы были у своего нового дружка.

Они оба промолчали. Удивившись, старик вопросительно посмотрел на них, но тут вошла Сарви-хола с ляганом дымящегося шилпылдыка. Комната тут же наполнилась аппетитным, щекочущим ноздри, запахом копченого мяса. Только тут ребята почувствовали, что голодны, как волки.

— Ах, старуха, балуешь ты своих внучков, — с улыбкой сказал Кадыр-ата, взял сверху кусок копченого мяса с поджаристой корочкой и стал резать его на мелкие кусочки. — Гляди-ка, даже шилпылдык им сготовила.

— Что делать, люблю я своих верблюжат, — улыбнулась в ответ Сарви-хола.

Как разительно отличалась атмосфера в этом скромном доме от той, что царила в роскошных хоромах скряги. Здесь все было проникнуто прямотушием и добротой!

Наевшись вкусного шилпылдыка, Фуркат с Анваром вытерли руки.

— Ну и едоки! Бабка ведь специально готовила для вас, ешьте, — покачал головой Кадыр-ата. — Сразу видно, городские. Или Саттарходжа угощал вас, а?

— Нет-нет, просто мы наелись, — ответил Фуркат.

Вытерев руки полотенцем, Анвар подумал, что настало время для беседы и спросил Кадыра-ата:

— Бобо, это... мы что-то не поняли. Что за человек Джавланходжа?

Кадыр-ата посмотрел на ребят. Фуркат с Анваром рассказали, как он называл их в магазине «голубчиками», а когда разговор зашел о дедушке Анвара, побледнел вдруг и, наконец, как обошелся с ними в своем доме. Кадыр-ата привычно рассмеялся.

— По сути дела, это я дал промашку, светики мои,— сказал он, тоже вытирая руки. — Я не должен был говорить, кто такой дед Анвара.

— Почему, бобо?

— Да потому, что отец Джавланходжи Толанходжа был в те времена одним из крупных баев. Жил он, в основном, в городе, но затем взял себе молоденькую жену... Вы, должно быть, видели ее, старуху. А тогда... в те времена было ей всего лет шестнадцать-семнадцать, этой старушенции... Итак, было у него в нашем кишлаке загородное имение и он время от времени наезжал сюда, мироед. После установления новой власти он когтями и зубами дрался за свое богатство, ребятки мои: прятал у себя в доме врагов новой власти, снабжал их деньгами, оружием, этот негодяй. И разоблачил его твой дед, Анвар.

— Как?

— Ха-ха-ха...— рассмеялся в ответ Кадыр-бобо.

Анвар не на шутку рассердился. И что это все смеются, когда речь заходит о его деде. А что он такого смешного сотворил, никто не рассказывает. Скавали бы, и он бы посмеялся вместе с ними. Наконец, не выдержав, он сказал:

— Бобо, почему, когда речь заходит о моем деде, вы смеетесь, а почему, не говорите... Вчера у нас дома и Атий, и Расулмат-ака тоже смеялись, говоря, ну и занятый человек был твой дед. Что же все-таки произошло?

— А кто такой этот Атий?— вдруг спросил Кадыр-ата.

— Атий это Атий. Ну, старик-татарин, который почту разносит в нашей махалле... — попытался объяснить Анвар.

— Э, так вы его зовете Атием?— удивился Кадыр-ата.— Как он поживает? Мы его звали Руфат-толмач. Бравый был парень, фамилия его Хайруллин. Не было у нас человека, который бы не знал Руфата Хайруллина! Переводчиком он был у твоего деда и русского командира. Он говорил, да?

Вспоминая о чем-то, Кадыр-ата на минутку задумался.

мался. Затем, поглядев на сгорающие от нетерпения лица ребят, сказал:

— Хорошо, слушайте, расскажу я вам как было дело...

Стояли жаркие летние дни двадцать первого года. Люди забились в свои дома. В кишлаках было беспокойно. Часто слышались тревожные слухи: то в одном, то в другом кишлаке ночевали басмачи. Но в Назарбеке было спокойно. В то время Советскую власть в кишлаке возглавлял человек по имени Маткарим, одним своим видом он вселял ужас в людей: ходил он в кожаной куртке, в кожаной фуражке, в галифе. На боку у него болтался огромный маузер, а когда он ездил верхом, кое-кто просто дрожал от страха. «Советская власть едет, Советская власть едет», — кричали люди и бросались в стороны и не шевелились, пока он не проедет. Да разве могли проникнуть в кишлак чужие, ежели власть в нем принадлежала такому сильному человеку?! Да никогда! Должно быть, люди относились к нему с почтением, а некоторые старики даже молились на него.

...И вот однажды, как раз во время утреннего завтрака, кто-то постучался в дверь. Кадыр открыл дверь и увидел какого-то нищего. А уж кого-кого, а нищих в те времена было хоть отбавляй. Кадыра немного покоробил его вид.

— Именем Бехауддина... Подайте милостыню... — промолвил нищий. Сказав так, он почему-то стрельнул глазами по сторонам. Кадыр на мгновение пристально взглянул ему в лицо и молча хотел было уйти, как вдруг нищий прошептал: «Постой, Кадыр!»

От изумления Кадыр оглянулся. А нищий быстро юркнул в дверь и мгновенно затворил ее за собой. Затем сказал Кадыру с улыбкой:

— Твой дядя передавал тебе поклон.

— Какой еще дядя?!

— Как какой, да Заманали! — с этими словами он спокойно снял с головы нищенский колпак, затем дернул за бороду и она осталась у него в руке. Кадыр остолбенел от удивления. Ибо перед ним стоял не кто иной, как сам кишлачный учитель Ариф! Учитель Ариф!

— Ой?!

— Тихо... — учитель приложил к губам указательный палец. — Так было надо. Теперь слушай: попы-

тайся как бы между прочим выяснить, в своей ли усадьбе сейчас находится Толанбай. Нам донесли, будто он здесь. Только будь осторожен.

— Но как же я это сделаю?

— Мы и об этом подумали: подойди тихонько и постучи в ворота. Их непременно откроет его слуга. Ну, этот, Эгам-клыкастый. Вообще-то, он трус, но очень уж простоват. Скажешь ему, что вилы понадобились, отец, мол, послал. Ежели даст, стало быть, бая в доме нет. А ежели забеспокоится, не даст, кричать станет, значит, бай дома. Понял?

— Понял.

— Ну, ежели понял, тогда ступай. Я тебя здесь буду ждать.

Усадьба Толанбая стояла на окраине кишлака, недалеко от дома Кадыра. Она была обнесена высокой стеной, обсаженной тополями, за ней простиралась фруктовый сад, виноградники, цветники. Через двор с журчанием протекал арык. В глубине двора высились роскошные хоромы. Кадыр несколько раз бывал в этой усадьбе по делам. Взволнованный важным заданием, он шлепал босыми ногами по пыльной улице. Вокруг не было ни души, казалось, все живое попряталось от жары. Казалось, что и деревья изнывали от зноя... И земля была раскалена, обжигала подошвы ног. Чем ближе Кадыр подходил к усадьбе Толанбая, тем сильнее билось его сердце.

Наконец, он был у цели. Он на минутку остановился перед громадными воротами, сработанными из толстенных досок, внимательно оглядел их: ворота были наглухо заперты. Стояла тишина, нарушаемая лишь стрекотанием кузнечиков. Кадыр собрался с духом и постучал в дверь, вделанную в ворота. Долгое время изнутри не раздавалось ни звука. Тогда он постучал снова, погромче. Вскоре послышался мужской кашель, а затем раздался звук шагов. Залаяла собака.

— Прочь, Алапар,— прикрикнул мужчина. Это был голос Эгама-клыкастого.

Звякнул дверной засов: сперва вверху, затем внизу... Дверь со скрипом отворилась, и в ней показалась бритая голова Эгама-клыкастого в старой тюбетейке. Явно было, что он чем-то обеспокоен, на улицу он не вышел, а только высунул голову. Он вопросительно кивнул Кадыру, мол, чего тебе?

— Ассалом-aleyкум, Эгам-ака, — почтительно поздоровался Кадыр. — Отец меня послал. Просил на время пару вил.

У Эгама-клыкастого усы поднялись дыбом.

— Э, убирайся прочь... — зло крикнул он и с треском захлопнул дверь. — Гляди-ка, нашел время просить...

А Кадыр нарочно, чтоб он подумал, что ему в самом деле позарез нужны вилы, стукнул еще пару раз в дверь. Но в ответ услышал лишь быстро удаляющиеся шаги.

Тогда он быстро вернулся домой и обо всем рассказал Ариффу-учителю. Учитель Ариф кивнул головой, о чем-то задумался на минутку.

— Ладно, большое тебе спасибо, — сказал он, неторопливо надевая на голову нищенский колпак. Затем приклеил фальшивую бороду. — Только об этом не должен знать ни один человек. Хоршо? Ну, пока! И он ушел.

...А на следующее утро по улице кишлака, поднимая за собой облако пыли, проскакал небольшой отряд красных конников. В эту пору, может, оттого, что было еще не так жарко, или же по какой другой причине, на улице было многолюдно. Удивленные люди жались к обочине, разглядывая отряд. А отряд направился прямо к усадьбе Толанходжи и окружил ее. Затем несколько конников встали на седла, перемахнули через стену и открыли ворота изнутри. И тут же через них проскакал Заманали с четырьмя конниками. Эгам-клыкастый, дрожа от страха, стоял, опершись о столб длинного узкого навеса — бостирмы.

— Где хозяин? — спросил у него Заманали. Он вынул из кобуры маузер.

Эгам-клыкастый онемел от ужаса. После повторного вопроса он посмотрел на внутренний двор и кивнул головой. Пулей Заманали поскакал туда. Немного спустя изнутри послышался женский визг, а затем сдавленный мужской голос:

— Ах, ты, сукин сын!.. Чтоб у тебя руки отсохли... Ой...

Это был голос Толанходжи.

Вскоре Заманали вывел из дома связанного бая. Увидев его, люди стали покатываться от хохота. Руки у Толанходжи были связаны за спиной, был он с непокрытой головой, в длинной до колен, белой бязевой

рубаше... Подштанники сползли ему на ноги, мешали идти, словно кандалы. Шутник-Заманали то ли спешил, когда брал его, то ли не мог найти, чем бы его связать, или же просто оттого, что был он парень с юмором и ему захотелось подшутить над баем, словом, он связал ему руки поясом, на котором держались штаны у бая.

Несколько бойцов обыскали двор, помещения, но ничего не смогли найти. Затем тщательно обыскали коровник, тыкая штыками во все подозрительные места, но снова вернулись ни с чем, пожимая плечами.

Тогда Заманали принялся допрашивать бая:

— Где оружие?

— Какое еще оружие? — прикинулся протачком бай.

— Какое? Которое давеча было куплено на твои деньги у ферганских басмачей. Где оно?

— Знать не знаю ни о каком оружии.

— Знаешь!!!

Заманали неожиданно выстрелил в воздух. Его резкий голос прогремел одновременно с выстрелом:

— Знаешь!!!

Толанходжа насмерть перепугался. Он повалился на колени и стал молить о пощаде:

— Расскажу, все расскажу... только не убивайте...

— Ежели покажешь, где спрятано оружие, это тебе зачтется.

— Покажу...

— Так где оно?

— В пещере, на берегу Бурджара. Вход в нее заложен ветвями. Только не убивайте...

— Ну-ка, пошли! Сам покажешь...

— Да как же я в таком виде-то? Сжальтесь, мусульмане...

— А ты жалел нас, когда покупал оружие против нас? — сказал Заманали, направляя в него маузер. — А ну, пошли, показывай!

Толанходжа тяжело поднялся с колен и еле волоча ноги, двинулся вперед.

Красные конники, с винтовками наперевес, последовали за ним. Впереди них ехал Заманали, с маузером в руке. На улице столпился народ. Некоторые смеялись, другие хмуро говорили:

— Поделом ему!

— Есть, оказывается, справедливость на белом свете.

— Смерть мироеду!

— Надо было его вообще без штанов пустить.

Когда они вели бая по улице, им навстречу покакал какой-то всадник. Когда он приблизился, все сразу узнали его: это был Маткарим. Он обратился к Заманали:

— Что это за шутовство!

Толанходжа с надеждой во взгляде уставился на Маткарима, ему казалось, будто вот сейчас тот вырвет его из рук врага.

— Никакого шутовства здесь нет, — ответил ему Заманали. — Мы арестовали этого человека. По нашим данным, Толанходжа купил у ферганских басмачей оружие и патроны и хотел передать их здешним врагам Советской власти.

— Чепуха какая-то! — сказал Маткарим, сразу став серьезным. — Только это ведь надо доказать, товарищ Заманали.

А Толанходжа заискивающе глядел то на Маткарима, то на Заманали, все еще надеясь, что его вот-вот освободят.

— А чего доказывать. Он сам нам сказал, где прячет оружие. Мы и едем за ним, — спокойно сказал Заманали.

У Маткарима оцетинились усы.

— Ой, подлец, ой, вражий элемент, — с этими словами он в мгновение ока вытащил маузер из кобуры и в упор выстрелил в Толанходжу.

Толанходжа рухнул, как подкошенный: на груди, на белой рубашке стало расплзаться темное кровавое пятно. Он с трудом приподнял испачканную в пыли голову и прохрипел:

— Ах, негодяй... По своим стреляешь?!

Тогда Заманали, находившийся рядом, быстро схватил руку Маткарима, в которой он держал маузер.

— Что вы наделали?!

— Пусти, я сам порешу этого подлеца!.. — Изо всех сил он попытался освободить руку, но не смог даже пошевелить ею. Он продолжал кричать. — Никакой пощады врагам революции!.. Пусти, да пусти ты, тебе говорят! Я этого сволоча...

Маткарим тоже был очень силен. Не поддаваясь Заманали, он снова нажал на курок. На этот раз пу-

ля полетела в воздух. Завязалась схватка. Красные конники сначала растерялись немного, а потом кинулись на подмогу Заманали. Они тут же обезоружили Маткарима и стащили его с коня.

— По всему видать, что вы были заодно с Толанходжой, и, чтобы тайна не раскрылась, хотели застрелить его, не так ли, таксыр? — проговорил Заманали, тяжело дыша. — Арестовать его!

— Да ты знаешь, что говоришь! — не желая сдаваться, крикнул Маткарим. — Да я глава Советской власти в кишлаке! Ты еще за это ответишь!

— Надо будет, ответим, — спокойно сказал Заманали. — Свяжите ему покрепче руки за спиной. А Толанходжу развяжите, перевяжите его, поправьте ему штаны и посадите на лошадь. И побыстрее! Нам нужно еще найти спрятанное оружие.

Когда красные конники связали Маткарима и вскочили на коней, от его прежнего вида не осталось и следа, даже усы у него обвисли, он заметно присмирел. Жители кишлака, и без того удивленные тем, что случилось с Толанходжой, увидев, как красные конники арестовали самого Маткарима, которому они так доверяли, опешили.

А Заманали-командир со своим отрядом, с одним пленным и одним раненым, поскакал к окраине кишлака, в сторону Бурджара...

III

— Вот такие дела, — закончил свой рассказ Кадыр-ата. — Это только одно из событий, которому я лично был свидетелем. А в те времена столько всего было, э-ге...

Фуркат с Анваром сидели, не произнеся ни звука, все еще находясь под впечатлением дедушкиного рассказа.

— А этот прохиндей... я о Давланходже говорю, — пояснил Кадыр-ата, — до сих пор стыдится этого позора папаши своего. Сам-то он тогда был в утробе матери. А когда вырос, услышал обо всем от людей... Вот почему он так переменялся в лице как только услышал имя твоего дяди, Анвар... — Кадыр-ата сделал паузу.

Фуркат с Анваром все также сидели молча, боясь отвлечь его от рассказа. Кадыр-ата, видать, вспомнил еще что-то и улыбнулся себе в бороду.— После этого случая еще долго смеялись. Да разве можно его забыть?

Увлечшись интересным рассказом, Анвар с Фуркатом сидели, боясь пошевелиться. Чай, который налила в пиалы Сарви-хола, давно уже остыл. Кадыр-ата отхлебнул из своей пиалы и воскликнул, посмотрев на Сарви-холу:

— Бай-бай-бай... Чай остыл, невкусным стал.

Сарви-хола встала с места, взяла чайник и вышла из комнаты. А Кадыр-ата, отодвинув от себя пиалу с холодным чаем, взглянул на ребят.— Вот, верблюжата мои, и такое было.

Фуркат с Анваром переглянулись. Видимо, они хотели о чем-то спросить, но стеснялись, боясь утомить дедушку. Кадыр-ата тут же заметил это. Вопросительно посмотрел на них.

— А что стало с этим Маткаримом?

— Этот негодяй оказался самым большим врагом. Гляди-ка, в партию пролез, Советской властью заправлял... Это он, сговорившись с ферганскими басмачами, купил оружие, а деньги бай дал. Толанходжа успел рассказать об этом перед смертью командиру красных бойцов. Видите, этот негодяй снаружи якобы красный был, но душа его была черна, он оказался злейшим, матерым врагом.

Тем временем Сарви-хола принесла свежезаваренный чай. Кадыр-ата рассказал еще немало интересного: по его словам, после того, как отряд, где командиром был Заманали, схватил Маткарима, то тут же поскакал к Бурджару. Бойцы около часу искали пещеру, о которой сказал Толанходжа. Сам он был в это время в беспамятстве и ничем помочь не мог. Правда, в поисках бойцам помогали ребята. Отыскав наконец, пещеру и разобрав завал из веток, которым был закрыт вход в нее, они вынесли оттуда около двадцати ружей, немало сабель, пулемет «Максим» и ящики с патронами. Погрузив все это на коней, отвезли в город. Кадыр с несколькими своими приятелями тоже поехали с ними. Там-то он и повстречался с Руфатом Хайруллиным. Он тогда переводил, когда русский командир допрашивал Маткарима. Да, кста

ти, там он встретился и с Арифом-учителем. Он тогда взглянул на Кадыра и подмигнул ему...

— Э, старик-баловник, рассказываешь старые байки, совсем уже головы заморочил моим верблюдам,— сказала Сарви-хола.— Пейте, а то чай опять остынет.

— Да, кстати, достань-ка из сундука узелок, старушка,— сказал Кадыр-ата, вспомнив о чем-то.

— Какой? Чего ты еще вспомнил вдруг?

— Ну тот, в котором папка с моими пенсионными бумагами...

Отказать ему было просто невозможно. Старик шибко не любил, когда ему перечат. Сарви-хола со вздохом поднялась с места и стала снимать курпачи с крышки сундука. Затем, открыв сундук, покопалась в нем немного и, наконец, достала узелок из красной материи.

— Ну, что ты там копаешься, старуха?— нетерпеливо проговорил Кадыр-ата.

— Да вот он, чего ты так торспишься, как на пожар...

Сарви-хола развязала узелок, достала какую-то старую, пожелтевшую от времени, папку и протянула ее старику. Кадыр-ата, с присущей ему лозкостью, развязал завязки на папке, вынул из старых бумаг с изъеденными краями какую-то фотографию и с минутку пристально разглядывал ее. Затем, посмотрев на ребят, улыбнулся.

— Вот... — сказал он. — После успешного завершения той операции был сделан этот снимок перед зданием городской милиции. Нам всем дали по одной...

Видимо от волнения, вызванного давними воспоминаниями, рука, в которой Кадыр-ата держал фотокарточку, чуть заметно дрожала. Фуркат бережно взял фотокарточку, и они стали внимательно разглядывать ее. Картон, на котором была приклеена фотокарточка, пожелтел, края его были зазубрены, лица некоторых людей на фотографии были покрыты пятнами, черточками, потускнели. Вид фотографии тех лет показался ребятам забавным: в заднем ряду стояли во весь рост несколько бойцов. На фоне кумача. На кумаче латинскими буквами неуклюже было написано: «Да здравствует Узбекская советская республика!» Перед стоящими бойцами с важным видом сидело четыре человека. Все они были одеты в гим-

настерки, галифе, на ногах у них были здоровенные ботинки с обмотками, на головах — буденовки; а перед ними лежали избоченившиеся два молоденьких паренька головами друг к дружке. Один в солдатской одежде, а второй — в тюбетейке, белой бязевой рубахе и длинных бязевых штанах, босой. Под фотокарточкой по-русски было написано: «Июнь, 1921 год. Ташкент».

— Ну, как, узнали кого-нибудь? — засмеялся Кадыр-ата.

Фуркат с Анваром переглянулись, затем пожали плечами. Сарви-хола, улыбаясь, вступила в разговор:

— Да вон тот, что растянулся впереди, в тюбетейке который, ваш дед.

Ребята снова уставились на фотокарточку. Словно не веря, что дед их когда-то был таким же молодым пареньком, как они, пребывали в изумлении.

— Конечно, я не должен был фотографироваться, — сказал Кадыр-ата. — Когда фотограф готовился к съемке, я стоял в стороне, но Заманали позвал меня, чтобы я подошел, мол, я тоже службу им сослужил. Так вот и я попал на фотокарточку. Правда, позже я тоже вступил в этот отряд.

— А кто этот боец, который лежит рядом с вами?

— А, этот? — ткнул указательным пальцем на фотокарточку Кадыр-ата. — Неужели не узнали? Ведь это же и есть Руфат-толмач.

— Атий? — нагнулся к фотокарточке Анвар.

Кадыр-ата стал знакомить их с другими людьми на фотографии:

— Вот этот в середине, с шашкой на боку, твой дед, Анвар, а рядом с ним, симпатичный парень, — учитель Ариф, который приходил в наш кишлак под видом нищего... А по другую сторону от Заманали, с большими усами, стоит его близкий друг, Аманмахсум. Я видел его года три-четыре тому назад. Постарел он, бедняга, согнулся. Живет он в махалле Караташ, оказывается. Когда рассказывал о делах своих с Заманали в молодости, то смеялся, то плакал, бедняга. Очень хороший человек. Да, кстати, писатель Гафур Гулям написал книгу «Озорник» о детстве деду твоего Заманали и Аманамахсума.

Широко раскрытые глаза Анвара сверкнули. Для него с Фуркатом это было неожиданной новостью. В самом деле, кто же не читал этой книжки? Гляди-

ка, ведь герои этой книги, повзрослев, дрались за их счастье, оказывается! А ребята ничего прежде не знали о дальнейшей жизни героев «Озорника». И не только они, но и другие дети! Удивительно.

— А что делали они потом? — спросили Анвар с Фуркатом.

— Эх, ребятки, трудно мне рассказывать-то... — сказал Кадыр-ата, видимо, притомившись, и замолчал. Затем добавил. — Аман-махсум живет в вашем городе, в махалле Караташ. Недалеко это от вас. Распросите его, он-то вам расскажет все как было, подробненько.

— Ну, пожалуйста, расскажите сами, дорогой дедушка.

— А что это вы так заинтересовались? Или дело какое-то у вас?

Анвар с Фуркатом стали наперебой рассказывать и о цели своего приезда, и о задании журнала «Гулхан».

— Ах, вон оно что? — сказал Кадыр-ата, став серьезным. — Тогда, ребятки, вот что я вам скажу: старики могут ошибиться. Лучше всего, распросите об этом в соответствующих учреждениях. Там есть документы. Они должны были сохраниться. А то, ежели мы сами станем о себе рассказывать, то можем показаться хвастунами.

— Дедушка, — сказал Фуркат, взглянув сначала на деда, потом на Анвара. — Если разрешите, мы возьмем на время эту фотокарточку. Размножим ее и потом вернем. У нас в школе фотолаборатория есть. Тогда...

— Ладно, верблюжатки мои, ладно, — сказал Кадыр-ата. — Только смотрите, не потеряйте. Это память моя о тех славных годах.

— Не потеряем, — воскликнули мальчики.

Фуркат с Анваром были вне себя от радости. Не вря они все-таки приехали. Столько узнали. Быть может, если они продолжат поиск, то разыщут уникальные документы. Может...

IV

Когда проснулись, Кадыра-ата дома уже не было. «Опять по делу ушел», — сказала им Сарви-хола.

Она накормила внуков. Позавтракав, они вышли на улицу. Отчего-то сегодня Саттар-ходжа не появлялся. Вдруг из ворот его дома вышла вчерашняя старуха в черном камзоле, с ведром, подошла к ящику для мусора, опорожнила ведро, быстро взглянула на ребят и, сутулясь, снова вошла во двор. «Должно быть, это и есть младшая жена Толанбая, о которой рассказывал вчера Кадыр-ата», — промелькнуло в голове у Анвара. Он дернул Фурката за рукав и жестом указал на старуху.

— Чего?

— Байская жена, — прошептал Анвар.

— А... бабка Саттарходжи.

— Да, мать Джавлянходжи-амаки.

Они сразу вспомнили, как вчера обошелся с ними этот Джавлян-ходжа-амаки, как обозвал их «озорниками». И Анвар решил показать ему — каким по-настоящему бывает озорник. Он рассказал о своей задумке Фуркату.

— А как ты это сделаешь? — заинтересовался Фуркат.

— После покажу... Мы хорошенько проучим этого Джавлянходжу. Второй раз не посмеет грубить.

— Да брось ты...

А Кадыр-ата все не приходил. Заскучав, они снова зашли в дом и попросили у Сарви-хола разрешение уехать.

— Передай привет дедушке, буви, — сказал Фуркат.

— Хорошо, видать, не скоро он придет, — сказала Сарви-хола, нежно поцеловав обоих в лоб на прощание. — Приезжайте почаще...

— Хорошо, буви, и вы к нам приезжайте, — сказал Фуркат, будто взрослый.

— Приедем, приедем. У деда твоего есть кое-какие дела. Вот закончит... Анварджан, до свидания, Мехриханум, папе, Махфузочке, всем привет передай.

Ребята двинулись в путь. Когда они прошли немного, мимо них, пронзительно сигналя, промчалась машина скорой помощи. Ребята проворно отскочили в сторону.

— Во гонит, а! — сказал Анвар, стряхивая со штанов капли жидкой грязи. Они пошли дальше. Пройдя еще немного, они заметили в начале улицы идущего им навстречу Джавлянходжу. В руке он нес какой-то сверток. «Стащил что-нибудь из магазина», — подумал

Анвар. Вспомнив о своем намерении проучить Джавлянходжу, Анвар стал еще быстрее думать. Джавлянходжа подходил уже ближе. Вдруг Анвар подпрыгивая, подбежал к нему и поздоровался. Потом обернулся и хитро подмигнул Фуркату.

— Джавлян-амаки, простите меня,— занудным голосом проговорил он, прижимая руки к груди.— Пожалуйста, простите...

Джавлянходжа от удивления остановился, как вкопанный. Потом переложил сверток в другую руку.

— За что же это мне прощать тебя?

— Да я это, курицу-пеструшку вашу зарезал...

— Почему ты ее зарезал?— голос Джавлянходжи переменился.

— Да она, кудахча, с крыши слетела... и испугала вашего серого теленка с белой отметиной, привяванного под навесом...

— И ты ее зарезал, окаянный?!

— А зарезал потому,— Анвар тоже повисил голос,— что бычок ваш вдруг дернулся и вырвал с корнем столб от навеса!

— Что произошло потом, пострел?

— А потом навес обвалился и прибил вашего бычка.

— Ой, мой бычок откормленный!— застонал Джавлянходжа.— А где был Саттар, где?!

— А Саттар от страха кинулся бежать и разбил головой окно на веранде.

— Да что ты такое несешь, поганец? Головой стекло вдребезги?

— И окно, и голову...

— Ой, сынок...— он схватился за сердце, прислонился к стене.— Да жив ли он?

— Его на скорой помощи увезли, вы ведь видели, как она газовала.

— Ой, негодники... И чего вы шатаетесь в наши дома?

— Да мы хотели починить цветной телевизор.

— Ой... да ведь телевизор-то совсем новенький... Каких бед вы еще натворили?

— Да мы хотели, чтоб он еще лучше показывал...

— Ох, окаянные! И что еще вы наделали?— проговорил Джавлянходжа в изнеможении.

— Да мы только сняли заднюю крышку, а оттуда псвалил... скажи, Фуркат.— Он оглянулся на Фур-

ката и увидел, что тот застыл, как столб, и испуганно глядит на Джавлянходжу. Анвар тоже взглянул на него и увидел, что Джавлянходжа сидел на земле, опершись спиной о стену, словно дремлющий человек, только глаза его были широко открыты, бессмысленны, он тяжело дышал. И в этот миг перед глазами Анвара встала картина из вчерашнего рассказа Кадыра-ата: в летний зной посреди широкой, покрытой пылью, улицы, недвижно лежит Толанходжа, руки его связаны за спиной, на белой бязевой рубашке, на груди, красное пятно крови, лицо его белое, словно его рубаха...

Анвар даже вздрогнул всем телом.

— Бежим,— крикнул он Фуркату.

— Что ты наделал; а вдруг бы умер,— задыхаясь, проговорил Фуркат, поравнявшись с другом.

Анвар ничего не ответил и перешел на шаг...

V

Конечная остановка автобуса находилась прямо перед кишлачным магазином. Сегодня было воскресенье, и народу на остановке было много. Потому что в субботу люди из города приезжают в кишлак отдохнуть, а в воскресенье едут обратно. А народ все прибывал. Анвару с Фуркатом не пришлось долго ждать автобус, он вскоре пришел. Они ловко пробились к дверям, вскочили в автобус и быстро уселись на заднее сиденье.

Через несколько минут автобус тронулся. Ребята, после всего того, что случилось с Джавлянходжой, сидели притихшие и смотрели в окно. Проехав улицу, застроенную с обеих сторон домами, обсаженную пирамидальными тополями, автобус выехал на гладкое асфальтовое шоссе и прибавил скорость.

Когда автобус выехал из кишлака и проехал туннель под железнодорожным полотном, ребята переглянулись между собой таинственно: шоссе здесь спускалось вниз, и автобус мчался с ветерком... Метров до ста до окружной дороги начинался громадный овраг. Им захотелось получше рассмотреть его. Потому что их пронзила вдруг догадка: «А не в этом ли овраге, на дне которого протекал Бурджар, находилась

пещера, в которой прятал тогда оружие Толанходжа? Автобус стремительно проехал вниз, а потом стал подниматься в горку. Анвар с Фуркатом поднялись с мест. Овраг и впрямь был страшный. Попробуй побыть здесь ночью, здесь и днем-то ходить опасно. Если бы какой-то пожилой человек, сидевший на заднем сидении не сказал «да садитесь вы, ребята», они бы так и стояли, глядя назад, в окно. Им пришлось сесть. Автобус быстро промчался мимо. Анвар, бережно держа в руке завернутую в газету фотографию, молчал, а Фуркат, напротив, не мог скрыть волнения. Проехав окружную дорогу, автобус выехал в город, потом останавливался на нескольких остановках, пассажиры сходили, входили. И вот они уже доехали до дома. Быстро-то как!

— Анвар,— сказал Фуркат, наклоняясь к нему.

— Что?

— Мне в голову пришла одна мысль.

— Какая мысль?

— Еще рано. Давай не пойдем сейчас домой, а проедем прямо до Хадры... Сходим в махаллю Караташ.

— А что нам там делать?

— Разыщем Амана-махсума, поговорим с ним...

— Молоток!— воскликнул Анвар, не скрывая радости.— Вот бы и его послушать!

Анвар очень обрадовался предложению Фурката. В самом деле, ну что сейчас дома-то делать? К тому же он очень боялся встречи с мамой и с сестренкой. Махфузой. Опять скандал затеется: «Где ты шляется? Почему ни слова не сказал, куда уходишь? До каких пор мы будем переживать из-за тебя?» Да что он, маленький мальчик, что ли, чтоб его допрашивать? А, может, мать уже поджидает его на улице... Или эта ябеда Махфузка письмо Фурката всем уже показала... опозорила... его... «Молодец, Фуркат, голова у тебя варит! Зря, что ли, ты мой дружок закадычный? Вечером придем, когда папа вернется. Папа ничего не скажет. И лупить не позволит»...

И они, не сходя на своей остановке, доехали прямо до Хадры.

А на Хадре было такое движение: автобусы, троллейбусы, трамваи, машины разные. Они перебежали на другую сторону улицы и свернули на улицу Фурката. Пройдя с километр, они вошли в махаллю «Караташ». Махалля эта сама напоминала маленький

городок: в ней еще остались покосившиеся глиняные домики, кривые узкие улочки со множеством тупиков; бродя по ним, они даже измучались, спрашивая у прохожих: «Не знаете ли, где живет Аман-махсум?» И люди странные какие-то. «А фамилию вы знаете? А на какой улице он живет?» — спрашивали. Да если бы они знали его фамилию, да улицу, на которой он живет, стали бы они у них спрашивать? Сами бы нашли.

Ребята два раза обошли Караташ до Бешагача, просто из сил выбились. Когда они уже собрались ехать домой, навстречу им попался какой-то старик, который шел, держась одной рукой за поясицу, а другой — опираясь на палку.

Фуркат, словно рыба на наживку, бросился к нему:

— Ассалом-алейкум, бобо.

— Ваалейкум... — ответил старик нараспев.

— Вы, случайно, не знаете тут старика по имени Аман-махсум?

— Какого Амана? Где он проживает? — сказал старик, поднося ладонь ребром ко лбу, чтобы лучше видеть.

— Вот этого-то мы и сами не знаем...

— Он в гражданской войне участвовал, — вмешался в разговор Анвар.

— Да разве мало кто участвовал, сынок, — сказал старик, поглаживая бороду. — Нет, не знаю, ребята мои, поспрашивайте-ка, может, другие знают.

С этими словами старик, постукивая посохом, двинулся в путь, развеяв последнюю надежду ребят.

— Да, кстати... — сказал старик, останавливаясь в нескольких шагах от них. Фуркат с Анваром быстро оглянулись. — Ежели пройдете немного по этой улице, придете к чайхане. Попробуйте-ка там поспрашивать, может, кто знает...

Фуркат с Анваром без труда отыскивали чайхану. Хорошо вышло. Они были голодны и очень устали. В чайхане оказалось много народу: старики и пожилые люди. Ребята сели в сторонке. Фуркат сходил и принес чайник чаю, сахару и лепешку. Хорошо, что у них в кармане была кое-какая мелочь. Посетители чайханы с удивлением поглядывали на ребят. В такое время махаллинские ребята в чайхану не заходят. Решив, видимо, что они не здешние, ничего им не говорили.

Чайханщик оказался человеком весьма учтивым. Пару раз подошел к ребятам, любезно спросил, не нужно ли им еще чаю. Попив чаю, Анвар тихонько поднялся с места и подошел к чайханщику.

— Дядя, вы, это, случаем, не знаете старика по имени Аман-махсум?— тихо спросил он,— который в гражданской войне участвовал.

Взглянув на Анвара, чайханщик на минутку задумался. У Анвара возникла мысль. Он подбежал снова к Фуркату, взял завернутую в газету фотографию и вернулся к чайханщику.

— Вот! Этого!— сказал он, достав фотокарточку и протягивая ее чайханщику.

Чайханщик, нагнувшись, пристально посмотрел на фотокарточку: на ней был изображен не старик вовсе, а усатый молодой человек лет двадцати пяти-тридцати, в солдатской гимнастерке, в буденовке. Он удивился.

— Да ведь это же не старик?!

— Эта фотокарточка была сделана в двадцать первом году. А сейчас он старик...— сказал Фуркат, подходя и вступая в разговор.— Про него еще Гафур Гулям книгу написал. Он был очень интересный человек...

Чайханщик вдруг расхохотался.

— Ах, вот вы о ком,— сказал он наконец, с трудом подавляя смех. Затем лицо его стало серьезным.— Да разве есть такой человек, который бы не знал его? Два года назад на девяностом году он скончался. Мир праху его...

Фуркат с Анваром как-то виновато переглянулись и тихонько вышли из чайханы. Надежды их, связанные с Аманом-махсумом, развеялись в прах.

Хорошо, что чаю выпили, а то бы от усталости да невезения могли бы в обморок упасть. Еле волоча ноги, они доплелись до Хадры и сели в автобус. Теперь все их надежды были связаны с Атием.

— Сегодня уже поздно, — сказал Анвар, сходя с автобуса.— А завтра поговорим. Атий много знает. Мы ему фотокарточку покажем.

— Увидит он ее и нахлынут на него воспоминания. Тогда-то он соловьем запоет,— сказал Фуркат, протягивая руку для прощания.— До завтра...

Фуркат вошел домой. А Анвар все стоял на улице, словно ноги его не слушались. Мать опять на-

бросится! Эх, был бы хоть отец дома. При нем уж мама не осмелится. Ему повезло: ворота были не заперты. Он вошел во двор. В доме горел свет. Мама дома не оказалось, а папа сидел в кресле и читал газету.

— Здравствуйте, папа,— радостно проговорил Анвар.— Как, не устали?

— Привет, привет...— сказал папа, взглянув на него.— Мы-то не устали...

— Вам Кадыр-бобо привет передавал...

— Дай бог ему здоровья.

В этот момент в комнату вошли мама с Махфузой. И настроение у них было вовсе не плохое. Анвар немного успокоился. Стал раздеваться.

— Пойди умойся хорошенько,— сказала мама.— Странно, в голосе ее не было ни резкости, ни гнева.— Сейчас ужинать будем.

Анвару стало легко на душе. Вдруг с улицы вбежал Фуркат.

— Анвар! Анвар! Вот письмо пришло из «Гулхана»...

И Анвар увидел в руке Фурката то самое письмо в голубом конверте, которое он тайком вытащил из его почтового ящика. У него при виде этого сердца екнуло. А Фуркат был вне себя от радости.

Тут Анвар заметил Махфузу, которая стояла в сторонке и улыбалась. И он все понял: его родная сестренка Махфуза, чтобы не опозорить брата, тихонько взяла письмо и снова опустила его в почтовый ящик Фурката... «Браво, ай да я! Если бы я была глупая, я бы тебя ославила на весь свет! А ты меня еще ябедой называл! Эх ты!..»

Таинственно улыбаясь, Махфуза подмигнула брату. Анвар же, не зная, что сказать, сгорал от любви к своей сестренке. Смотрел то на нее, то на Фурката и улыбался, и в этой улыбке были и искренняя благодарность сестренке, и зависть к Фуркату за то, что он получил письмо из «Гулхана», и удивление: почему же он не получил такого письма?..

СНЕЖНОЕ ПИСЬМО

Перевод Е. Акбальян

ДОРОГА

Наш «Ил» сделал круг над Торткулем и теперь быстро набирает высоту. В иллюминатор мне видно крыло самолета. Оно качнулось, ушло вниз, снова поплыло кверху... Я прижимаюсь лицом к стеклу и вижу внизу огромное глиняное блюдо. На нем — серые и белые кубики домов. Чьи-то невидимые ручки подхватили блюдо и наклоняют то в одну, то в другую сторону. Сейчас домики двинутся в одну сторону и посыплются с блюда...

Но вот ручки перестали наклонять блюдо. Плоское, серое, оно медленно уходит вниз, делаясь все больше. А то, что лежит на блюде, становится все меньше: деревья уже превратились в кусты, улицы — в узкие полоски, домики стали совсем игрушечными.

Рассматривая их, я чуть не вскрикнул: вон папина больница, а вон, рядом с нею и наш дом!

Ну, раз уж я заговорил, дорогие читатели, о доме, то давайте знакомиться. В школе зовут меня Сагындык-поэт. Почему? — спросите вы. Не люблю тянуть, скажу коротко: потому что я решил стать писателем!

Я читал кое-что из жизни писателей. Они выходят или из больших городов, или из красивых кишлаков, расположенных в живописной местности. А наш Торткуль не назовешь большим городом. Особенно сейчас, сверху. Но это все же и не кишлак. Районный центр! Есть даже свой аэродром — вон его серое блюдце. Именно с него, разбежавшись по

асфальтовой полосе, только что поднялся наш «Ил», Центр Торткуля... Взгляните, какие дома... С высоты больница кажется детским кубиком, а на самом деле у нее — три этажа. На втором — кабинет отца. На двери табличка: «Главный врач».

А хорош все-таки наш Торткуль, его окрестности. Взгляните в иллюминатор: вон, изгибаясь, течет Амударья. Сейчас она кажется не шире арыка, но всем известно, что это большая река. Весенняя вода ее и отсюда желтого цвета — от глины... А тугаи по берегам! Сверху они пушистые, как рыжий мех лисы. На самом деле это густые, местами непроходимые заросли камыша и колючего кустарника. Теперь, когда мы поднялись достаточно высоко, видно, сколько места занимают посеы хлопчатника. Пока это просто серые поля. Но оглянуться не успеешь, как на них зазеленеют всходы. А там, поднимая клубы пыли, по полям пройдут культиваторы и оставят длинные, ровные, как по линейке, борозды. И если тогда посмотреть в иллюминатор, земля будет зеленой и полосатой, как арбуз.

Видите: и город у нас приличный, и места неплохие. И разве необычное явление, если в Торткуле появится свой писатель...

Хотя пока, может, и не появится. С некоторых пор я остыл к писательскому делу. Сами посудите! Вы день и ночь мечтаете стать писателем, о ваших стихах и рассказах знает вся школа, за вами гоняются и стенгазетчики, и председатели советов отрядов, и вожатые: «Напиши о таком-то двоечнике!» «Колхоз выполнил план по хлопку! Надо прочитать на митинге стихи!» Упрашивают. Умоляют. А Мукаддам-апа, наш классный руководитель, вдруг вызывает в учительскую: «У тебя плохо с отметками. Прежде всего учение, потом поэзия!».

Тут, как назло, в комнату входит учитель географии Курбан-ака. И сразу догадывается, о чем разговор.

— Именно! — говорит он, подходя. — Поэт не может быть необразованным человеком! Он должен знать и любить свою землю. А у тебя по географии родного края двойка!

— Ц-ц-ц, — качает головой Мукаддам-апа, а глаза ее смотрят на меня с таким укором...

— И что удивительно,—говорит ей Курбан-ака. — Спросите его о животном мире, о природе Африки или Австралии — это он знает лучше всех в классе! Доклад, помню, делал: как расписывал джунгли! Действительно, поэт... Я поставил ему пять с плюсом.

Теперь они оба глядят на меня и качают головами.

А что тут удивительного? В четвертом еще классе отец привез мне из Ташкента диафильм о животных. С тех пор я вырезаю из журналов фотографии диких животных разных стран. У меня вся стена над письменным столом увешана их «портретами» (надо сказать, я еще и фотограф неплохой и удачно переснимаю животных).

Теперь, я думаю, понятно и другое: почему рассказы я пишу об охотниках и далеких путешествиях, или о полетах на неведомые планеты, где еще сохранились доисторические животные. Кому интересно писать о том, что и так, надоедая, каждый день торчит перед глазами?

Но почему же тогда из журнала, куда я послал свои лучшие произведения, мне ответили: «Дорогой Сагындык! Это хорошо, что ты решил стать писателем. Нам понравились твои стихи из школьной жизни. И в рассказах слог неплохой. Но есть у тебя большой недостаток: ты пишешь о том, что сам не видел, не перечувствовал, не пережил. Наш совет тебе: попробуй описывать то, что хорошо знаешь, что крепко запало тебе в душу».

Как знать? Может быть, я еще раздумаю бросать писать. Тогда сделаю так, как советует журнал: возьму какой-нибудь случай из своей жизни... Вот только что выбрать? Случаев у меня сколько угодно, но все они кажутся малоинтересными.

Захочу, опишу эту мою поездку...

Ладно, потом решим. Каникулы сейчас, и мне хочется думать об отдыхе и развлечениях. Тем более, что я едва не лишился всего этого...

А было вот как. Родители давно обещали мне, что весной я поеду погостить к своему другу Асету, в Муйнакский район. Но так случилось, что на классное собрание по итогам четверти пошла не мама, а отец. Ну, он и узнал про эту несчастную двойку по географии. Если бы в школу пошла мама... Она

всегда так ласкова со мной. Только и слышишь: «Золотко мое» (а все потому, что я — с рыжинкой). Отец же очень строго спрашивает с меня.

В этот раз, придя с собрания, он был очень сердит. С порога заявил, что ни о какой поездке к Асету речи быть не может. Я чуть не заплакал. А моя схидная сестрица Фирюза захлопала в ладоши. Мама сказала с сожалением: «Как же так получилось, золотко мое...»

Как, как! Не мог же я сказать ей, что мне просто некогда было учить эту скучную географию: я как раз сочинял рассказ о приключениях охотников, заблудившихся в самом центре Африки...

Да, грустные были бы у меня каникулы. Но тут Махфузе, нашему председателю совета отряда, вздумалось в последний день четверти провести заседание. Мы, ворча, уселись за парты. Но Махфуза была непреклонна и заявила, что дальше нельзя терпеть такого безобразия. В классе до сих пор не выбран почетный член отряда. В седьмом «А» есть, в трех шестых — тоже, только мы никак не можем договориться.

И у нас начался, как всегда, спор. Первым поднялся тощий, долговязый Урунбай. У него всегда есть готовое решение.

— Предлагаю выбрать тетушку Чинныхон из колхоза «Коммунист», — сказал он. — Механизатор, в нынешнем году собрала сто шестьдесят тонн хлопка.

— Не подходит! — заявил Самад-хитрец (этот всегда против), — Герой Социалистического Труда нужен.

— Не обязательно! Звезду могут дать не сегодня-завтра.

— Я не против тетушки Чинныхон, — сказала Махфуза. — Только...

— Что «только»? — заранее обиделся Урунбай (он всегда обижается, если его предложение отклоняют).

— Все почетные члены отрядов в нашей школе — хлопкоробы. А других героев что ли нет? Среди скотоводов, например.

— А у рыбаков?

— Правда, еще ведь есть рыбаки.

И тут меня осенила поистине счастливая мысль! Честное слово, в несчастьи голова работает гораздо лучше. Я вскочил с места и закричал, перебивая спорящих:

— Есть подходящий Герой! Предлагаю выбрать рыбака из Муйнакского района Калли-ата Шамуратова!

— А откуда тебе известно, что он Герой?— подозрительно спросил Самад-хитрец.

— Газеты надо читать, Самадбай,— сказал я. — Калли-ата — знаменитый в республике человек.

И я рассказал: в колхозе, где он возглавляет бригаду рыбаков, у меня есть друг, Асет. Отец его тоже доктор, учился вместе с моим папой в Ташкенте. Однажды дяде Джапаку пришлось прямо на сейнере, посреди Аральского моря, вырезать у Калли-ата аппендицит. И теперь прославленный Герой — частый гость в доме своего спасителя.

Мой рассказ всех заинтересовал.

— Ну, как решаем?— спросила нетерпеливая Махфуза. — Подходит предложение Сагындыка?

— Подходит!— закричали все.

Против выступил один Самад-хитрец.

— Где этот самый Муйнак, а где мы... Было бы недалеко, тогда другое дело,— бубнил он. — Допустим, мы выбрали. Должен же человек узнать об этом?

— Что такого?— пожал плечами Урунбай. — Письмо напишем.

— Эх, будь моя воля, я бы съездил к нему!— вздохнул Разык.

У Разыка десять младших сестреноч и братишек, и его помощь всегда нужна дома. Я посмотрел на него с нежностью. Так и сделаем, Разыкбай, съездим. Только не ты поедешь, а я, сам. Именно в этом и заключалась моя счастливая идея.

— Съездил бы,— вяло засмеялся Самад. — Говорить легко...

— Пусть совет отряда поручит это мне!— сказал я. — Асет давно зовет меня в гости. А раз такое важное дело...

— Хорошо, пусть едет Сагындык,— решила Махфуза. — Кстати, у меня родилась еще одна идея.

И у нее идея?! Все повернулись к ней:

— Пусть Сагындык возьмет с собой фотоаппарат. Сделает снимки — для фотогазеты. Тема? Хотя бы такая: «Изучай свой край». У Сагындыка тут как раз серьезные пробелы...

И тараторка сверкнула в мою сторону хитрым взглядом.

— Договорились,— буркнул я.

Мы стали подниматься из-за парт. Но Махфуза потребовала, чтобы мы сели на место. И мы сочинили письмо Асету, вернее, совету отряда с просьбой помочь мне в столь ответственном деле.

Наконец Махфуза истощила свою энергию. Но тут все принялись энергично давать советы мне:

— Галстук не забудь, шелковый. Повяжешь Каллиата на шею.

— У меня есть пленка, хорошая. Хочешь, принесу?

— Одевайся теплее, там еще холодно.

— А телеграмма?! — спохватилась Махфуза. — Нужно дать телеграмму Асету, чтобы он встретил Сагындыка!

Но я сказал, что телеграмму отправит мама.

В общем, советов было хоть отбавляй. Никто, однако, не дал самого нужного: как убедить отца, что мне необходимо поехать в Муйнакский район.

Но меня недаром зовут Сагындык-поэт. Послушали бы, какими словами описал я родителям важность данного мне поручения! Какие клятвы давал, что исправлю географию. Сразу после каникул! На пятерку! Мама тоже просила отца, чтобы он смягчился, не портил ее солнышку весенний отдых. К тому же, сказала моя хитрая мама, можно обидеть отказом семью Асета.

Мне был куплен билет, Асету — послана телеграмма. И теперь я летел к нему — на двух самолетах, с пересадкой в Нукусе.

Пересадку опусывать я не стану, разве только пожалуюсь на то, что у меня был слишком тяжелый, надоевший рюкзак, который пришлось тащить через все летное поле.

Дальше мне предстояло лететь на «Аннушке» — самой обыкновенной, с крыльями в два этажа. Только у этого самолета вместо колес широкие деревянные полозья. Кое-как поднявшись с рюкзаком по короткой железной лесенке, я протиснулся внутрь его. Сел на жесткую скамью. Рядом и напротив разместились пассажиры: нас оказалось всего восемь...

Пилот убрал лесенку внутрь, захлопнул дверь. Затарактел мотор, быстрее и быстрее завертели лопасти пропеллера. Кто-то будто дернул сиденье подо мною — это двинулся, подскакивая на своих лыжах, самолет. Наконец заскользил плавно. Уже оторвались? Но что там снаружи, не разглядеть: окошки в

мохнатой изморози. И разговоров не расслышать: пассажиры беззвучно раскрывают рты, а больше объясняются знаками.

Отвлечься мне не на что, поэтому я сижу и волнуясь: вдруг Асет не получил телеграммы? От аэродрома до их поселка километров шесть. Что если меня никто не встретит? На аэродроме есть, наверное, дом для приезжающих, соображаю я. А если нет? Пойду с попутчиками, решил я. Не бросят же они меня одного, в темноте.

Я стал присматриваться к сидящим напротив пассажирам: женщине с ребенком, старику, у ног которого лежали хурджумы, двум девушкам со связками книг, старушке в толстом платке, которая спокойно дремала под грохот мотора. Но вот она открыла глаза: самолет трянуло, послышался глухой рокот, ударило раз, второй — и все заулыбались, закивали головами.

Как, уже прибыли?!

Самолет, пробежав невидимое расстояние, остановился. Наступила гулкая тишина. Из кабины вышел летчик, открыл дверь. Внутри ворвались клубы морозного воздуха.

— Совсем темно, — удивилась одна из девушек.

Летчик приладил лесенку, и мы стали выходить. Спускаясь, я схватился за дверной косяк. Раз! — и моя рука прилипла к железу. Примерзла! Я охнул, отдернул руку и неловко спрыгнул на снег. Темень, колод лютый! Вижу — все направляются к темнеющему поодаль строению. Я заспешил следом, но меня окликнул знакомый голос:

— Сагындык!

— Асет, ты?!

Сказать правду, я страшно обрадовался! Мы обнялись. И только тогда я заметил, что позади Асета стояли двое ребят.

— Это Байтемир и Сафаргуль, — сказал Асет. — Они тоже приехали встретить тебя.

Пока я здоровался с ребятами, Асет стащил с моих плеч рюкзак.

— Пошли!

Я оглянулся: из прилетевших со мной уже никого не было. Но Асет повел меня совсем в другую сторону. Я послушно шагал за ним в темноте. Вдруг смотрю — сани, одноконные, в них настелено сено.

— Залезай,— пригласил меня Асет.

Мы уселись втроем, и Асет прикрыл нам ноги тулупом.

— А с меня и того довольно, что на мне, — сказал он, садясь вперед и разбирая вожжи.

Сани тронулись и заскользили, приятно поскрипывая снегом.

ЗНАКОМСТВО

Солнце поднялось на высоту тополя. По небу плывут клочья облаков, поэтому оно похоже на истрепанное ватное одеяло. Кругом бело: ночью выпал снег, и его кристаллы слепят глаза.

Вчера в темноте здешние места показались мне голой степью. А сегодня вижу — совсем не так. Вдоль дороги растут тамариск, низкорослый осокорь, разросшиеся кусты чия напоминают взрыв. Таких взрывов вокруг десятки — будто в степи идет бой.

Мы едем с аэродрома. Только что посадили на самолет тетушку Айгуль, мать Асета, и теперь едем домой при свете дня — как будто специально для того, чтобы я мог все разглядеть.

В руках у Асета длинные вожжи, и он то и дело взмахивает свободным концом. И тогда гневой прижимает уши, рвется вперед, вместе с храпом выдыхая белые клубы пара. Асет молчит, хмурится: он обиделся на мать. Я понимаю его: тетушка Айгуль точно в-точь как моя мама. Сама летит в Нукус на совещание учителей, но душа ее остается с Асетом, со мной. Все торопится к самолету, а она остановилась посреди поля и зовет нас. Забыла сказать что-то важное? Мы подбегаем.

— Я вернусь через два-три дня, — в десятый, наверное, раз сообщает тетушка Айгуль. — Вы тут не шалите, не огорчайте бабушку.

Пассажиры уже в самолет поднимаются, а она спешит перебраться все проделки Асета: и бабушку-то он не слушает, и сестренку обижает, и бродит где-то целыми днями. Все перебрала.

Поэтому Асет молчит и хмурится.

Мне интересно смотреть по сторонам. Вон, на краю степи, темнеют какие-то постройки.

— А тут, кроме вашего, много еще аулов? — спрашиваю я. (Мне хочется отвлечь Асета).

— Есть несколько, за озером Круглым. Их жители занимаются рыболовством.

— А вода откуда в Круглом озере?

Я боюсь, что Асет опять замолчит надолго.

— Из Амударьи.

— Разве она не в Аральское море впадает? — изумляюсь я.

Асет смеется.

— Правильно, Сагындык, в Аральское. Но ты забыл, что ближе к морю река разделяется на несколько рукавов: Кипчакдарья, Куньядарья, Акдарья. Наш аул на берегу Акдарья.

Мне досадно, что я попал впросак. И я с упреком думаю о Курбане-ака, нашем учителе географии. Мог бы получше объяснить нам про рукава Амударьи. А то я ничего не запомнил...

— Что-то я никакой реки у вас не заметил, — говорю я Асету.

— До нее близко, два километра. Летом мы каждый день туда ходим.

— Купаетесь?

— Ага.

— А рыбу ловите?

— И в реке, и в озере. Сейчас на реке лед, но и подо льдом рыбку добыть можно.

Рассказывая, как они рыбачат, Асет заметно повеселел. Мы тем временем въехали в поселок. У калитки кинулся под копыта коню Бурибасар, огромный и лохматый пес Асета. Запрыгал вокруг саней, хрипя от злости и захлебываясь лаем. Я не спешил сходиться с саней.

Асет усмехнулся:

— Не бойся, он не тронет.

И все-таки я с опаской спустил ноги на землю. Бурибасар подбежал, стал нюхать полы моего пальто. Но Асет прикрикнул на него, и пес, поджав хвост, скрылся под навесом.

Пока Асет распрягал лошадь, я разглядывал все вокруг. Низенькие, с плоскими крышами дома далеко разбросаны друг от друга. Возле каждого — плетенный из веток и лозы загон для скота и непременно — стог сена. Стог обьеден снизу и напоминает гриб с большущей белой шляпой. Но пахнет в ауле не скотом,

а рыбой. Поодаль от домов на вбитых в землю кольях развешены рыбацьи сети, похожие на огромные гардины из тюля. Рядом одна или две лодки, перевернутые вверх дном (или полные снега, если забыли перевернуть)). К дому Асета прилепилась еще и пристройка. Дверь в нее приоткрыта, и я вижу развешенную рядами янтарно-желтую рыбу. Точь-в-точь вяленые ломти дыни.

У меня так и потекли слюнки.

— Э, Сагындык!

Я вздрогнул, будто меня поймали на месте преступления. Обернулся: Асет наблюдает за мной, улыбается.

— Идем чай пить!

Мы вошли в дом.

— Вернулись, верблюжата мои! — засуетилась бабушка Асета. — Посидите, у меня вот-вот пшенный суп сварится. Эй, Асетджан, принеси гостю рыбки, пусть отведает.

Асет вышел. Бабушка хлопотала возле очага. А я не спеша осматривался (вчера ничего не успел разглядеть).

Странно! Когда смотришь на такой вот низенький дом снаружи, можно подумать, что люди тут живут очень бедно. А оказывается, нет, совсем не так. В доме у Асета уютно, чисто, ковры на стенах, в одном углу комнаты радиолы «Неринга», в другом — телевизор (он здесь принимает даже Баку!).

Вот только потолок непривычно низкий. Но и этому есть объяснение: такой потолок лучше сохраняет тепло.

Вернулся Асет, положил передо мной золотую рыбину в полметра длиной. Смеется надо мной, что ли?

— Я же не съем столько!

— А ты попробуй, съешь кусочек, — говорит Асет и режет рыбину на крупные куски.

Рыба оказалась, и правда, очень вкусной. Но съесть ее всю я, конечно, бы не смог, хотя Асет угощал меня, как самый радушный хозяин.

Тут бабушка внесла косы с пшнным супом. Я попробовал — ох и вкусно! Умела бы мама варить такие кушанья, не сердилась бы, что я плохо ем.

С улицы кто-то позвал Асета. Он глянул в окно, махнул, приглашая войти. Объяснил:

— Ребята!

Вошли Байтемир и Сафаргуль, а с ними еще один их одноклассник — Сеит. Сели к дастархану, Асет положил перед каждым по куску рыбы. В дверь заглянула бабушка и очень обрадовалась:

— Вай, молодцы детки! Сейчас принесу вам кушать!

Скоро перед ребятами дымились косы с супом. Чтобы не мешать нам, старушка вышла из комнаты. На минуту установилась неловкая тишина. Байтемир, помешивая ложкой в своей кесе, чуть приметно толкнул Сеита. Но тот дернул плечом:

— Пусть Сафаргуль скажет.

Видали! Кажется, и у них тоже делами заправляет девчонка.

Сафаргуль кивнула — степенно, как взрослая. И повернулась ко мне:

— Асет сказал, у тебя дело к нам?

Я вытащил из кармана письмо и протянул через дастархан Сафаргуль.

Та стала читать и вдруг хихикнула. «Что могло рассмешить ее?» — с беспокойством подумал я.

А Сафаргуль с лукавым видом передала письмо Байтемиру. Тот стал читать вслух. Я тоже слушал: ничего смешного в письме нет. Но когда было названо имя Калли-ата, все опять заулыбались, переглянувшись. Не понимая, в чем дело, я насупился.

— Тебе очень повезло, Сагындык, — сказала Сафаргуль, и на щеках ее опять появились ямочки. — Как раз завтра у нас в школе встреча с Калли-ата!

— Там и познакомим вас, — подхватил Байтемир таким тоном, будто именно он устроил эту встречу. — Дадим тебе слово, и ты все скажешь, по поручению своего отряда.

— И галстук повяжешь, да? — спросила Сафаргуль.

Я кивнул. И вдруг обрадовался так, словно поручение мое было уже выполнено.

— Да, кстати, — обращаясь к Асету, заявила Сафаргуль. — Пусть Сагындык запишет на бумажке то, что собирается сказать. Может, вы вместе напишете?

Меня задело ее слова. Но Асет подмигнул мне:

— Сагындык — поэт, и сам справится — лучше не надо!

Мне было приятно, что он при всех назвал меня так. Чуть заметно я кивнул в знак согласия.

Все поднялись, заговорили свободнее, веселее.

— Ну, куда пойдем? — спросил Сеит.

— Покажем Сагындыку реку? — предложил Байтемир.

— А чего там интересного — лед и лед.

— Пошли на горку, — сказала Сафаргуль. — Пусть Сагындык посмотрит на дела нашего отряда.

— На санках покатаемся, — обрадовался Байтемир. — Асет, тащи свои санки.

Я достал из рюкзака и повесил на шею фотоаппарат.

...Горка оказалась на краю аула. Склон большого, покрытого снегом холма, одноклассники Асета залили водой. (Сколько же ведер они перетаскали?!). На горке полно малышей. Один по ступенькам тащит санки наверх, другой вихрем летит вниз, третий, видно, перевернулся, отряхивается в сторонке и ревет. Шум, гам!

Нам бы такой холм, вздохнул я. Мы бы тоже сумели его использовать. Да разве в нашей плоской стороне найдешь что-нибудь подобное?

Байтемир взял у Асета санки и поднялся наверх по вырубленным сбоку ступенькам. Вскоре он пулей пронесся мимо, но я успел сфотографировать его. И, передав аппарат Асету, сам забрался наверх. Лег на санки ничком, оттолкнулся и... опомнился далеко внизу. Вот это скорость! Дыхание перехватывает!

...Катались мы до сумерек. Когда шли домой, я спросил ребят:

— А еще какие игры у вас есть?

— Ух-ху, игр много, — сказал Сеит.

Ребята стали наперебой перечислять: лапта, волейбол, горелки, футбол...

— Так это весной и летом. А зимние?

Они недоуменно переглянулись.

— А в вашей стороне? — спросила Сафаргуль.

— Ну, есть, например, игра в снежное письмо...

— Снежное письмо? Как это? — ребята остановились, окружили меня.

Я понял: у них такой игры нет и обрадовался, что могу рассказать о ней.

— Замечательная игра! Вот выпадет снег, да? В тот же день садишься и пишешь кому-нибудь письмо. А в нем — несколько условий, которые обязательно нужно выполнить.

И я стал объяснять довольно-таки строгие правила игры: письмо должно быть написано стихами, и отдать его нужно как бы ненароком. Не сумел отдать незаметно, сам выполняешь свои условия. Об одном я не стал говорить: такие письма вообще-то пишутся, когда выпадает первый снег. Но мы не соблюдали этого правила. Снег пошел — мы начинаем писать. И, конечно, в условиях — не только устроить угощение, как это принято у взрослых. Мы включаем в условия все, что положено делать пионеру. Например, подмести у какой-нибудь старушки двор или очистить от снега крышу. Или взять на буксир отстающего ученика... Бывает и такое задание: расколоть пенек на дрова.

Судя по вопросам, моим новым друзьям игра в снежное письмо понравилась.

За разговорами мы и не заметили, как стемнело. Только почувствовали — стало холодно. Уже и скот пригнали с пастбища, в разных концах аула лаяли собаки, а нам не хотелось расходиться.

Наконец, попрощавшись с ребятами и таща за собой санки, мы с Асетом пошли домой.

СНЕЖНОЕ ПИСЬМО

Утром вышли умываться во двор, а там идет аистовый снег. Крупные хлопья кружатся в воздухе и опускаются на землю тихо, будто птичий пух. Земля, небо, дом, деревья — все бело. Я переступил порог и точно в вату провалился. Асет под навесом уже звякал носиком умывальника. Я невольно поежился: вода, наверное, как лед!

Но это дома можно ломаться, а здесь я в гостях.

Стараясь попасть в его следы, я прошел к Асету. Он уже вытирался.

— Сейчас принесу твое полотенце!

Несколько скачков — и Асет исчез за дверью.

Я смочил кончики пальцев, наспех сбрызнул лицо и побежал к дому. Но Асет уже вышел мне навстречу. Пришлось вытираться, отоя у порога и дрожа от озноба.

— Что, холодно? — ухмыльнулся Асет.

— Да-а...

— Одевайся и выходи, сейчас согреемся.

Я прошел в дом, надел ушанку и пальто. Выхожу, а Асет стоит посреди двора с лопатой из фанеры.

— На, держи! Себе я возьму у Байтемира.

Убежал и тут же вернулся — с широченной лопатой. Снег был свежий, сыпучий, и мы в один миг сгребли его в большую, как ворох хлопка, кучу.

Куда девался холод? Я даже вспотел.

Тут бабушка позвала нас в дом, завтракать.

— А папа где? — спросил Асет, громко отхлебывая чай из пиалы.

— Отец твой, бедняга, даже чаю не успел выпить, — сказала старушка. — За ним Калли-ата приезжал — чуть свет.

— Калли-ата? — переспросил Асет и посмотрел на меня.

Видали! Человек, которого я разыскиваю, был здесь! На дом, можно сказать, пришел. А я спал в соседней комнате... Пусть не поговорить, хотя бы посмотреть на него. Ладно, сказал я себе, через час его и так увижу — в школе.

Подумал об этом, и сердце у меня забилося. Не так-то просто держать речь перед целым залом. Даже если все записано на бумажке.

— Идем уже, ага? — спросил я Асета, торопливо допивая чай.

Асет молча кивнул.

Одеваясь, я еще раз нащупал в кармане написанное вечером выступление. И — шагнул за порог.

Было приятно прошагать расчищенным собственными руками двором. Но за калиткой лежал глубокий снег. Едва намеченная тропка повела нас к школе...

Бах!

Что-то больно ударило меня в спину. Не успел я сообразить, откуда напасть, как в нас полетели новые снежки. Их, пригибаясь в арыке, лепили и с хохотом кидали ребята. Я сразу узнал их: это были Байтемир, Сеит и Сафаргуль. Мы тоже стали лепить и швырять ответные снежки. Так и шли до самой школы, перебрасываясь белыми снарядами.

В школьном дворе долго отряхивали друг друга. Сафаргуль, довольная, то и дело хихикала. У нее как-то по-особенному горели глаза. Похоже, она такая же вадира и хохотушка, как наша Махфуза. И тоже председатель совета отряда.

— Можно спросить тебя? — сказала Сафаргуль. И опять, не удержавшись, хихикнула. — Снежное письмо в руки надо отдавать или можно просто сунуть в карман?

— В руки надо. А что?

— Да так...

И Сафаргуль, не в силах больше сдерживаться, звонко рассмеялась.

— Чего это ты все смеешься сегодня? — заинтересовался Асет.

— Да ничего особенного, — объяснил ему Сеит. — Кто-то незаметно опустил ей в карман письмо.

— Какое письмо?

— Снежное, конечно!

— Да ну? — удивился Асет. — А условия какие?

— Секрет, — лукаво сказала Сафаргуль.

— Какой-такой секрет, если даже Сеит знает?

Дай и мы посмотрим, — стал упрасивать ее Асет.

— Ладно, пусть прочитают, — важно разрешил Сеит.

Но Сафаргуль заупрямилась:

— Письмо мне написано? Не дам!

Она заставила Асета долго упрасивать себя! Мне тоже было любопытно, но я старался не показать этого.

Зазвенел звонок, приглашая всех в здание школы. Мы вошли, разделись. В коридоре было полно ребят. Проталкиваясь сквозь толпу, Асет все еще просил Сафаргуль показать письмо. Но она отмалчивалась. И лишь в дверях, когда мы уже входили в зал, она вдруг протянула Асету белый конверт:

— Ладно, возьми. Еще обидишься. Положи в карман, после собрания прочитаешь.

Асет послушно сунул письмо в карман. Сеит подмигнул мне. Видно, хотел подбодрить перед выступлением. И опять у меня забило сердце. Сейчас я увижу Калли-ата, на глазах у всех этих незнакомых ребят поднимусь на сцену... Я хотел было достать листок с выступлением, но потом решил: так скажу, на память. Даром что ли пять раз повторил его перед сном?

— Вместе сядем? — спросил у Сафаргуль Асет.

— Спасибо, мне девчонки место заняли.

И она побежала в другой конец зала. Сеит и Байтемир тоже куда-то исчезли. Мы с Асетом прошли

вперед, сели на свободные места. И почти сразу в зале показались несколько взрослых. Ребята шумно встали. Я искал среди вошедших Калли-ата, но ни одного старика среди них не было.

— Нет его, — шепнул мне Асет. — Позже, наверное, подойдет.

Грузный человек с седыми висками первым поднялся на сцену. Асет опять наклонился ко мне:

— Наш завуч, Каипназаров.

А тот вдруг сказал:

— Дети! Сегодня мы должны были встретиться с нашим прославленным героем Калли-ата Шамуратовым. К сожалению, Калли-ата не смог прийти.

В зале зашумели. Послышались крики:

— Почему?

Завуч поднял руку и, дождавшись тишины, объяснил:

— Ночью в море рыбаку из бригады Калли-ата льдиной повредило ногу. Калли-ата повез раненого в больницу. Но собрание не отменяется. Послушайте, что хочет сказать вам старший пионервожатый.

Предоставив слово парню в пионерском галстуке, Каипназаров тяжело спрыгнул со сцены и на цыпочках вышел из зала.

О чем говорил вожатый, я не слушал. Мне было обидно: прекрасная речь, которую я так долго готовил, оказалась не нужна. Когда теперь я смогу встретиться с Калли-ата? Вот, не успел оглянуться, как прошли три дня. Если и дальше так пойдет, плохи мои дела. Неужели придется возвращаться домой ни с чем?! Хорошо же я буду выглядеть перед ребятами. А перед Махфузой?! И что скажет обо мне Самад-хитрец? «Болтун ты, скажет, лучше бы не брался за серьезное дело».

Нет, так не пойдет, Сагындыкбай!

Полный решимости не терять больше на пустяки ни минуты, я повернулся к Асету. А тот смеется, прикрыв лицо рукой!

— Весело тебе, — с обидой сказал я.

— Попались мы с тобой.

Он протянул мне белый конверт. Вот что я прочитал, вытащив из конверта тетрадный листок в линейку:

Имена ваши попали в это письмо,
А народная пословица гласит:
«Попал на бумагу, попал в огонь!»
Вы должны раздобыть заячье мясо,
Самое лучшее, какое годится на кавардак.
А еще — краснохвостого фазана для шилпылдыка.
Затем — из рыбы приготовить уху, да несоленую.
К фазану, подстреленному вашим отцом,
Не прикасаться,
Вы сами должны пойти на охоту
И подстрелить в тугаях зайца.
Таковы наши условия, иначе к угощению
не притронемся.
Вкусно ли невкусно,
Но приготовить еду должны сами.
И дров наколоть,
Хоть на лбу шишки набьете.
Стихи у нас получились корявые,
Но угощение должно быть чудесным.
Председательница Сафаргуль,
Сейт, Мурад и Байтемир, и другие.

Я дочитал письмо, поднял глаза и увидел Сейта и Байтемира: они посмеивались, глядя в нашу сторону. И Сафаргуль улыбалась издали, словно хотела сказать: «Ловко мы вас провели?»

— Ну, что будем делать? — спросил меня Асет.

Я пожал плечами. Мне даже жарко стало. Кто же ставит такие невыполнимые условия?! И зачем только я научил их игре в снежное письмо?! Ведь не откажешься теперь.

Я не слышал, о чем говорил вожатый, не помнил, как мы выходили из зала, одевались внизу...

На улице все еще сыпал снег. Какие-то незнакомые мальчишки и девчонки окружили нас. Откуда только они узнали, что нам передано снежное письмо?

Я стараюсь скрыть, что растерян. Асет тоже отшучивается от ребят. И все-таки мы спешим незаметно выскользнуть из их кольца.

Но кто-то, смеясь, кричит нам вслед:

— Не забудьте про угощение!..

Наконец, мы остаемся одни.

— Слушай, как же теперь будет с моим делом? — говорю я Асету.

— Каким делом?

— Ну, встреча с Калли-ата.

— А-а, — протянул он. — Вон ты о чем... С этим-то как-нибудь уладится. А вот как будем выкручиваться с письмом?

В его словах мне слышится упрек: «Не наболтай ты про снежное письмо, ничего бы не было». Я и сам ругаю себя...

Но Асет, поняв мое состояние, принимается утешать меня:

— Не огорчайся. Пойдем завтра на охоту. В тугаях полно и зайцев и фазанов.

— А рыба?

— В реке наловим. Или в Круглом озере.

Асет сказал это так уверенно, что я приободрился: может, условия письма и правда не такие уж невыполнимые.

ОБ ОХОТЕ — НИ СЛОВА!

Вечереет. Я прилег на кровать, у окна. Асет чем-то занят по дому, входит и выходит из комнаты. За дверью бабушка тихонько разговаривает с сестренкой Асета. Я смотрю в окно: мелкий снег понемногу засыпает двор... Утром мы с Асетом выскребли его, а сейчас там снова полно снега. Да и все кругом утонуло в серой хмари, а дальние предметы видятся размытой тенью.

Скучно...

И зачем я затеял эту глупую поездку? Оказаться бы сейчас дома, увидеть ребят... Подумал о ребятах, а перед глазами сразу появилась Махфуза. Молчит, улыбается загадочно. Я стараюсь задержать в воображении ее легкую фигурку. Странно! В классе я никак не могу с ней поладить. Но если ее нет поблизости, мне становится скучно...

Входит Асет.

— Эй, поэт, о чем задумался? Стихи сочиняешь?

— Да так, просто...

— Не падай духом, все будет в порядке! Попьем чаю и начнем готовить снаряжение.

Видно, Асет вовсе забыл, для чего я сюда приехал! Решил, что меня, как и его, беспокоит одно только снежное письмо. Но для меня встреча с Калли-ата важнее всякой охоты.

Мне показалось, что я выкрикнул это вслух. Я смутился. Не понимая, почему у меня такое настроение, Асет спросил:

— Ты что, охоты испугался?

— Да нет, на охоту пойдём, только...

— Никаких «только»! Завтра будет отличная пороша.

— Пороша? Что это?

— Не знаешь? — удивился Асет.

И объяснил мне: так называют только что выпавший, нетронутый снег. Когда пороша, легко охотиться: сразу найдёшь дичь по следу.

— Ты считаешь, что завтра будет эта самая пороша? — с сомнением сказал я, глядя в окно: снег все сыпал — мелкий, серый, упорный...

— Обязательно будет! После снега всегда устанавливается хорошая погода.

Мне стало веселее от его уверенности.

Вошла бабушка с самоваром.

— Проголодались, верблюжата мои?

Подмигнув мне, Асет шепотом предупредил:

— Домашним про охоту — ни слова!

— Почему?

— Не пустят.

Выходит, охота — опасное дело? У меня заняло где-то под ложечкой...

Пришел дядя Джапак. Страхнул с пальто и треуха растаявший снег. Снял сапоги, прошел в комнату, устало опустился на дастархан. Пододвинув чайник, налил в пиалу немного чаю, вылил обратно, чтобы лучше заварился. И повернулся ко мне.

— Ну как, сынок, не соскучился у нас?

— Нет.

— У меня и времени не находится поговорить с тобой... А теперь вот эта беда с рыбаком...

Трудная у рыбаков сейчас пора, объяснил дядя Джапак. На реке подтаивает и обламывается лед. Льдины выносит в море, и они мешают судам. А иногда случаются столкновения. Вот и прошлой ночью: трое рыбаков из бригады Калли-ата, возвращаясь с ловли, столкнулись с большой льдиной. Кусок ее от-

ломился от удара и завалился в лодку, раздробив ногу сидевшему на веслах рыбаку. Кое-как рыбаки добрались до берега и по радио сообщили о беде. На рассвете Калли-ата увез с собой в Муйнак дядю Джапака. Тот оказал пострадавшему необходимую помощь и доставил в больницу.

— Да, трудно сейчас рыбакам в море, — повторил дядя Джапак. И неожиданно спросил меня: — А как у тебя с учением, сынок?

— Ничего, — коротко ответил я.

— Твой друг не познакомил тебя со своим дневником?

Я быстро взглянул на Асета. Тот нахмурился. Сказал, опуская глаза:

— Двойку по алгебре я исправил...

— Непоседа ты, сын, только и знаешь, бегаешь где-то. А теперь, когда мать уехала, и вовсе...

И дядя Джапак подмигнул мне:

— Сагындык, мальчик мой, ты на него не смотри, я то останешься голодным. Твой друг большой привередник в еде.

Асет молчал, не поднимая головы.

— Вот они, нынешние ребята, — продолжал дядя Джапак. — Только начнешь говорить им, уже хмурятся. Когда мы с твоим отцом учились в Ташкенте...

Все взрослые, видно, одинаковы! Сколько раз я уже слышал все это от отца: как в студенческие годы варили они один и тот же суп — с макаронами, а досыта наедались только в дни стипендии.

Я уже давно понял: эти воспоминания очень дороги моему отцу. Может быть, дядя Джапак тоже не может отказать себе в удовольствии лишний раз вспомнить о студенческих годах?

— Чем вы занимались сегодня? — наконец спросил он.

Быстрым взглядом Асет предупредил меня: «Не проболтайся насчет охоты». Я посетовал на несостоявшуюся встречу с Калли-ата.

— Сагындык специально из-за него приехал, — объяснил Асет.

Дядя Джапак удивленно посмотрел на меня. Я рассказал ему, для какого дела нам нужен Калли-ата.

— Ну и непоседы! — улыбнулся дядя Джапак.

И пообещал, что сам поговорит с бригадиром рыбаков: завтра Калли-ата придет навестить больного.

— Хоп! — обрадовался я.

Дядя Джапак лег отдохнуть, а мы с Асетом вышли в другую комнату. Шепотом, чтобы не услышали сестренка и бабушка, принялись мы обсуждать план завтрашней охоты: утром, как только дядя Джапак уйдет на работу, мы тайком отправимся к Круглому озеру. Там густые тугаи и полно дичи. А рыба плавает в реке, подо льдом. Не беда! Мы пробьем пешней прорубь и опустим в нее леску.

Так мне еще не приходилось рыбачить. Я мысленно рисовал себе картину этой необыкновенной ловли. И тут меня осенила одна идея. Я даже вскрикнул невольно:

— Эврика!

Асет приложил палец к губам и оглянулся на дверь. Я взял рюкзак, развязал его и вытащил китайский фонарик.

— Вот!

Асет ничего не понял. Просто вертел в руках фонарик, и было видно, что он ему очень нравится.

— Читал в «Пионерской правде»? — торопился объяснить я. — Рыба, оказывается, плывет на свет. Еще не понимаешь? Смотри: мы привязываем фонарик к удилищу, а лампочку на длинных проводах подвесим к леске, поближе к крючку. После этого рыба...

— Здорово! — одобрил Асет, любуясь фонариком.

— Тебе нравится?

— Ага.

— Возьми, это подарок тебе. Я привез, да забыл отдать.

— Правда? Вот спасибо!

Потом мы быстренько составили список нужных вещей: спички, перочинный нож, пешня, удочка, санки, фотоаппарат...

— Все у нас есть, — почесал затылок Асет. — Но где возьмем ружье?

— А то, что висит в соседней комнате?

Его трогать было нельзя: дома сразу догадались бы, куда мы собрались.

— Попросим-ка ружье у Байтемира, — сообразил Асет. — Он ведь тоже подписал снежное письмо. Возьмем ружье, больше веры будет, что мы сами охотились.

Оставалось проверить, как погода.

Не одеваясь, мы вышли во двор. Мороз... Я взглянул на небо и поразился: в черной вышине сияли звезды.

Асет толкнул меня локтем:

— Ну что? Разве не говорил я, что завтра будет добрая пороша!

В ТУГАЯХ

Солнце выглядывает из-за редких, подсвеченных облаков. Придавленные снегом домики аула как бы ушли в землю. Из труб поднимается дым — неохотно, словно и ему зябко на морозе. Вокруг стогов толпятся овцы и коровы и жадно поедают сено. Из ноздрей их вырывается пар.

Мы с Асетом спешим по дороге. Здесь проехали чьи-то сани, прошли две-три лошади, прошагали двое-трое пеших. Мороз больно щиплет лицо. Но одет я тепло: на мне каракулевая шапка Байтемира и сапоги дяди Джапака. Правда, они великоваты, зато я навернул толстые портянки. Асет в полушубке и лисьем треухе. На ногах у него — валенки, на плече, дулом вниз, висит двустволка. Она чертит стволами след по высокому снегу.

На крепкой конопляной веревке Асет ведет Бурибасара. Мы решили взять его с собой — на всякий случай, для безопасности. Но пес упирается, тянет назад, к дому. А тут еще к нам с лаем бросается несколько собак. Поджав хвост и повизгивая, «защитник» жмется к ногам Асета.

Слышится чей-то дружный смех. Оглядевшись, мы заметили на крыше одного из домиков трех ребят. Они сбрасывали снег.

Асет зло дергает за конопляную веревку и тянет вперед Бурибасара. Собаки все еще шумно преследуют нас, но потом, потеряв всякий интерес, убегают к своим калиткам.

Чуть подальше несколько ребят расчищают от снега чей-то двор. Другие показываются из хлева с носилками, полными навоза.

«Субботник у них, что ли»? — мелькает у меня в голове.

— Похоже, и они получили снежные письма, —

говорит Асет и с новой энергией тянет упирающегося Бурибасара.

А я совсем было собрался остановить Асета. Сказать, что из нашей охоты все равно ничего не выйдет и лучше сразу вернуться домой. Но увидел ребят и промолчал.

...Скоро мы были далеко от аула. Я остановился, посмотрел назад: по яркому снегу тянулась цепочка наших следов...

Я так замерз, что едва ворочал языком. Вот так же я не мог говорить, когда меня укусила в язык оса: хотел напиться из кумгана, а она сидела в его носике.

— Может, костер разожжем, погреемся? — наконец спросил я (у меня получилось «кофтер» и «погеемся»).

Асет взглянул на меня. Спущенные уши его маляхая покрылись инеем, и Асет усмехался, словно старик в седую бороду.

— Костер? Вот дойдем до тугаев, здесь и жечь-то нечего, — сказал он. — А ты шагай быстрее, согреешься.

И он прибавил шагу. Идти без дороги, по глубокому снегу становилось все тяжелее. Я нажимал из последних сил, но все больше отставал от Асета.

Но вот начали попадаться отдельные, засыпанные снегом деревья джиды, корявые кусты тамариска и осокоря.

Вскоре их стало больше.

— К тугаям подходим! — крикнул Асет и остановился, поджидая меня. А сам внимательно вглядывался в снег, который казался особенно белым из-за черневших там и тут кустов.

— Ну-ка угадай, чей это след? — показал он, когда я подошел.

Я склонился, рассматривая круглые следы. Похоже, кошка прошла? Тяжелая! Шла, проваливаясь в глубоком снегу и животом затирала след.

— Кошачий, — не очень уверенно сказал я.

Асет засмеялся:

— Разве кошка может быть такой длинной? Смотри: между следами передней и задней лапы чуть не полметра. Лисица это! След хвостом и заметала.

Взведя курки, Асет взял двустволку на изготовку. Шагнул по следу. Но Бурибасар, заскулив, уселся на снег. Асет дернул за веревку, но пес лег и заскулил еще жалобнее.

— Этот трус боится выстрела, — презрительно сказал Асет.

Оказалось: пес как-то вздумал облизать казан, и Асет выстрелил в него — холостым патроном, без дроби. С тех пор пес, едва увидит ружье в его руках, убегает. Или вот так, как сейчас, ложится на землю.

Положив двустволку на снег, Асет замотал веревку на шее пса и крикнул:

— Пошел отсюда!

Поджав хвост и повизгивая, Бурибасар помчался к аулу.

— Собака, которую нужно тянуть на веревке, для охоты не годится, — пояснил Асет.

Эти слова, как я понял, относились не только к Бурибасару...

Больше я не заговаривал о костре, хотя мы вплотную приблизились к тугаям.

Напав на след лисицы, Асет заторопился. Я вспотел, стараясь не отстать от него. След покружил по снежной целине и повел в тугай. А там незаметно затерялся среди множества других отпечатков. Сколько же их здесь, поразился я. Птичьих крестиков и круглых отпечатков звериных лап. Заячьих? Лисьих?

Мы углубились в заросли камыша. Метелки его белые, и стоит задеть их, на голову, плечи, за воротник сыплется снег. Гремят потревоженные стебли. Они задубели на морозе. А где-то вдалеке глухо бьют выстрелы.

Но вот Асет остановился. Стало очень тихо.

Кругом плотной стеной поднимался камыш. Я вертел головой: с какой стороны мы вошли? И как теперь отсюда выбираться?

Я растерянно взглянул на Асета:

— Мы заблудились?

— Ну да, — говорит он. А сам смеется.

Я рассердился.

— Что тут смешного? Лучше давай скорее выбираться отсюда.

— Боишься?

— Не боюсь, но... Зайцы, наверное, есть не только в тугаях.

Но Асет, ничего не ответив мне на это, двинулся дальше, в самую гущину. Заросли тут же скрыли его: только поднимались над его головой облачка инея.

Ориентируясь на эти взлетающие облачка, я ползлся следом.

Подхожу, а он рассматривает стебли камыша. Потом машет рукой — куда-то совсем не туда:

— В той стороне наш аул.

— Откуда ты знаешь?

— А камыш на что? Видишь, листья у него растут с одной стороны. С какой, а?

— Откуда мне знать?..

— Слабоват ты в ботанике, — смеется Асет. — Запомни на будущее: листья камыша всегда растут на стороне, обращенной к восходу солнца. А наш аул как раз на востоке... Значит, если пойдем в сторону, с какой растут листья камыша, мы не заблудимся. Понял, товарищ поэт?..

Я кивнул.

И мы стали пробираться дальше. Однако теперь новая мысль преследовала меня... Я знал: такие вот заросли камыша — любимое место охоты индийских тигров. Теперь мне казалось: мельком я читал в учебнике географии, что на берегах Аму тоже водятся полосатые хищники. Водятся или нет? — мучительно вспоминал я, мысленно перелистывая учебник. Нет, не помню...

Наконец, я решился задать этот вопрос Асету. Он подтвердил: да, и тигры водятся. В прошлом году в этих местах подстрелили одного.

Теперь я старался ни на шаг не отставать от Асета. А он шел, с шумом раздвигая камыши. И мне хотелось одернуть его: «Тише ты!» Но я просто спешил за ним, то и дело спотыкаясь о камышовые дудки. Сердце у меня колотилось, словно за нами и впрямь крался кто-то. Ничего, у нас ружье, успокаивал я себя. И тут, взглянув на двустволку, висящую на плече Асета дулом вниз, я почувствовал слабость в коленках. Оба курка ее были взведены!

— Асет...

— Что такое?

— Ты забыл спустить курки!

Он увидел свою оплошность, брови его растерянно поползли вверх, но он тут же сомкнул их у переносицы.

— Э-э, вон ты о чем... — Он деланно улыбнулся и так, с взведенными курками, пошел дальше.

— Спусти!.. Вдруг заденет за камыш...

— Такую панику поднял, — стараясь казаться равнодушным, проговорил Асет. Но курки все же спустил.

Пока мы препирались, упустили дичь. Впереди зашуршало, и прежде чем мы успели испугаться шороха, стена камыша выстрелила прямо по тяжелой птице. Наши сердца чуть не лопнули от ужаса. Я отпрыгнул назад, Асет дрожащими руками сорвал с плеча ружье.

Птица пролетела немного (я смог оценить красоту ее оперения) и канула в камыши. Чуть качнулись стебли, обозначая ее пробег по земле. И все — она затаилась, исчезла.

— Ну вот, одного жирного петуха мы упустили, — сердито сказал Асет. Теперь в метре от него пройди — не шелохнется. А были бы курки взведены...

Но голос его еще дрожал от испуга. Я промолчал.

Камыш стал заметно редеть: мы выходили из тугаев. И сразу услышали неподалеку крики охотников и лай собаки.

— С борзой охотятся, на зайца, — глядя в сторону звуков, объяснил Асет.

Мы увидели, из тугаев, взбивая тучи снега, вырвались два всадника. Они скакали, размахивая камнями и обгоняя один другого. И что-то кричали — наперебой.

— Смотри! — крикнул Асет. — Вон впереди борзая!

Я и сам уже видел ее — желтую, длинную собаку, странно вытянутую в бешеном беге. А перед ней по снегу катился грязный комок. Заяц?! Сейчас она догонит его!

Замерев, я смотрел на жуткую погоню.

Но в самый последний момент зайчишка вдруг отпрянул в сторону.

И борзая пронеслась мимо. Но тут же затормозила — всеми четырьмя лапами, подняв клубы снежной пыли. И тоже бросилась в сторону.

Но заяц был уже далеко. Странное чувство охватило меня: я желал зайцу спасения, и мне было досадно, что борзая упустила его.

— Никудышная борзая! — расстроился Асет. — Хорошая собака не упустит зайца. Догонит и собьет передними лапами. И схватит, не дав ему опомниться.

Крики охотников удалялись. Мы пошли вдоль тугаев. Я думал: «Если зайцы так бегают, нам никогда не добыть ни одного». И все-таки на душе стало легче: мы выбрались из тугаев, близко люди... Страж мой прошел.

И тут мы буквально споткнулись о заячий след. Асет наклонился, рассматривая его, и, просияв, заявил:

— Совсем свежий!

Боясь кашлянуть (а как назло очень хотелось), мы двинулись по следу. Он хитро петлял снежной целиной: привел к кусту травы, похожей на полынь, повернул обратно... И вдруг — исчез! Нет, сначала заяц топтался на месте, поворачивался в одну, в другую сторону. А дальше? В землю зарылся? Махнул в небо? Куда он мог деться?

Асет взвел курки и тоже начал поворачиваться на одном месте. Он внимательно всматривался в окружающие кусты.

— Где-то здесь должен быть, — шепнул он. — Скакнул и залег.

Я тоже процупывал взором каждый бугорок снега. Глаза не спеша переходили с предмета на предмет, а сердце стучало, как бешеное.

Сейчас! Сейчас я его увижу!

И вот, когда мне и дышать стало нечем, неподалеку, под кустиком кудрявой от инея полыни глаз зацепился за что-то инородное. Серое. Клочок шерсти, как мне показалось. Я застыл, еще больше напрягая зрение.

На меня, выпучив красный глаз, боком смотрел заяц...

— Вон он, — выдохнул я.

— Где?! — крутнулся Асет.

— Тихо ты! У него глаза открыты.

— Вижу, — шепнул Асет. — Спит он.

— Да нет же, на меня смотрит...

— Усидел бы он, если б не спал. Забыл, что ли? Зайцы спят с открытыми глазами.

Асет целился тщательно, долго. Я не спускал глаз с лежащего на курке пальца и в ожидании выстрела все сильнее прижимал к ушам клапаны шапки. Наконец, не выдержав, зажмурился. Но именно в тот момент, когда я решил снова открыть глаза, прогремел выстрел.

Заяц высоко подпрыгнул, рухнул на землю и с тонким писком забился на снегу.

— Попал! — заорал Асет.

Мы подбежали к зайцу. Он несколько раз дернулся и затих.

— Так его, ушастого, — сказал Асет, привязывая добычу к поясу.

...Я иду за Асетом, рот до ушей, глаз не могу отвести от зайца. Подвесить бы его к своему поясу... Тяжелый, наверное... Но из нас двоих охотник один — Асет. Ему и нести добычу! Я смотрю, как он шагает с двустволкой на плече и длинноухим трофеем у пояса. И страшно жалею о забытом дома фотоаппарате! Какой бы снимок получился! Но фотоаппарата нет со мной, и мне остается просто так любоваться Асетом. Какой он умелый и ловкий, мой дружок! Мне кажется, нет на свете ничего такого, чего бы он не знал. Следы, например... Он их читает без запинки: это заячий, это лисий, это — фазана... Он даже тигра не боится!

Взойдя на невысокий холм, мы остановились передохнуть. Асет опустил ся прямо на снег. Взглянул на меня, снизу вверх, хитро блеснули его глаза:

— Ну как, разжигать костер?

— Зачем? — удивился я. — И так вспотели.

Асет вытащил из кармана и пересчитал патроны. А чего считать? И так известно: было десять, один потратили. Ух-ху, неужели, имея девять патронов, не добудем хорошего петуха?

— Где будем искать фазана? — спросил я.

— На открытом месте не найдешь. Они в тугаях водятся, где погуще.

— Назад возвращаться? — вырвалось у меня.

Про тугаи мне и думать было страшно. Настроение сразу упало.

— Сколько хлопот, оказывается, — недовольно проговорил я.

— Я что ли придумал снежное письмо? — усмехнулся Асет.

Отвечать на это было нечего... Всегда у меня так! Придумаю что-нибудь — и обязательно на свою голову. Вот и теперь: научил здешних ребят игре в снежное письмо и сам же попался! Не выполнишь условий письма, прослывешь болтуном. «Ты и есть болтун!» — обругал я себя. Кто тянул меня за язык

предлагать Калли-ата в почетные члены отряда? Кто? Вот теперь и расхлебываю... Но тут я вспомнил, как мне хотелось поехать на каникулы к Асету. И как я был счастлив, что все-таки лечу к нему. Да нет, все бы чудесно, не научи я ребят этой злосчастной игре...

— Написали бы письмо мальчишки, могли б и не ходить, — посмеиваясь, сказал Асет. — Но раз условия придумала девчонка...

Снова послышались крики охотников. Они подхлестнули нас. Мы спустились с холма и пошли к тугаям. Внезапно наперерез нам выскочил заяц. Асет сорвал ружье и выстрелил подряд два раза.

Нет, не попал...

Мы пошли дальше, прислушиваясь к понукающим голосам охотников. Они кричали где-то совсем рядом.

— А борзая почему-то не лает, — сказал я.

Асет остановился, вслушиваясь.

— Если бы борзую пустил, не так кричал бы. А этот, похоже с соколом. Слышишь, кличет: «Пох-пох!»

Но я не успел ничего расслышать. Совсем близко подала свой голос какая-то птица:

— Чирк! Чирк!

— Фазан! — просипел Асет.

Взяв ружье наизготовку, Асет сделал несколько шагов. Голова его смешно вертелась: туда-сюда, туда-сюда.

— Фр-р!..

Из зарослей, сверкнув на солнце нарядным оперением, выпорхнула птица. Тяжелая, она летела низко-низко. У нее был длинный красный хвост. Петух!

Асет выстрелил раз, другой. Подняв вертикально хвост, фазан упал на снег.

— Ранен! — крикнул Асет.

Была ли ранена птица, мы так и не успели понять. Фазан, упав, мгновенно ожил и стремительно побежал к стоящим стеной камышам. Юркнул в первую попавшуюся щель и исчез.

Сильно разочарованные, мы пошли дальше. Трудное это дело, подстрелить фазана на лету... Я подсчитал: у нас осталось пять патронов.

— Смотри! — крикнула Асет. — Сокол!

В нашу сторону летела пестрая птица, чуть больше домашнего голубя. Четко прочертив в небе линию сво-

его полета, сокол сел неподалеку на деревцо. Его роговые пальцы с сильно загнутыми темными когтями крепко обхватили сучок. Сокол стал чистить о ветку свой железный клюв. Потом вдруг повернул к нам голову — с оранжево-черным немигающим глазом. И крикнул — воинственно:

— Чанк!

Мы смотрели на него, как заворуженные.

Зашуршали камыши. Мы обернулись: из зарослей выехал охотник на гнедом коне. Вытянув руку в кожаной рукавице, он позвал:

— Пох-пох!

Сокол еще раз крикнул свое «чанк!», нырнул с ветки вниз и, подлетев, опустился на руку верховому, стал терзать что-то своим железным клювом. Мне показалось: он яростно, в клочья рвет рукавицу. Но охотник свободной рукой несколько раз погладил птицу по голове и медленно подъехал к нам. Это был старик небольшого роста, в треухе и желтой дубленой шубе. Он ловко и привычно сидел в седле.

Асет толкнул меня локтем:

— Калли-ата!..

— Кто?..

Я не поверил своим ушам. Калли-ата?! Этот вот, в желтой шубе? В своем воображении я давно уже нарисовал богатырскую фигуру рыбака в задубелом парусиновом плаще, с огромными ручищами, легко тянущими тяжелые сети. И теперь растерянно уставился на верхового. Совсем обыкновенный старичок... Сухонький, с небольшим крепким носом, он сам был похож на птицу. В тороках у него висело несколько зайцев и фазанов.

— Ассалам-алейкум, ата! — первым поздоровался Асет.

Следом смущенно пробормотал свой салам и я.

— Ваалейкум!.. — ответил Калли-ата и, узнав Асета, заулыбался. — Йие, Асетджан! Тоже на охоту вышел? А это что за паренек с тобой? Гость? Из города? Молодцы! Что добыли?

— Вот, зайца! — гордо показал Асет.

— А, добро, добро, — похвалил Калли-ата и легко соскочил с коня. Сокол сидел у него на руке. Я увидел: в рукавице у старика, между кожаными ее пальцами, зажато сырое мясо. Настороженно поблескивая

круглыми глазами, сокол рвал от него куски и жадно, торопливо глотал.

Калли-ата внимательно оглядел нас.

— Не замерзли, охотники?

— И-нет...

— А нос у обоих, как помидор.

Старик снял рукавицу, бросил на снег, посадил на нее сокола. А сам стал подтягивать подпругу у коня. Крепко: конь пошатывался, переступал ногами. Я понял, в руках у старика очень много силы...

Подтянув подпругу, Калли-ата зачем-то стал отвязывать висевшего в тороках крупного петуха-фазана. Я смотрел, как безвольно моталась по лошадиному крупу его большая голова с изумрудными щеками и белым кольцом вокруг остекленевшего глаза.

А Калли-ата вдруг протянул мне птицу:

— Держи-ка, сынок.

— Что вы, дедушка!..

Я совсем смутился. И оглянулся на Асета. Но тот смотрел на петуха загоревшимися глазами.

— Бери, бери, сынок, — подбодрил меня старик. — Таков обычай охотников — дарить добычу гостю.

Сердце у меня радостно подпрыгнуло, внутренний голос торопил «бери, дурень!» Но я в нерешительности медлил.

И тогда Калли-ата сам подвязал мне фазана к поясу. Я поразился, какой он тяжелый. И как красиво вблизи его оперенье. И тут я увидел страшный след, который оставили на его спине соколиные когти.

Вот и есть у нас фазан... Мы переглянулись с Асетом — быстро и тайно, как заговорщики. Правда, такая «охота» не по правилам снежного письма...

— Дедушка, — сказал Асет, потупившись и чертя валенком по снегу. — Вы никому не скажете, что дали нам фазана?

Старик взглянул не понимая. У него были желтые, как у птицы, внимательные глаза. И тут же они прищурились — лукаво.

— А что, тайна какая-нибудь?

Асет смущенно молчал. Но Калли-ата, похоже, сам обо всем догадался.

— А-а, понятно, понятно... Если кто спросит, надо сказать: они сами добыли? Так, что ли?

— Ага...

— Хоп, — старик кивнул, усмехнувшись.

Затем он снова надел рукавицу и посадил на нее сокола. Поднявшись в седло, сказал:

— День на вторую половину пошел. Возвращайтесь-ка домой, скоро станет морозно.

— Мы еще поохотимся, — сказал Асет.

— Велено домой, значит, поворачивай! — вдруг рассердился Калли-ата. — Уши пооборву!

Мы с Асетом послушно закивали головами. Я больше не удивлялся тому, как смиренно сидит на вытянутой руке Калли-ата сокол — сильная, хищная птица со страшными когтями.

Кивнув нам, Калли-ата повернул коня и пустил его крупной рысью.

Я смотрел ему вслед. И тут только спохватился: а мое дело?!

— Асет, мы же ничего не сказали ему...

— Насчет чего?

— Сам знаешь, насчет членства...

— А, чтоб тебя, совсем позабыл! А ты почему не напомнил?

— Не знаю. Он рассердился...

— Да это он так, пошутил. А сам подмигнул мне. Калли-ата-а! — вдруг крикнул Асет и велел: — Зови его!

— Дедушка Калли! — закричал и я.

Старик услышал, повернул в нашу сторону коня. Мы побежали навстречу. Привязанный наспех к моему поясу фазан отвязался и упал. Я схватил его за шею и бежал, крутя над головой.

Калли-ата с минуту смотрел в нашу сторону, потом махнул рукой, повернул и пришпорил коня.

«Куда же он?» — удивился я. И тут же все понял. Был бы я в своем уме, разве стал бы звать его, крутя фазана над головой? Калли-ата наверняка подумал, что я решил вернуть ему подарок...

«Э, пустая башка!» — обругал я себя.

— Дай-ка сюда петуха, — немного погодя сказал Асет.

— Зачем? (Я только что снова приладил его к поясу).

— Давай, давай!

Усмехаясь, Асет отнес фазана метров на пятьдесят и повесил на куст. Вернулся. Я ничего не мог понять. А он зарядил ружье и протянул мне:

— Стреляй!

— Сдурел ты, что ли? Кто стреляет в мертвую дичь?

Тогда он сам поднял двустволку, прицелился и нажал спусковой крючок. Грохнул выстрел. Фазан тяжело свалился в снег. Следом тихо планировало выбитое дробью перо.

Вынимая гильзу, Асет засмеялся:

— Теперь смело можем говорить, что сами подстрелили: в фазане наша дробь.

А мне и в голову не пришло, как легко нас могли уличить в обмане: ведь в мясе сбитого соколом фазана не оказалось бы дроби!

Видали этого хитреца? Я с восхищением посмотрел на Асета.

У нас оставалось еще три неиспользованных патрона. Они были уже не нужны нам.

— Можно выстрелить разок? — попросил я.

— А во что?

— Да во что придется.

Я завертел головой в поисках подходящей цели.

— Давай в мою шапку, — нашелся Асет.

Он отнес и приладил на куст шапку. Проверил, правильно ли я держу ружье. Прицелившись, я зажмурил оба глаза и надавил на спуск. В плечо толкнуло — неожиданно сильно. И тут же грохнуло. А может, сначала грохнуло, потом толкнуло, я так и не разобрал. Запахло порохом.

Асет побежал за шапкой. Смеясь, крикнул:

— Куда же ты целил, охотник?

Значит, не попал... Я виновато ухмыльнулся. И все-таки был доволен: грохнуло здорово, а отдачей ударило так, что я чуть не упал.

— Ладно, бери фазана и пойдем домой, — заторопил Асет. — Нам еще на реку успеть надо...

Мы быстрым шагом зашагали к аулу. Солнце стояло еще высоко, но меня все сильнее пробирал мороз.

НА АКДАРЬЕ

Вернув Байтемиру ружье и похвастав добычей, мы пошли к себе. Зайца с фазаном незаметно спрятали в сено, а сами прошли в дом.

— Проголодались, верблюжата мои? — встретила нас бабушка Асета. — Садитесь за дастархан. Мы с Назли тоже не ели, ждали вас.

Улыбаясь, Назли продолжала читать какую-то книгу. Такая тихая, ласковая! Мне бы такую сестренку... Мы с Асетом целыми днями пропадем на улице, а она хоть бы словом дяде Джапаку обмолвилась. Улыбнется нашим проделкам — и все. А моя вечно ябедничает маме или отцу.

Бабушка принесла косы с шурпой. Мы накинулись на еду, как голодные волки. А поев, тотчас подыались.

— Куда же вы? — спросила бабушка. Она напомнила Асету: вечером прилетает мать, и нужно встретить ее, съездить в аэропорт на санях. И по дому есть работа...

— Срочное дело у нас, бабушка, — сказал Асет. — Я потом все сделаю.

— Ох, и непоседы! Ладно, сынок, ступай... Я ведь только, чтобы мама не сердилась.

Выходя из комнаты, я посмотрел на часы: было ровно три.

— Асет, может, нам завтра сходить на рыбалку? — несмело предложил я.

— Много ты находишь завтра, когда приедет мама. Ловить рыбу не так уж трудно. А мы еще и лампочку пристроили.

Ну вот, теперь эта лампочка... Чья была идея прикрепить ее к удилищу? Моя, конечно... Я же накануне вечером и сделал все: привязал китайский фонарик к удилищу, вывел два изолированных проводка, припаял к ним паяльником лампочку. А чтобы не проникла вода, хорошенько обмазал все пластилином. Именно так советовала сделать «Пионерская правда». Асет не читал той заметки и с интересом наблюдал за моими действиями.

Не скрою, вчера мне были очень приятны его уважительные взгляды. А теперь, хочешь — не хочешь, придется идти...

Асет достал из кармана вчерашний список.

— Есть перочинный нож? — бормотал он. — Есть...

— А спички не нужны?

— Положи себе в карман. Дальше что? Санки...

— Готовы.

— Пешня? Есть, — ответил он сам себе. — В хлеву стоит. Одежда? Все вроде надели. Фотоаппарат не забудь, — напомнил он мне.

Удочку из бамбука мы сложили и привязали, как простую палку, сбоку саней. И вышли из калитки.

Погода здесь какая-то интересная! Когда возвращались с охоты, было ясно. Но сейчас небо затянуло облака.

Мы возьем свои легкие санки. На них только завернутая в мешок пешня да сбоку, чтоб незаметно было, привязана удочка. Фотоаппарат висит у меня на шее, за спиной болтается пустой рюкзак. На боку у Асета — сумка для улова.

Когда шли центром аула, к нам подбежал Сеит. Утром, увидев нас с ружьем, он посмеялся, глядя из окна. А мы вернулись домой с добычей...

Теперь Сеит выскочил нам навстречу.

— На рыбалку? Я тоже пойду!

— Иди, — равнодушно сказал Асет.

— А вы куда идете? — спросил Сеит.

— На Круглое озеро, — сказал Асет и потянул санки.

Я кивнул Сеиту: мол, давай за нами. И нагнал Асета.

— Ты же говорил, на реку пойдем.

— Мы туда и идем.

— А Сеиту сказал, что на Круглое?

— Ну и что? Зачем он нам? — поморщился Асет. — Хочет идти, пусть идет сам. Он и утром за нами увязывался, да я не взял. И сейчас сразу его понял: хочет небось проследить, сами мы добудем рыбу или с чьей-нибудь помощью. Вот мы и пойдем на реку, а он пусть сбегает на озеро. Разве он, пустая голова, понимает, что в текучей воде рыбы больше?

Я молча шагал рядом. Я не знал, соглашаться или спорить с Асетом. Он-то Сеита лучше знает... В одном он прав: возьми мы Сеита на охоту, разве не развонил бы он, как мы «подстрелили» фазана?

Мы уже порядком отошли от кишлака. Оставляя на снегу извилистый двойной след, легко скользят наши санки. Тихо... Кусты тамариска, осоко́ря и дикой джиды согнулись под тяжестью снега, не шелхнутся. Будто глубоко задумались о чем-то.

Как не похожи здешние места на наши! У нас, когда я улетал, травка пробивалась. И пора! Ведь се-

годня... Какое сегодня число? Двадцать шестое... двадцать седьмое... Ой-бой! Уже двадцать восьмое, а дело мое все ни с места. Когда я теперь встречу с Калли-ата?

— Вон озеро, — показал Асет на круглую впадину, засыпанную снегом, по краям которой щеткой стояли камыши.

— Встань-ка сюда, — скомандовал я. — Не двигайся! Так. Так. Все!..

Я сфотографировал Асета, потом настроил аппарат и передал ему.

— Сними и меня!

Больше мы не останавливались...

Река меня разочаровала.

— Й-ие, да она совсем узкая! В нашей стороне Аму метров пятьсот шириной. (Я прихвостнул самую малость).

— Посмотрел бы ты на нее летом! Ты же видишь середину реки, она не замерзла.

Я и правда смотрел туда, на живую воду, почти черную на фоне снега. Что-то широкое, серое, погружаясь и выныривая, плыло по воде, время от времени ударяясь о ледяные закрайки.

— Смотри-ка, льдина!

— Весна скоро, лед начал обламываться, — Асет проводил глазами льдину. — В Аральское море плывет!

Пройдя сквозь заросли камышей, мы вышли на самый берег. Дальше начинался лед, крайние камышины вмерзли в него до половины. А до чистой воды и правда еще далеко. И на той стороне, во-он где, вмерзла в лед позабытая кем-то лодка...

Мы спустились на лед и пошли к воде. И вот уже стоим у самой кромки, в двух-трех метрах от нас хлопает, плещется вода и быстро-быстро несется к морю.

— Давай-ка сюда пешню, — скомандовал Асет, ногой разгребая снег.

Я подал ему пешню. Сняв стеганку и аккуратно положив ее на снег, Асет стал вырубать в зеленоватом льду лунку.

Удары у него сильные, точные. Я отошел и — чик! — сфотографировал Асета. Потом взял у него пешню. Лунка уже заметно углубилась. Но какой все-таки твердый лед! Ударишь со всей силой, а отскочит кусок не больше кулака.

Скоро у меня заняла спина.

— Теперь я, — сказал Асет и, забрав пешню, поплевал себе на рукавицы.

Несколько сильных ударов — и ее острое пробило лед. Асет еле вытащил пешню обратно. Повернулся ко мне — рот до ушей:

— Готово!

Заглянул я, а в лунке поблескивает вода — с верблюжий глаз.

— Отвязывай удочку! — крикнул мне Асет, а сам ударами пешни продолжал расширять прорубь.

Я кинулся к санкам, отвязал удилище.

Сняв рукавицу, Асет вылавливал из проруби осколки льда.

Вращая удилище, я размотал леску. Лампочка была на месте. Я проверил, как она зажигается, и протянул удочку Асету. Насадив на крючок кусочек мяса, он осторожно опустил леску в воду. Подмигнул мне и нажал на кнопку фонарика.

Я заглянул в прорубь.

— Горит? — нетерпеливо спросил меня Асет.

— Нет...

Асет сунул мне удилище, а сам встал на колени и низко пригнулся к проруби.

— Подтяни!

Я поднял удилище повыше и тотчас услышал:

— Горит! Ее течением относило.

Я так и застыл, держа высоко поднятой руку с удилищем. Скосил глаза вниз: в проруби покачивался большой поплавок. Асет отошел и стал настраивать аппарат. Молодец! Я как раз мечтал о таком снимке...

— Не шевелись, — говорит Асет. — Так... Так... Внимание, снимаю.

Я чувствую, лицо мое неудержимо расплывается в улыбке (а так хотелось сохранить серьезный вид!) И тут кто-то сильный как рванет у меня из рук удочку. Я больше не вижу в лунке поплавок и, мигом забыв о замечательном снимке, зову на помощь Асета.

Вдвоем вытаскиваем добычу — плотву четверти в полторы длиной! Сняв с крючка, Асет бросает рыбину на снег. Плотва хлещет хвостом, она блестит на белом, как кинжал.

— Урра-а-а!..

Мы скачем вокруг нее. Под ногами кряхтит и легонько пружинит лед...

Асет снова закидывает удочку. Мы притихли над прорубью, нетерпеливо караулим поплавок. Сейчас мы ничего не слышим: ни хлюпанья воды о близкий ледяной край, ни шороха плывущих по воде осколков и льдин.

... И вот уже с десятков рыбин сначала подпрыгивают на снегу, потом лишь трепещут, повиливая хвостами и широко разевая беззубые рты, а затем и вовсе костенеют.

Мы счастливы своей удачей! Каждый раз, как ловится очередная рыба, Асет, снимая ее с крючка, приговаривает: «Ты достанешься Байтемиру!» или «Ты — красивая, тебя пусть отведаст Сафаргуль». Или такое: «Ты, несчастная, чего егозишь, как Сеит? Он пускай и получит тебя!»

И нацепив наживу, снова забрасывает удочку.

Но через некоторое время поплавок так резко ныряет в воду, что я вижу испуг на лице Асета.

— Сагындык! Держи! — пыхтит он. — Бакира!

Леска натянулась до звона. Я тоже хватаюсь за удилице, но какой-то силач рвет его из наших рук.

— Что... за бакира? — все же спрашиваю я.

— Щука по-вашему... Крепче держи!

— Откуда... знаешь, что... щука...

— У ишака одна походка, у верблюда — другая. Только бы леска не оборвалась!..

Мы слегка отпускаем леску, давая щуке порезвиться напоследок. Ждем, когда она станет смирнее, не будет так брыкаться. Наконец, потихоньку подводим ее к проруби, тянем... показывается огромная острая голова. Такую голыми руками не схватишь. Только бы леска выдержала! Асет вслух уговаривает щуку:

— Выходи, бакираджан, я не отдам тебя Сеиту, — голос у него ласковый, как у девчонки. — Ты достанешься гостю! Милая, хорошая, выходи...

И все-таки мы ее одолели! Потихоньку, полегоньку, обманом и уговорами выволокли щуку на лед. Вот это рыбища! Пестрая, как змея, и самое малое — в полметра. Бросив щуку на снег, подальше от проруби, мы запрыгали над ней, крича «ура».

Асет стал приплясывать, напевая, что взбредет на ум.

Мы взялись за руки и, подпрыгивая, запели вдвоем. В самый разгар веселья рядом будто треснуло что-то. Лед под нами качнулся. Но нам было не до этих пустяков.

... Я держал удилище, Асет снова цеплял на крючок наживу. И тут я увидел, вода в проруби отчего-то стала быстро подниматься. Вот дошла до верха и выплеснулась через край, пропитывая снег.

— Гляди, выливается, — удивился я.

С берега донесся чей-то крик. Я оглянулся: кто-то отчаянно махал нам шапкой и кричал изо всех сил. Предчувствуя беду, я оглянулся на Асета. Занятый удочкой, он только мотнул головой.

— Не узнаешь, что ли? Сеит это. Притащился по нашему следу...

Сеит все что-то кричал нам. А еще бежал вдоль берега, будто боялся отстать. Бежал быстро, но почему-то все время оставался на одном месте — напротив нас.

— Обманули дурака на четыре кулака, — погружая в прорубь удочку, довольно проговорил Асет.

А у меня язык отнялся.

— А-асет... нас уносит...

— А?!

От его резкого движения льдина под нами закачалась, и мы упали бы, если б не схватились друг за друга. Держась за Асета, я застывшим от ужаса взором смотрел, как мимо проплывает берег.

Но тут льдина приблизилась к припаю.

— Прыгай! — закричал Асет.

Где мне было прыгнуть... До припая было не меньше двух метров. Асет, тот, конечно, легко перепрыгнет, он более ловок и ростом выше. А я...

Но Асет не стал прыгать. Не захотел оставить меня одного в беде. Молча поднял санки, подошел к краю льдины и сильным махом забросил их на припай. Следом полетела пешня.

— Что ты делаешь?!

Льдина закачалась сильнее.

— Найдут вещи, узнают, что нас уносит...

И тут только я понял Сеита. Вот о чем он пытался сообщить нам...

— Сеит все видел! — обрадовался я. — Потому и кричал, что нас уносило.

С вспыхнувшей надеждой мы прощупывали глазами берег. Но там уже никого не было.

НА ЛЕДЯНОМ ПЛОТУ

Нас уносило.

Льдина то плыла спокойно, то вдруг начинала раскачиваться, вызывая у нас ужас. А кругом — только лед и отливающая голубизной черная, живая плоть реки. Мы сидим, прижавшись друг к другу, и сейчас не разобрать, дружба так сблизила нас или страх. Мы внимательно рассматриваем берег. Но что там, нам не видно: уровень реки здесь намного ниже берега. К тому же мы сидим. А подняться страшно: льдина может перевернуться. И ни одной живой души кругом...

Серая темнота заливает реку. Делается все сумрачнее. Однообразной белой полосой тянется берег. Верхняя его линия чуть проступает на фоне хмурого неба. И мы всматриваемся в нее до боли в глазах.

Хоть бы какой огонек!

Я не знаю, о чем рядом со мной думает Асет. Только чувствую тепло его плеча. И все теснее прикипаю к нему, потому что мне страшно своих мыслей... Раньше я, случалось, плакал из-за какого-нибудь пустяка. А сейчас ни слезинки. Видно, когда по-настоящему страшно, слезы высыхают.

Если бы льдина опять — хоть на миг! — приблизилась к припаю... Клянусь, я прыгнул бы! Но водная часть реки чем дальше, тем становилась шире. Наш ледяной плот, покачиваясь, плыл серединой и не собирался причаливать к берегу...

Только однажды наверху как будто замерцал огонек.

— Смотри, огонь!

Я разволновался так, словно увидел что-то родное-родное.

Асет резко повернулся, льдина качнулась. Мы еще крепче вцепились друг в друга.

— Давай кричать, — предложил Асет. — Может, услышат? — И закричал: — Эй, помогите! Нас уносит-ит! На помо-ощь!

Я тоже кричал, с надеждой глядя на огонек. Нет, видно снег и вода глотают наши слабые голоса. Мы все кричали, а льдина плыла себе и плыла. Помигал и исчез огонек...

И все-таки я с надеждой смотрел в лицо Асету. Он что-нибудь придумает!

Спустя немного он сказал:

— Давай соберем вещи. Надо быть наготове. Случай еще подвернется, увидишь.

Он все еще надеялся спрыгнуть на берег... В его словах мне почудился упрек: из-за тебя не прыгнули тот, первый раз.

Стемнело. Мы едва различали разбросанные по льдине пожитки. Не сходя с места, осторожно дотягиваясь рукой, стали собирать их. Я нащупал фотоаппарат и сунул его в рюкзак. Асет освобождал привязанный к удилице фонарик. Я протянул руку к чему-то чернеющему неподалеку. Оказалась — щука. Я подтащил ее за хвост. Какая же она здоровенная! Но теперь это вызвало лишь досаду. Если бы мы, радуясь такому улову, не прыгали до небес, льдина, возможно, не обломилась бы. И сейчас мы сидели бы дома, пили горячий чай...

Мы собрали рыбу, уложили в сумку. Что еще делать? Ждать, когда начнем тонуть?

— Асет!

— Да.

— Где мы сейчас, по-твоему?

Вытягивая шею, Асет стал осматриваться. Вудто мог что-нибудь разглядеть.

— Напротив аула Кабасин, наверное, — наконец сказал он. — Сколько мы уже плывем?

— Уже часа два, наверное.

— Тогда, может быть, с аулом Ашамайли поравнялись.

— Ты все говоришь: аул, аул... А где же огни?

— Так ты их и увидел! — начал сердиться Асет. — Где плывем? Внизу. Аулы в двух-трех километрах отсюда, на высоком берегу.

— Столько рыбацких аулов, а никто не ловит рыбу.

— В эту пору все рыбаки — на море.

Я примолк. Река куда течет? В море. Тревога вгрызлась в самое сердце. Нас уносит в море! Какой ужас! У реки хоть есть берега. А в море?

«Ты за смертью сюда приехал, Сагындык, — вдруг подумал я. — В море найдешь свою смерть».

Я с легкостью представил себе, как это будет: бескрайняя водная гладь (почти океан)... И на каждом шагу — предательские айсберги... А наша льдина такая маленькая и незащищенная... Тупой, не очень даже сильный удар — и я иду ко дну. А тут, откуда ни возьмишь, акула с разинутой пастью!

Столько раз описывал я все это в рассказах... И вот — впервые сам испугался своих фантазий.

— Асет!

— Да.

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем.

— Асет!

— Да.

— А в Аральском море айсберги бывают?

— Нет... Северный Ледовитый океан, что ли?

— А акулы?

— Чудак!

Я с облегчением вздохнул.

— Асет, ты не молчи. Говори о чем-нибудь.

— О чем?

— Ну, что видел, знаешь...

Асет шевельнулся, повернул ко мне лицо. Оживился.

— В ауле Ашамайли как-то заболел рыбак, — начал рассказывать он. — Отец поехал к нему и взял меня с собой. Лето было, жарко... Пока отец занимался больным, я с местными ребятами пошел купаться. Против аула берега пологие, песчаные. И вот бежим мы к реке и видим: в двух-трех метрах от воды лежит на песке автомобильный баллон! Забыл кто-то? Или река выбросила? Вот удача! Мы — к баллону, а он вдруг зашевелился, поднялся на ребро и покатился, удирая от нас, в воду.

— Да брось ты...

— Дальше слушай! Мы подлетаем к воде, а то, что мы приняли за баллон, лениво повилывая хвостом, уплывает. Сом это был! Резвился на волнах у берега и выпрыгнул на песок. Полежал, собрался с силами, ухватил зубами свой хвост и покатился.

— Ты прямо барон Мюнхаузен!

— Кто, кто?

Я объяснил. Асет обиделся.

— Я же это своими глазами видел! Отец, тот поверил мне... Сказал: сом боролся за жизнь. Не сделай он невозможного, умер бы на берегу или угодил кому-нибудь на обед.

Правда это или неправда, но сом молодец, подумал я. Так и надо: бороться до последнего!

Мне даже теплее стало от этой мысли. Или вправду потеплело. Я пощупал клапаны ушанки: они влажные! А совсем недавно были в инее. Теплый ветерок дохнул в лицо. По временам, будто в тумане, начинали мерцать огоньки.

За жизнь нужно бороться, согласен. Но как? Что могли мы сделать? Наши крики о помощи глотает вода. Да и кричать громко боязно: малейшее усилие раскачивает льдину — наш ненадежный оплот. Только бы не столкнуться с другой льдиной! От первого же удара наша льдина расколется: ведь посередине у нее прорубь.

Не успел я подумать об этом, как льдина начала сильно раскачиваться. Из проруби с бульканьем полилась вода. Асет схватился за край проруби, я — за Асета. Но вот льдина выровнялась. Мы перевели дыхание и стали осматриваться. Темно, не видно ни берега, ни льдин, с шорохом плывущих где-то рядом. Но огоньков, кажется, прибавилось! Только странно тусклые они. Туман кругом или пар, не разберешь. Сказать, туман — он теплый. Сказать, пар — откуда ему взяться на реке?

Вдруг загудело — протяжно. Не веря в такое счастье, я прислушался. Похоже на пароход...

— Пароход гудит! — оживился Асет.

Не сговариваясь, мы закричали:

— На помо-ощь! Помоги-и-те!..

Замерев, ловили ответные звуки. Ничего... Только, удаляясь, постепенно стих гудок. И все-таки у нас не было сомнений — это пароход. Вот, даже стук мотора можно слышать. А самого не видно, потому что туман.

Льдина наша приостановилась и начала кружиться на одном месте. Водоворот?! Нет, льдина покружилась и потихоньку поплыла дальше.

— Что же нам делать? — вырвалось у меня.

— А что делают потерпевшие крушение?

— Голодают они! — рассердился я (и почувствовал, что зверски хочу есть). — Ремни жуют или вот — сапоги.

— Сначала мы рыбу съедим, — Асет похлопал по сумке, висевшей у него на плече, — а потом, возможно, и сапоги.

Он даже не улыбнулся при этом. Я невольно подтянул ноги, словно Асет и в самом деле собирался приняться за мои сапоги.

По временам откуда-то налетал ласковый ветерок. Небольшие волны хлюпали, ударяясь о нашу льдину, не причиняя ей вреда. Мы радовались и этому: плыть стало спокойнее, и мы не так мерзли. Вдруг мы почувствовали довольно сильный толчок. Не удержавшись, оба соскользнули на край льдины и уперлись ногами во что-то мягкое и упругое. Льдина под нашей тяжестью перекосилась, и мы оказались по пояс в воде. А перед нами — камыш, мелкий кустарник. Земля!

Мы вскочили на ноги и, цепляясь за камыш, выбрались наверх. Оглянулись: наша льдина, как совок мусор, выбросила нас на берег и исчезла в темноте.

Прощай, ледяной плот! Спасибо, что доставил нас сюда, на землю!

НА ОСТРОВЕ САГАСЕ

Мы не знали, в какую сторону идти. Только бы поскорее добраться к людям!

Пошли наугад. Асет впереди, я — свади. Странно: снега тут не было. Шуршал камыш, цеплялся сучками кустарник.

Места неизвестные, темнота... В сердце у меня, что скрывать, опять шевельнулся страх. Мало ли опасностей могло поджидать нас здесь?

Асет вдруг резко остановился. От неожиданности я налетел на него. И все дрогнуло во мне. Он увидел... что-то страшное?

— Вода тут, — сказал Асет.

— Какая вода? — глупо спросил я.

— Вода как вода, — хмуро ответил Асет. — Наверное, надо взять левее.

Я послушно двинулся за ним. Сделав шагов пятнадцать, Асет опять остановился: и тут была вода...

Мы вернулись назад, пошли вправо. Но и там тоже путь нам преградила вода.

— Хватит блуждать. Остановка! — сказал Асет. — Мы попали на маленький остров.

Мы выбрались на возвышенную часть островка. Здесь было суше. Присели. Земля под нами сырая, колодная, одежда намокла. Ничего не видно, слышно только, что где-то совсем рядом плещется вода. Да время от времени доносится близкий крик какой-то птицы: «Кыик!» И опять: «Кыик!» Болотом пахнет, гниющим камышом, травой.

И все же это лучше, чем опасная льдина. Суша, твердая, земная. Пусть самый маленький ее кусочек. Насколько здесь теплее, чем на льдине. И тигра можно не опасаться: что ему делать на таком пятачке?

На душе у меня стало спокойнее. Но зато сильно захотелось есть. Вот, подумал об этом, и уже ни о чем другом не думалось. Чтобы отвлечь себя от мыслей о еде, я заговорил с Асетом.

— Как думаешь, этот остров больше острова Робинзона?

— Откуда мне знать...

— Давай дадим ему название! Остров Асета... Хорошо звучит?

— Нет, не подойдет. Ты — гость, значит и называть надо твоим именем.

— Тогда давай назовем — остров Асета и Сагындыка.

— Не пойдет. Покороче надо. И покрасивее.

Мы оба задумались.

— А если дать имена в сокращении? — предложил Асет. — От твоего имени возьмем «Саг», от моего — «Асе»... Ничего?..

— Остров Сагасе... — произнес я. — Здорово! Будто по-французски.

— Рыбаки острова Сагасе... Видал, как получается, — обрадовался Асет. Он повторил это еще раз, будто только теперь понял истинный смысл слова «рыбаки»...

— А почему бы нам не поджарить рыбу? — будто про себя спросил он. И сглотнул.

Ух, как же мне захотелось рыбки! Поджаренной мамой на хлопковом масле... Даже вкус ее появился у меня во рту.

Я сунул руку в карман:

— Спички! Вот они, не отсырели.

— Доставай нож, — распорядился Асет. — А я соберу топлива.

И мы занялись делом. Я развязал рюкзак, достал китайский фонарик с висящей на проводках лампочкой. Нажал кнопку: загорелся крошечный огонек. Глядь, а Асет тащит охапку камыша и хвороста. Вооружившись фонариком, отправился за топливом и я. Собрал порядочно, только все оно было сырое. Асет уже сложил костер: сперва шалашиком камыш, сверху хворост и ветки. Но спички в его руках гасли — одна за другой.

— Сейчас бы растопки! — обернулся Асет. — Была бы бумага...

Я нащупал в кармане блокнот со своими стихами, вырвал несколько листочков.

Вспыхнула спичка, загорелась бумага. Язычки пламени стали лизать лучины из удилица. Понемногу, сильно дымя и потрескивая, загорелся камыш. А там занялись толстые ветки. Вот уже и теплом потянуло. И ночь — холодная, чужая — как-то смягчилась.

— Правду говорят: если найдется растопка, и снег загорится, — Асет засмеялся, довольный.

Лицо его было в копоти, глаза слезились от дыма. Взяв у меня перочинный нож, он принялся при свете костра чистить рыбу.

— В угли закопаем? Тогда можно и не чистить.

В голосе моем прозвучало голодное нетерпение.

Но Асет хранил таинственное молчание. Вычистил две рыбины, спустился к воде, сполоснул. Положил на траву, а сам, прихватив нож, опять исчез в темноте. И тут же вернулся — с двумя прутами.

Я смотрел, как он ловко счищает с них кожицу. Наконец, придирчиво оглядев скользкие, бледнотелые прутья, он нанизал на каждый по рыбине. Один прут вручил мне:

— Держи над огнем.

Мы стали жарить рыбу, как шашлыки, время от времени поворачивая ее то одним, то другим боком. Незаметно я отвлекся: держу рыбу над огнем, а сам думаю о маме. Добрая моя, ласковая... Радуетя, наверное: «Солнышко мое отдыхает, резвится с ребятами». А сын ее сидит голодный и холодный на острове Сагасе... У меня заципало в носу. Нет, лучше не надо о маме. Лучше буду думать, что там поделывают без

меня Махфуза, Урунбай, Самад-хитрец. Даже о нем я вспоминаю сейчас с нежностью. Никогда больше не назову его «хитрецом», Самадбаем звать буду.

— Горит! Поворачивай! — вскричал Асет.

Рыба моя, подгорая, дымилась. С нее, шипя, капал жир, вспыхивал в костре. Я торопливо повернул ее другой стороной.

— Ладно, можно есть, — сказал Асет. — В желудке доварится.

И он принялся есть рыбу с прута, как шашлык. Глядя на него, я тоже попробовал. Хоть бы какой вкус! Несоленая, да еще отдает чем-то. Горечью прута, что ли?

Заметив, что я скривился, Асет усмехнулся:

— Ешь...

Кое-как заморив червячка, я прилег у огня, положив под голову рюкзак. Меня неодолимо потянуло в сон.

— Поспи немного, — сказал Асет и подбросил в костер веток. — А я посижу пока. Если вместе заснем, огонь может потухнуть.

Я вытянул к огню ноги и закрыл глаза. Меня немного мутило...

Через некоторое время я в испуге открыл глаза: мне показалось, что мы снова плывем на льдине. Теперь я почувствовал: и правда, плывем, и у меня от этого все сильнее кружится голова.

Я вскочил, меня стошнило.

— Что такое? — удивился Асет. — Рыба не по нутру пришлась?

— Нет, не рыба. — Я ткнул пальцем вниз. — Земля под нами качается. О-ох!..

Теперь и Асет почувствовал: остров под нами чуть колыхался.

— Кажется, мы попали на плавучий остров... — голос у Асета дрогнул.

У меня сильно забило сердце. Мне приходилось читать о плавучих островах. Но ведь они бывают только в море!

— Плавучий остров на реке? — возразил я не очень уверенно.

Асет стал осторожно осматриваться, будто хотел и боялся увидеть что-то новое.

— А если мы уже в море? — сказал он.

— Нет!

Даже мысли такой я не мог допустить!

— Идем-ка, — сказал Асет. — Сейчас мы все узнаем.

Он привел меня к воде.

— Хлебни-ка!

Вслед за Асетом я зачерпнул воды в ладонь и отхлебнул из пригоршни. И тотчас выплюнул!

— Горькая!..

Море! Аральское... Я вспомнил из учебника географии: вода в Аральском море очень соленая, из нее даже соль добывают. Так вот куда нас успело отнести...

Мы молча вернулись к костру. И опять сидели, подкидывая в костер по веточке. Они потрескивают, чадят, и в ночное небо уходит хвост черного дыма.

А внизу пляшет огонь, то удлиняя, то укорачивая наши тени. Я пытаюсь разговорить своего молчаливого друга.

— Асет?

— Да.

— Вот если бы попали на остров Барса Кельмас...

— Ого, куда хватил! — ухмыльнулся Асет. — Он же в середине Аральского моря.

— Жили бы, как Робинзон, приручили сайгаков...

— А ты откуда знаешь про сайгаков?

— Видел по телевизору. Охоту на волков показывали — прямо с вертолетов отстреливали.

— Там, на вертолете, как раз был отец Байтемира, — сказал Асет. — Он ветеринарный врач и часто летает на остров. Сколько сайгаков перерезали волки на острове — ужас! Вот их и отстреливают.

Огонь доедал последние ветки. Мы снова пошли собирать топливо. Возвращаясь с охапкой веток, я споткнулся о какой-то корень и упал прямо в грязь. О, черт...

И тут услышал: на другом конце островка кличет Асет:

— Сагындык! Самолет!..

Не разбирая дороги, с двух разных концов островка мы помчались к костру. Теперь и я расслышал: самолет! Судя по звуку, он все ближе, почти над нами!

Вон его красная лампочка, она то потухнет, то опять вспыхнет.

Мы стали звать на помощь. Я выхватил из костра ветку и размахивал ею в воздухе.

А самолет гудел уже над самой головой. Нет, грохотал! По звуку, похоже, вертолет. Конечно, он, вот я вижу огромный силуэт летящей стрекозы.

Нужен большой огонь! Я лихорадочно хватаю ветки, сую и сую их в костер, пока он не захлебывается собственным дымом.

Вертолет пролетел мимо, вернулся. Мы опять закричали, но он мигнул красными лампочками и начал удаляться.

— Не заметил! — вырвалось у меня.

— Нет, заметил, — уверенно сказал Асет.

— Тогда почему не сбросил веревочную лестницу?

А ночь все тянулась. Мы больше не ложились, сидели у костра и механически подбрасывали ветки в огонь. Молчали. О чем было говорить? О том, что нас обманула последняя надежда? «Скоро рассвет, — успокаивал я себя. — Днем нас кто-нибудь увидит. А если не увидит? (это шептал мне другой внутренний голос). Если в море поднимется шторм? Тогда волны с рычанием накроют наш крошечный остров»...

Асет наверняка думает о том же. Но молчит, слова плохого мне не скажет. А ведь это из-за меня он попал в такую беду. А тетушка Айгуль? Она ведь уже приехала. Как же заметалась, наверное, заплакала, не найдя дома сыночка! И тут — первый раз я подумал о родителях Асета. Мои-то еще ничего не знают. А что сейчас переживает дядя Джапак?! Тоже, наверное, не спит, как и мы...

И во всем виноват я. Один!

Я взглянул на Асета: почему он вслух не упрекает меня? Но он молчит, хмуро смотрит на тлеющие угли.

И тут я увидел непонятное: костер наш угасал, а лицо Асета все больше светлело. Будто прояснялось от туч. Я удивленно уставился на него.

— Слышишь? — губы Асета расплылись в неудержимой улыбке.

Тут и до моих ушей донесся далекий рокочущий звук. Я вскочил, вглядываясь в черное небо.

— Катер это! Катер сюда идет! — крикнул Асет.

Звук и правда шел к нам низом, по воде. И становился все громче. Я увидел: кусты и ветки вокруг стали расти, тянуться куда-то, вот — кинулись вбок,

исчезли. Меня ослепило прожектором. Освещая водную рябь и остров, к нам приближался катер.

Мы с Асетом стояли рядом в белом вспыхивающем свете прожектора. В поднятой катером волне наш остров заметно колыхался.

И тут я совсем раскис. До ушей моих, как во сне, донеслись голоса. С катера на островок сошли люди. А дальше... Дальше, я ничего не помню. Когда я снова открыл глаза, то увидел, что я на катере. Дядя Джапак поддерживал мне голову. Рядом с ним, потупившись, стоял Асет. Живой и невредимый!

Я не выдержал. Столько испытал страху и ни разу слезы не проронил. А тут ткнулся головой в грудь дяде Джапаку и залился слезами, как девчонка.

...Катер мчался к берегу, оставляя позади все наши тревоги и страхи. Оставляя где-то посреди моря наш маленький остров Сагасе. Я хоть и плакал, но в душе успел попрощаться с ним с благодарностью.

И НАКОНЕЦ

Два часа дня. Мы летим на вертолете к аулу Асета.

Грохочет мотор. Летчики в кабине заняты своим делом. А я припал к окошку. Внизу все покрыто снегом, но кое-что можно разглядеть. Вон, извиваясь, течет река. А дальше еще одна. Какая же это? Карадарья или Кипчакдарья? А еще ведь есть Куньядарья, как объяснил мне Асет. Где же она? Почему-то теперь мне очень важно знать это.

Вертолет, на котором мы летим, тот самый, что кружил над островом Сагасе. Как же пилот узнал, где искать нас, спросите вы? А помните Сеита? Мы обманули его, уходя на рыбалку. Сеит поверил нам... Захватил удочки, санки и отправился к Круглому озеру. Там никого, конечно же, не было. Следы «скавали» ему, где нас искать. Но когда Сеит вышел на берег реки, увидел, что нас уносит на льдине. Он кричал нам об опасности, мы же — помните! — по глупости решили, что он торчит на берегу из зависти.

А Сеит прибежал в аул и поднял всех на ноги. Из правления колхоза дали знать в Муйнак. Дядя Джапак поехал туда на машине, чтобы организовать

поиски. На помощь, как всегда в таких случаях, пришли вертолетчики. На своей стрекозе они облетели берега Акдарьи, осмотрели устье. Но обнаружили нас уже в море. Если б не костер, пожалуй, и не нашли: наш островок был затянута туманом. Вертолетчики радировали на рыбацкий катер, где мы находимся. А дальнейшее вам известно: катер подошел к острову и забрал нас на борт.

Но одного вы еще не знаете: на этом катере вышла в ночную ловлю бригада Калли-ата. Так что первый, кого я увидел на катере, придя в себя, был именно он, дедушка Калли...

В Муйнаке, в больнице, дядя Джапак взялся за нас по-настоящему: растер все тело спиртом, и уже в постели напоил горячим чаем и дал горькое лекарство. Вы, может, думаете, что он жалел нас? Нет, пробрал! И здорово! А утром, когда усаживал в вертолет, пообещал, что еще поговорит с нами. Дома. (Сам он остался в Муйнаке — задерживали дела).

...До посадки было еще далеко, а мы уже видели разбросанные в беспорядке домики аула, белую школу.

Снижались у того самого холма, на котором Асет и его друзья устроили малышам горку для катанья. Нас будто заарканил кто-то и подтягивал понемногу вниз. Земля приблизилась, лопасти взвихрили снег, словно внизу бушевал буран.

Сели. Я смотрел в окошко: «буран» оседал на глазах, на снегу мелькали легкие тени от лопастей винта. Вот они задвигались медленнее, тяжелыми полосами, — тише, тише... Остановились.

Первым на землю прыгнул Асет, я, как всегда теперь, шел следом. Нас тотчас окружили ребята, смотрели молча, широко раскрыв глаза. Тетушка Айгуль, причитая и плача, прижала к груди Асета, потом меня. Я боялся, что она начнет бранить нас, но она не бранила. Только смеялась и плакала одновременно.

Мы простились с нашими спасителями. Летчики поднялись в вертолет. Мотор зарокотал, пошли вертеться лопасти, вот — снова погнало поземку. На какое-то время вертолет завис над землей, потом стал подниматься. Скосив в сторону хвост, он повернул обратно, в Муйнак. А мы остались внизу, окруженные толпой ребят и взрослых.

По дороге домой ребята засыпали нас вопросами.
— Где вас нашли?
— Как же выплыли?
— Очень мерзли на льдине?
— Не боялись?
— Потом, потом поговорите, — остановила их тетушка Айгуль. — Дайте им отдохнуть немного.

...В доме тепло. Все собрались вокруг дастархана. Мы пьем горячий чай, то и дело дуя в пиалы. Тихая сестренка Асета прижалась к стене и улыбается молча. Словно впервые увидела нас. А бабушка твердит одно и то же:

— Вай, верблюжата мои, вай-вай!..

А у самой слезы на глазах.

В комнату все время входят соседи. Похоже, весь аул уже знает, как мы очутились в море. Взрослые говорят с нами осторожно, словно боятся: побранишь их, а они возьмут и опять уплывут.

Меня беспокоит фотоаппарат. Вдруг он подмок? Тогда и пленка попортилась. А какие снимки были сделаны... Едва встали из-за дастархана, я открыл рюкзак. Вот счастье: аппарат лежит с самого верха. Я все-таки вынул его из футляра — нет, вода сюда не попала. Я перемотал пленку и снова зарядил аппарат.

Занятый своими делами, я не заметил, когда Асет успел отдать тетушке Айгуль нашу рыбу, когда извлек припрятанную в сене дичь. Но в доме уже кипела работа: у тетушки Айгуль сразу нашлись помощники. Один воды несет, другой рыбу чистит, третий ощипывает фазана, Байтемир разделяет зайца.

Я сфотографировал Байтемира, потом Сафаргуль и Сеита — за чисткой рыбы. Щелкнул и Асета — как он стоит посреди этой суеты в самодовольной позе.

Все говорило о том, что вечером состоится угощение, обусловленное в снежном письме. И хорошо, что взрослые занялись готовкой. Иначе, сами знаете, стали бы нудно воспитывать: «Мы в вашем возрасте были совсем другие». А может, нашелся среди них кто-то догадливый и предупредил остальных, что мы сами уже все поняли.

Кого мы побаивались с Асетом, так это Калли-ата. Он обещал приехать на угощение вместе с дядей Джа-

паком. Если и он нам не устроит головоломки, значит, все обошлось благополучно.

... На кухне шкворчит и шипит. Аппетитные запахи щекочут ноздри. А я вспоминаю, как мы жарили рыбу на острове Сагасе... Теперь все это представляется немного смешным.

... Близится вечер. Устраиваясь на ночь на карагаче, скандалят воробьи. Дует ласковый ветерок. Снег сразу потерял белизну, с крыши закапало: «чип-чип-чип».

Давно ли мы прилетели? Была еще зима. Но вот подул этот мягкий ветер, и дохнуло близкой весной. Во дворе, который мы вчера расчищали от снега, теперь жирно темнеет земля. Шагнешь и ногу не вытащишь.

Но вот в конце улицы показались дядя Джапак и Калли-ата. А с ними кто-то третий. Я как будто видел его, но где?..

Все поздоровались. Взрослые ласково улыбнулись нам, шутили. Кажется, никто не собирался нас ругать. Мы пригласили пришедших в дом. Он празднично сиял в ожидании гостей. Это Сафаргуль прибрала комнаты, расстелила дастархан.

Все расселись, как положено, усадив на почетное место старших. И тут я узнала второго гостя: завуч это, Каипназаров. Это он объявлял в школе, что Калли-ата не сможет быть на собрании. (Показалось, что все это было давным-давно!):

Я решил сфотографировать всех за дастарханом. Принес фотоаппарат и стал делать наводку.

— Ого! — сказал Калли-ата. — Этот рыжий паренек может нас снять?

— Подождите, — улыбнулся дядя Джапак. — Этот паренек не только вашу карточку, вас самого намерен увезти!

— Зачем ему понадобился такой старик? — искренне удивился Калли-ата.

— Кроме шуток, отец. Он приехал, чтобы просить вас стать почетным членом их пионерского отряда, — пояснил дядя Джапак.

— Меня?! Нет, нет. Членом отряда таких озорников я не стану, — покачал головой Калли-ата.

У меня чуть не выпал из рук фотоаппарат. Все рассмеялись. А Калли-ата ласково кивнул мне:

— Я согласен, мой мальчик. Если не в таком геройском, тогда в каком же отряде и состоять мне?

Я просиял. И спасибо Асету: он вовремя вспомнил и принес шелковый галстук, приготовленный для Калли-ата.

Я неловко завязывал его на груди рыбака, а сам удивлялся: все произошло так просто, среди веселья и шуток, без всяких торжественных речей.

Повязав галстук, я только и сказал:

— Спасибо, дедушка!

А он ответил:

— И тебе спасибо, сынок.

Завуч засмеялся:

— Вот вы и попались, отец. Теперь в Торткуль придется ехать.

— Что ж такого? Надо будет, и поеду, — серьезно ответил Калли-ата. — Ну, сынок, теперь, когда я стал членом вашего отряда, объясни, что я должен делать?

— Ничего, — сказал я. Но тут же поправился: — Это мы будем изучать вашу жизнь, равняться на нее, чтобы стать достойными вас. А если и правда найдется время и вы приедете, мы будем очень, очень рады.

— Конечно, приеду. Полечу в Нукус и заверну в Торткуль. Расскажу вам о рыбаках, о прежней их жизни, о том, как они трудятся теперь. И о себе, конечно, расскажу — все, что вам будет интересно. А пока передай от меня товарищам салям и большое спасибо.

— Хвала вам, отец! — растроганно воскликнул завуч.

Асет сунул мне в руки аппарат и шепнул:

— Я сфотографировал вас, когда ты повязывал ему галстук. Должен получиться замечательный снимок!

Внесли угощение: блюда с рыбой, мясом фазана и зайца.

— Да, кстати, кто придумал эту шутку со снежным письмом? — спросил Каипназаров.

Ребята, как по команде, посмотрели в мою сторону. Я виновато потупился. А завуч сказал, повернувшись к Калли-ата и дяде Джапаку:

— Хорошая игра. За один-два дня в ауле переделана куча дел: подметены места, какие в жизни не подметались, порублены на дрова пни, что валялись, мешая всем, вычищены хлевы.

— Добрая игра, — кивнул Калли-ата. — У нас, каракалпаков, нет такой. А у узбеков она издавна. Только, если не ошибаюсь, письма писались, когда выпадал первый снег. Или не так?

— Правда, — сказал я. — Но... мы по-своему переиначили игру. Пишем каждый раз, как выпадает снег.

После этого разговор стих: все занялись едой. В какой-то момент я оглянулся, а все смотрят на нас с Асетом и улыбаются. Оказывается, мы оба так навалились на еду, что забыли о своей роли хозяев. Я смутился. А завуч и вовсе заставил меня покраснеть.

— Вы для себя только готовили угощение или и нас имели в виду? — лукаво спросил он.

— Вас устанешь приглашать, — пришел нам на выручку дядя Джапак.

— Так раньше угощение было из вашей добычи, Джапакбай. А это из того, что добыли они сами, — степенно сказал Калли-ата и взял с блюда кусок фазаньего мяса. Держа в руке фазанью ножку, он добавил: — А пища, добытая своим трудом, всегда слаще.

Я чуть не подавился. Рядом, чувствую, весь напрягся Асет. Но Калли-ата, видно, не забыл о нашем уговоре. Как ни в чем не бывало, он принялся есть. И вдруг, откусив своими крепкими зубами мясо, поморщился, перестал жевать.

— Что это, перец? Или дробь?

И выплюнул на ладонь черную горошину. Внимательно рассмотрев ее на ладони старика, завуч подтвердил: да, дробь.

— Это вчерашний фазан? — удивился Калли-ата.

Мы с Асетом посмотрели на него с испугом. Но Калли-ата вовремя спохватился и, подмигнув нам, исправил свою промашку:

— Кто же из вас так метко подстрелил птицу?

Я кивнул на Асета.

— Хорошего петуха добыл ты, сынок, — сказал Калли-ата с лукавой улыбкой.

Вот, пожалуй, и вся история... А что было потом, спросите вы?

Потом я вернулся домой, потому что каникулы уже кончались. Как всегда весной, они пролетели слишком быстро...

Помните, я обещал отцу, что исправлю двойку по географии. Так вот, это оказалось совсем нетрудно.

Странно, но мне стало вдруг интересно читать учебник. Перед глазами оживали разные картины... А многие подробности я мог бы добавить и сам.

Словом, Курбан-ака был очень доволен моим ответом.

В комнате, над столом, у меня теперь новые «портреты»: круглым глазом смотрит зайчишка, самый обыкновенный из тех, которые водятся в наших местах; во всем великолепии своего оперения рядом с ним красуется петух-фазан, а гордый сокол бьет на лету добычу...

Наша фотогазета имела такой успех, что ее решено было повесить в зале. А в Муйнакском районе у нее появился двойник: точно такие же снимки я послал Асету.

С недавних пор отряд наш соревнуется с отрядом Асета. И условия, пожалуй, нисколько не легче, чем были тогда, в снежном письме: ни одного двоечника к концу года, а летом — трехдневный поход по родному краю. В том числе один день — путешествие на лодках по Аму (и конкурс на лучшего рыбака).

Калли-ата пока не смог к нам приехать... Много работы: этой весной у его бригады самые высокие среди рыбаков области обязательства. Но как идут дела, нам известно: мы переписываемся. Теперь у нас есть незаменимый старший друг, которому можно рассказать обо всех трудностях и заботах. И, конечно, поделиться всеми своими радостями.

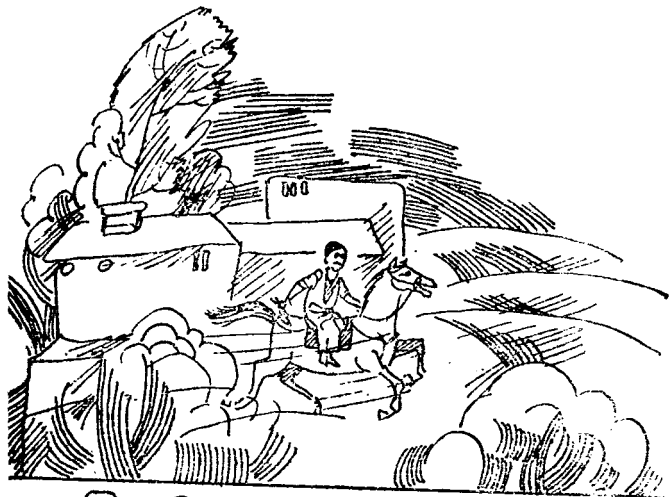
А как же насчет того, чтобы мне стать писателем, спросите вы?

Пока не думаю бросать это дело... Вот, недавно записал, все то, что случилось на каникулах. Честно сказать — нелегко пришлось: мне хотелось ни в чем не отклониться от правды. А это оказалось куда труднее, чем пускаться в самые смелые фантазии...

Зато теперь могу сказать: все, что описано, я видел собственными глазами. И пережил тоже сам...

А все равно никак не решу: посылать или нет написанное в журнал?

Как посоветуете мне вы, дорогие друзья?..

Рассказы

ПЕРВЫЙ ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Раньше кишлак, где живет Абдулхай, именовался «Чаман», хотя цветы росли только в байском саду. Но прошли годы. Победила революция. Люди избавились от частых налетов басмачей. И, словно соскучившись по земле, с утроенной силой вернулись к мирному труду. Стали строить новую жизнь. А кишлак свой, преобразованный отныне в колхоз, стали называть «Байналминал» — «Интернационал».

... Было раннее утро. На небе — ни облачка. Опыняющий ветерок поздней весны играл листвою, колыхал травы, растущие обочь дорог и арыков. Отовсюду раздавалось многоголосое пение птиц, бляенье овец, собиравшихся в стадо.

Женщины, юноши и девушки, забросив на плечи кетмени и весело переговариваясь, шли на поле. Стояла горячая пора окучки хлопчатника.

И безоблачное утро, и щебет птиц, и перекличка людей навевали бодрость. Довольный вчерашним, Абдулхай топал по пыльной дороге в школу. На плече его болталась школьная сумка, сшитая матерью из куска холста. Под мышкой он нес тяжелый лемех плуга.

Но Абдулхай, казалось, совсем не ощущал этой тяжести. Он радовался весне, солнцу. Тому, что сумел выполнить поручение учителя.

Придя на школьный двор, Абдулхай опустил лемех, осторожно прислонив его к стене. И тут невдалеке увидел шест.

«Вот тебе на! Значит, Разык опередил меня... — подумал Абдулхай. — Но все равно главное сделал я».

Прошло уже четыре года со времени открытия новой кишлачной школы. Но, к сожалению, до сих пор в школе не было своего звонка. И вот вчера учитель Саттар-ака, вызвав к себе Абдулхай и Разыка, свой «актив», попросил их раздобыть кусок железа и крепкий шест.

Ребята тут же поделили обязанности: Абдулхай должен был достать железо, а Разык — шест. На том они и разошлись по домам...

Заглянув в пустой класс — было еще рано — Абдулхай увидел улыбающегося Разыка. Он улыбнулся в ответ, показал осыпанные ржавчиной и пылью ладони и сразу же заговорил о деле:

— Ну что? Начнем устанавливать?

— А может, подождем учителя... — нерешительно произнес Разык.

— Зачем ждать? Что мы без него не справимся?

— Ладно, тогда идем!

Ребята дружно взялись за дело. Выкопали узкую глубокую ямку во дворе, установили шест, присыпали землей, утоптали и повесили на шест туго связанный проволокой лемех.

— Теперь и у нас есть свой звонок! — улыбнулся Абдулхай, и ребята, довольные, вернулись обратно в класс, который к этому времени стал заполняться школьниками.

Они шумели, перебрасывались шутками, смеялись. Начинался обычный школьный день. Вот дверь легко распахнулась и в класс вошел учитель. В руках у него были классный журнал и указка.

Саттар-ака любили в кишлаке все — и дети, и взрослые. Умел он на любой вопрос ответить, добрым словом поддержать в беде, дать дельный совет, а главное, в любом хорошем деле сам был всегда первым. Тут уж самые-рассамые озорники прислушивались к его слову, самые нерадивые старались усердно учиться.

Саттар-ака положил журнал и указательную палку на стол, внимательно оглядел класс и только тогда четко произнес: «Салам!» Ребята не менее четко и дружно ответили: «Салам!» — «Здравствуйте».

— Садитесь, — сказал учитель.

«Вот сейчас он сделает переключку, — думал Абдулхай, — а потом поблагодарит нас с Разыком. Вот

ребята удивятся!.. Скажут, надо же: теперь у нас свой звонок!»

И он, предвкушая заслуженную похвалу, посмотрел на Разыка, сидевшего неподалеку. Тот, кажется, судя по веселому огоньку в глазах, думал о том же...

Но сегодня учитель почему-то не стал делать переключку. Еще раз внимательно посмотрев на учеников, тихо спросил:

— Кто сегодня дежурный?

— Я, — прозвучал звонкий голос Халдарой, она вскочила с места, готовно тряхнув множеством кошечек.

— Кого нет?

— Кроме Мурада, учитель, присутствуют все. Может, еще придет... — сказала Халдарой, краснея, точно она сама была виновата, что Мурад не явился в школу.

— Садись, — сказал учитель, махнув рукой.

Он почему-то был мрачен. Таким ребята видели его редко.

— Мурада сегодня не будет, — произнес он.

И всем показалось, что голос его дрогнул.

«Нет, с нашим учителем что-то произошло... Какая-то неприятность...», — подумал Абдулхай. И все ребята подумали о том же. Они в молчании уставились на учителя, ожидая, что тот сообщит что-то важное.

Увидев задумчиво-сосредоточенные лица своих учеников, Саттар-ака наконец глубоко вздохнул и, отвернувшись в сторону окна, пояснил:

— Отец у Мурада... Вчера кто-то его тяжело ранил...

От такой «новости» сделалось жутко. По классу пронесся тревожный шепот:

— Как?

— Кто?

— Где?

— За что?

— Вай-й-й...

И снова:

— Кто же, кто?..

— Это, к сожалению, пока неизвестно, — коротко ответил учитель.

Не мог же он поведать детям об изуродованном лице Сарымсака-ака, о запятнанных кровью мешках.

валявшихся на бричке, о порожней бутылке из-под водки, оказавшейся в одном из мешков. Он также умолчал о Мирвали-ака, конюхе, который все это сообщил в сельсовет, о человеке, немедленно отправленном в районный центр за милицией.

Но в глазах ребят немым укором застыл один тот же тревожный вопрос: «А за что?»

И здесь учитель Саттар никак не мог промолчать.

— Сарымсак-ака вез четыреста килограммов зерна из города в колхоз, — сказал учитель, тяжело вздохнув. — Конечно, это все дело вражьих рук... Я верю, их отыщут, воздадут по справедливости.

И Саттар-ака безмолвным жестом дал понять ученикам, что разговор на эту тему исчерпан. Он вынул из картонной коробки на подоконнике мел и привычно сказал:

— А теперь, дети, начнем наше занятие...

Саттар-ака писал невероятно красиво и быстро. И все ученики завидовали его певучему почерку. Но не только изяществу письма учителя старались подражать ребята. Они хотели быть похожими на него во всем: в умении вести беседу, просто и аккуратно одеваться, любое движение принимали за образец.

Вот учитель на чистой доске вывел латинскими буквами, которыми тогда, до введения славянского шрифта, писали и печатали книги в республике, дату: «1935 год, 17 мая» и провел под ней жирную черту.

Ух, как красиво!

Ученики, открыв тетради, принялись старательно записывать дату на новой странице.

Ребята не заметили, как пролетел урок родного языка, а следом за ним — географии. Но все равно настроение их было испорчено. Все думы учеников оставались обращенными к отцу Мурада, Сарымсаку-ака.

За что на него было покушение?

И кто те мерзавцы, укравшие колхозное зерно?

До горечи обидно. Пшеничные колосья в поле только пошли в рост, и до жатвы было еще далеко — больше двух месяцев. Что же ожидает жителей кишлака? Где взять теперь пшеницу на муку?

Совсем по-взрослому задумались ученики над этими нелегкими вопросами.

Последним был урок физкультуры. Он всегда проходил во дворе, на свежем воздухе, в веселье, в резвых играх и состязаниях. И теперь все высыпали во двор, но бегать и прыгать не хотелось даже самым шустрым.

— Мальчики, девочки, сюда! — позвал учитель. Все тут же окружили его. — Постройтесь в шеренгу. Мы продолжим вчерашнее упражнение с пионерской речёвкой.

Школьники быстро встали в строй. Саттар-ака, стоя лицом к шеренге, выпрямился, вскинул руку в пионерском приветствии:

— Раз, два, три,
Сила в пионери!..

Ребята громко повторяли эти и следующие слова. И если вчера у них не все ладилось, то теперь речёвка звучала торжественно, страстно и строго в такт маршировке на месте. Потом по знаку учителя все дружно запели:

Поле белого золота в наших руках,
Цветущие степи у нас на пути.
Чтобы обеспечить СССР хлопком,
Мы обгоняем быстрое время...¹

Долго шагали ребята по двору, и каждый чувствовал себя настоящим «кызил аскером» — красным бойцом, которому нипочем любой враг...

Наконец учитель вынул из нагрудного кармана большие часы с цепочкой. Вот сейчас он щелкнет крышкой и объявит, что уроки окончены. Все разойдутся, и окажется, что учитель попросту забыл о «звонке», не обратил внимания на поставленный шест и привязанный к нему лемех. И верно, до того ли теперь, после всего, что случилось? Но Абдулхай и Разык ошиблись. Учитель подошел к «звонку». Ребята — за ним. Глубокие карие глаза учителя излучали какой-то особый свет, он будто хотел сказать что-то очень важное, особенное.

— На этом занятия окончены. Звоните, — попросту сказал учитель и быстрыми шагами направился к небольшому школьному зданию.

¹ Популярный марш узбекских пионеров 30-х годов на слова поэта Сабира Абдуллы.

Ребята восторженно обступили «звонок». Разве можно было оставаться равнодушным к такому событию! Наступила какая-то разрядка. Откуда-то приволокли тяжеленную железяку и стали с неистовым азартом колотить по лемеху.

О, это был неповторимый звон! Чистый, высокий, радостно-веселый.

Каждому хотелось ударить хоть разочек. Звон не умолкал. И только Абдулхай стоял в стороне, словно чужой, словно по поговорке: «Ишак не посадил хояина даже себе на хвост»...

— Абдулхай, ты где? — подбежал Разык.— А ну, возьми-ка! Ребята, это мы с ним соорудили!..

Абдулхай взял в руки железяку и, широко улыбаясь, дважды ударил по лемеху.

Но что это?

Словно десятки ос ужалили вдруг спину.

Абдулхай обернулся, и что-то опять со свистом обожгло его плечо.

Ребята с криком стали разбегаться кто куда.

Абдулхай, придя в себя, поднял голову и увидел над собой Расула-мойлова на лошади. Лошадь еле сдерживалась, а наездник, топорща огромные усы, за которые и получил прозвище, замахивался плетью-камчой для очередного удара...

И тут в голове Абдулхая мелькнула запоздалая догадка: «Ага! Узнал, кто утащил лемех — вот и взъярился».

Абдулхай застонал.

Услышав испуганные крики детей, учителя выбежал во двор и перехватил кнут Расула-мойлова:

— Прекратите сейчас же! Что вы делаете?

— Зачем он звонит прежде времени!

— Кончились уроки, поэтому и звонит...

— А-а! — злорадно тараща глаза, сказал Расул-мойлов. — Из-за этого негодника люди на целый час раньше оставили работу.

Вскоре причина внезапно возникшего конфликта выяснилась.

Точно такой же «звонок» висел неподалеку от правления колхоза под навесом сарая. Каждый день конюх Мирвали-ака бил по нему, созывая людей на обед. Вот сегодня колхозники и приняли звон со школьного двора за сигнал Мирвали-ака. Поэтому прежде времени кончили работу. Видя такое, табель-

щик Расул-мойлов взбесился и припустил лошадь к сараю, где должен был находиться конюх. Прискакал к месту, а там тишина. Слышно только, как мухи жужжат. И тут донесся звон со стороны школы...

Учителю и в голову не могло прийти, что может произойти такое.

Он извинился перед Расулом-мойловым и решительно добавил:

— Но не думайте, что если у вас кнут, значит, можно давать волю рукам, — сказал учитель. В голосе его послышалась угроза: — Старое время навсегда миновало...

Расул-мойлов, скрепя сердце, выслушал учителя, но ссориться не стал, хотя во всю мочь ударив лошадь по крупу, ускакал еще более разгневанный.

Учитель, поглядев табельщику вслед, подошел к Абдулхаю. Тот стоял в сторонке и утирал рукавом глаза.

— Ну, ну, — успокоил учитель и положил руку на плечо Абдулхаю. — Не к лицу джигиту слезы. Во всем происшедшем виноват я. Не огорчайся. Повесим «звонок» поменьше... — и, уже обращаясь ко всем, сказал: — А теперь ступайте домой...

Ребята, подавленные, отправились по домам, а учитель вернулся в класс проверять тетради.

Никогда еще так не было досадно и больно Абдулхаю, как сегодня. И не столько от кнута, сколько от обиды.

«Какой неблагодарный Расул-мойлов, — рассуждал Абдулхай, идя один по дороге. — Ну, пусть я провинился... Откуда мне было знать... А я еще водку им покупал...»

И в этот миг его вдруг осенило. Он даже вздрогнул. Неужели?.. И Абдулхай, не веря себе, стал со всеми подробностями припоминать вчерашний вечер.

...Приготовив уроки, Абдулхай вышел на улицу. Из-за верхушек высоких деревьев уже выглядывала луна. Нужно было достать обещанное учителю железо. Но где его взять? И тут Абдулхай вспомнил, что когда-то в саду у Расула-мойлова он видел заброшенный ржавый лемех.

«Все равно он не нужен табельщику. Валяется без дела, — решил Абдулхай. — Притащу-ка я его в школу».

И с такими легкими мыслями он отправился по тропинке к саду Расула-мойлова.

В сад Абдулхай проник через широкий развал в дувале, в который запросто могла втиснуться кокандская арба. И тут он услышал чей-то властный оклик:

— Эй, мальчик! Иди-ка сюда.

Абдулхай испуганно обернулся на голос. У арыка, протекавшего через сад, на клевернике сидели трое. У мальчика ёкнуло сердце. Но страх стал тут же понемногу проходить: это был сам Расул-мойлов, а рядом с ним его друг, горожанин, по прозвищу Курбан-даканг¹. Он часто гостил в кишлаке и всяк его здесь знал. Именно он, Курбан-даканг, подарил Расулу-мойлову патефон, единственный на весь кишлак.

А кто же тот, третий, с закрученными вверх усами, в тубетейке, обвязанной платком?..

Но сколько Абдулхай ни пытался разглядеть его, темень скрывала черты незнакомца.

Мальчик не спеша приблизился к взрослым.

— Ого, неужто это Абдулхай? — удивился Расул-мойлов. — Что ты тут делаешь?

— Вот... коза наша потерялась, — пролепетал Абдулхай первое, что взбрело в голову. И от ловко найденного ответа он почувствовал себя смелее.

— Послушай, малый, — Расул-мойлов широко заулыбался, — твоя коза никуда не денется. Ты явился в самый раз. Надо быстренько сбегать в одно место.

Он полез в карман, достал кошелек и зажег спичку. Абдулхай увидел деньги.

Расул-мойлов, отсчитав несколько бумажек, протянул их мальчику.

— Дуй к Джаббару, — напутствовал он, — и скажи этому торгашу, что Расул-ака просит беленького. Да, не забудь сказать, мол, намечается одно дельце... Мы в долгу не останемся. И он будет доволен. Хорошо? А теперь, марш! Чтобы одна нога тут, другая — там.

Ну, конечно же, ясно! Эти люди, разостлав на траве одеяла и разложив богатый дастархан — плов, лепешки, курагу — безмятежно предавались кутежу. Только по какому поводу, было неизвестно. Да Аб-

¹ Д а к а н г — драчун.

дулхай и не задумывался об этом. Он было уже собрался уходить, но тут здоровенный Курбан-даканг встал и преградил ему дорогу.

— Подожди, пионер, — сказал он не то ласково, не то насмешливо и, хмуро насупив брови, повернулся к Расулу-мойлову. — Будь ты неладен, скупердяй. Раз даешь на одну бутылку, давай и на вторую. Вдруг потом не хватит. А кто побежит в полночь во второй раз? — и, вытянув шею, посмотрел на сообщника с причудливо закрученными кверху усами, будто ища у того поддержки.

— Э, нету больше, — ответил Расул-мойлов недовольным тоном. — Все выскреб, пусто...

— Не будь таким бессовестным, — произнес тот, третий, тоже приподнимаясь с места, голос его звучал хрипло, грубо. — Ведь если у кое-кого похудеет хурджун, твой кошелек потолстеет. Хи-хи-хи...

Расул-мойлов снова порылся в кошельке и сунул деньги в руки Абдулхаю.

— Вот и отлично, — похвалил Курбан-даканг, трясясь всем телом от смеха. Да-а, все трое были уже изрядно пьяны... — А теперь, пионер, лети!

В действительности же Абдулхай не «полетел». Он сначала вытащил через провал в конце сада лемех, вынес его на дорогу. И только потом побежал к спекулянту Джаббару.

...А сейчас, возвращаясь из школы домой, Абдулхай еще и еще раз спрашивал себя, вспоминая вчерашний разговор: «Неужели нападение на Сарымсака-ака совершили колхозный табельщик Расул-мойлов и эти его дружки?! Неужели?!»

Уж очень ему не понравился тогда разговор трех пьяных взрослых.

В ушах до сих пор звенел неприятный голос незнакомого усача-человека в тюбетейке, обвязанной платком: «Если у кое-кого похудеет хурджун... Хи-хи-хи...»

Что он имел в виду? Уж не зерно ли?! Ведь зерно тоже возят в этих больших мешках из грубой шерсти. Недаром в округе шепчутся люди, что Курбан-даканг вместе с такими же, как он сам, занимается воровством. Может, и тот, в тюбетейке, с ними заодно? К тому же отец Расула-мойлова был раскулачен...

«Эх, как же я не вспомнил обо всем этом утром на уроке? — сетовал на себя Абдулхай. — Только

эти трое могли напасть на Сарымсака-ака. Больше некому... Кто же в такое время, когда досыта еще не хватает хлеба, распивает водку, ест плов? С какой бы стати им так кутить? Точно, они!»

Абдулхай резко остановился и с полдороги поспешил назад.

Когда совсем запыхавшийся, он прибежал в школу, Саттар-ака еще находился в классе.

— Учитель, я знаю, это они... они напали... Это они украли зерно!

— Кто «они»? О чем ты?

— Он... Расул-мойлов! Я так думаю.

Учитель Саттар задумался, а потом молча улыбнулся и покачал головой: «Что взять с ребенка! Побили его, вот он и решил выместить свою обиду».

Но Абдулхай не унимался:

— Клянусь, честное пионерское... Поверьте мне!

И тогда учитель сдался:

— А какие у тебя есть доказательства?

И Абдулхай сбивчиво, но подробно рассказал про все, что произошло вчера в саду у Расула-мойлова и что он услышал.

Лицо учителя сделалось серьезным. Он задумался. Действительно, и наказ Расула-мойлова мальчику передать Джаббару, что «намечается одно дельце. Мы в долгу не останемся», и водка возбуждали подозрение. Есть ли какая-то связь между порожней бутылкой, обнаруженной в одном из мешков, и теми двумя бутылками, купленными уже Абдулхаем? Если да, то зачем болтать взрослым о своих делах при мальчике? Наверное, они посчитали его вовсе еще несмышленишем. К тому же пьяные быстро теряют всякую бдительность... Да, похоже, Абдулхай прав. И верно могли украсть только будучи заранее уведомленными. А сделать это мог непременно человек, проживающий здесь, в кишлаке. Здесь дело рук табельщика. И работа его в колхозе не что иное, как маска. Сын кулака. Конечно же, это он оповестил своих сообщников. Джаббар же — скупщик краденого. У, волчья стая!

— А теперь скажи мне, Абдулхай, — произнес учитель строго. — Знает ли кто-нибудь об этом разговоре, кроме тебя?

— Нет, а что? — насторожился Абдулхай.

— Тогда об этом не должна знать ни одна душа. Вечером из города должен приехать оперуполномоченный — я его вызвал, вот ты ему все и расскажешь. Хорошо?

— Хорошо.

— Я могу рассчитывать на тебя?

Абдулхай утвердительно кивнул.

— А теперь ступай домой, — учитель с отеческой лаской погладил его по голове. — Быть таким бдительным — долг каждого честного пионера!

Абдулхай простился с учителем. И ему вдруг сделалось легко-легко. Будто он избавился от какого-то тяжелого груза. А звонок они завтра переделают — будет еще лучше.

НА БАХЧЕ

Если хотите, я расскажу вам забавную историю про Дадажана и немножко о себе. Дадажан мой друг. Мы с ним и теперь друзья, хотя с той поры минуло немало лет. Как теперь помню, было это лет тридцать тому назад. Голод, разруха, тяжелый держался год. Не только взрослым приходилось трудно, но и нам, первоклассникам. Не хватало для учебы книжек, обыкновенных тетрадей, которых теперь в любом магазине навалом. И не подумаешь, что их когда-нибудь не доставало, что писали ребятишки на обрывках облинявших газет, на обратной стороне пожелтевших измятых листовок.

Мы с Дадажаном сидели за одной партой. Дадажан был на год старше меня, да и всех остальных. Мальчишки часто дразнили его второгодником... Он второй год ходил все в тот же первый класс. Дадажан обладал завидным терпением и долго не обращал внимания на мальчишек, которые так и выходили из себя. Но стоило Дадажану разозлиться, глаза его вспыхивали, точно раздуваемые ветром угольки. Он устремлял их на насмешников, прожигая их насквозь. И смех тут же обрывался. В классе не было ни одного, кто бы ни признавал Дадажана сильнее себя. Признаться, я втайне гордился тем, что дружу с ним. Товарищ он был такой, что лучше и не сыскать.

Но в учебе вот Дадажан был не того... Что ни говори, а скверное дело сидеть в одном классе два года.

Учительница у нас была молоденькая, почти сама еще девчонка, но строгая. Она почти каждый день вызывала Дадажана к доске. И тот день не был для него исключением:

— Ну-ка, Дадажан, прочти, что мы записывали в тетради на прошлом уроке, — сказала учительница негромким ровным голосом, как только кончила что-то отмечать в своем журнале.

У нас была на двоих одна тетрадь с потертыми и загнутыми уголками. Дадажан долго возился, пока не извлек ее из моей тесной сумки, сшитой из старого грубого холста. Потом он медленно выпрямил свою долговязую фигуру, поднялся, попереминался с ноги на ногу и хотел выйти из-за парты.

— Можешь читать с места, — сказала учительница.

Дадажан смочил языком указательный палец и, шелестя страницами, принялся неторопливо листать тетрадку, посапывая при этом.

— Ну? — заторопила учительница, кладя ладонь на открытую перед собой книжку. Дадажан мельком взглянул на нее, потом невидяще уставился в тетрадь, ткнув в нее пальцем.

— З-з-з... з-з... — протянул он сквозь губы, и на его покрасневшем лбу от напряжения вздулись голубоватые вены.

— Зай-наб, — подсказала учительница нетерпеливо.

— Зай-наб, — повторил Дадажан по слогам, подражая ее тону, — Г-гу-сей п-п-п...

— Гусей пасла, — сказала учительница и, глядя на Дадажана, вздохнула. Минутку подождала и прочла остальное:

— Рассыпала зерно.

— Рассыпала зерно, — согласился Дадажан.

— Садись, — сказала учительница.

— Садись, — повторил Дадажан и осекся. Лицо вспыхнуло, и он низко опустил голову. Класс грохнул от хохота. Даже учительница улыбнулась и, посмотрев на Дадажана, укоризненно покачала головой. Хотя губы ее продолжали улыбаться, она свела над высокой переносицей брови, точь-в-точь похожие на крылья ласточки, и строго оглядела ребят. Хохот смолк. Дадажан стоял красный, даже уши покраснели. Он озирался по сторонам, словно затравленный зверек. Заметив его растопыренные уши, я прыснул

в кулак, будто кто щекотнул меня по ребрам. Нехорошо смеяться над товарищем, сам знаю. Но тут, видно, я потерял над собой контроль. Не мог же я предположить, что в тот же самый день ребята будут потешаться над моей персоной.

Это произошло на последнем уроке. У нас была физкультура, и мы все выбежали во двор. Учительница построила нас в две шеренги и громко скомандовала:

— На месте шагом марш!

Ребята затопали на месте. Оказывается, принято начинать шагать с левой ноги, а я начал с правой. Строй пошел вразброд, точно горох рассыпали. Учительница приблизилась ко мне, взяла спокойно меня за руку и вывела из строя.

— Попробуй-ка один,— сказала она.— Шагом марш! Раз, два, три!левой!левой надо, а ты опять правой... погоди!

Учительница вынула из нагрудного кармашка карандаш и сунула мне в левую руку. Я не понял для чего это, но карандаш все-таки принял.

Поискав что-то глазами, осматривая вокруг себя землю, учительница подобрала валявшийся у моих ног абрикосовый сучок и тоже подала мне, но так, чтобы я взял в правую руку.

— Ну-ка, начнем сначала,— сказала она.— Шагом марш! Карандаш — сучок! Карандаш — сучок! Так, так... Правильно... Продолжай.

Работая ногами, я переводил растерянный взгляд с учительницы на ребят, которые от смеха приседали на корточки и хватались ладонями за животы, то снова на учительницу, которая невозмутимо продолжала командовать.

Я не смел поднять глаз на Дадажана. Он стоял впереди всех. Он не смеялся. Он нервно покусывал свои полные губы и хмурил гармошкой брови, широкие, будто подведенные сажеей, взятой с котла.

Домой мы с Дадажаном всегда возвращались вместе. Вдвоем интересней. Темы для разговоров у нас никогда не истощались.

Сегодня мы шли молча. Шли медленно, глядя себе под ноги. Не торопились. Вот и небольшой домик с плоской крышей, где живет Дадажан. Мы поравнялись с разошедшей от жары накрашенной калиткой. Дадажан остановился и порывисто схватил меня за локоть. Я впервые увидел его глаза с того момента,

как мы вышли из школы. Они блестели, и мне показалось, что из них сию секунду выкатятся слезы. Я испугался.

— Ты думаешь, если бы у меня был букварь, я сидел два года в одном классе?.. Стал бы посмешищем для ребят, да?!— закричал он, дергая за мой рукав так, что я забеспокоился о его целостности, и глядя в упор мне в глаза. Я растерялся и не находил, что сказать, хотя всю дорогу думал почти о том же самом.

— И ты смеялся!..— крикнул он. Не успел я произнести и слова, как Дадажан исчез в проеме калитки, захлопнув ее перед самым моим носом, едва не вознаградив меня шишкой самого внушительного размера.

Потоптавшись на месте, я решил не заходить к Дадажану и направился прямо к себе на бахчу. Она была примерно в километре от кишлака, за зиоградниками.

Уроки мы с Дадажаном делаем вместе. Если, конечно, он приходит. Во всяком случае, сегодня он обещал прийти, потому что мой отец уехал в город и мне с вечера придется сторожить бахчу. Всю ночь просидеть в шалаше одному не очень-то весело. От страха волосы на голове оживают. А вдвоем совсем другое дело.

Долго ждать не пришлось. Дадажан пришел почти следом за мной. Я достал из-под скатанного одеяла дастархан, в которую была завернута засохшая от жары лепешка. Разломав о колено лепешку, я порезал на длинные ломти пахучую дыню. Из-под ножа так и лился медовый сок. Поели и занялись уроками. Сперва по слогам читал я, а Дадажан лежал на животе и, подперев руками подбородок, внимательно слушал. Потом слушал я, а Дадажан читал. Мы так увлеклись, что не заметили, как спустились сумерки.

— Уже темно,— заметил Дадажан, когда у него зарябило в глазах, и поглядел на небо.

— Утром повторим еще,— сказал я, закрывая тетрадь, лежавшую перед ним.

— Когда, наконец, у нас буквари будут?— вздохнул Дадажан и, сцепив на затылке пальцы, откинулся на свернутую за спиной постель.

— Поднимись, я постелю одеяло,— сказал я.

— Не надо, ко сну потянет...

Стало прохладно. Я набросил себе на плечи отцов-

ский чапан и привалился спиной к постели, прижавшись плечом к Дадажану.

— Укройся половиной, — сказал я.

Он молчал, глядя пристально в черное небо, где одна за другой вспыхивали белые звездочки.

— Интересно, сколько их там? — спросил Дадажан задумчиво, то ли не расслышав, то ли не обращающая на меня внимания. Я пожал плечами.

На середине бахчи звонко зашелестели сухие листья ботвы. Кто-то неосторожно сорвал дыню, не иначе. У меня запрыгало сердце, словно собиралось выскочить наружу. По спине прошелся холодок. Я в тревоге посмотрел на Дадажана. Он поднялся на ноги и взял ружье, которое стояло в углу шалаша. Дадажан проверил затвор и бесшумно, словно тень, шмыгнул в темень ночи. Я один. Напрягая слух, всматриваюсь в непроглядную темноту.

По проселочной дороге, проходящей неподалеку от бахчи, кто-то возвращался с базара: оттуда послышалось хриплое — «ких-ких...» и частый топот замороженного ослика. Звенели цикады. Через минуту, которая тянулась целую вечность, послышался веселый смех Дадажана.

— Это же ежик! — крикнул он, не переставая смеяться. Мне стало не по себе из-за того, что я так здорово перепугался.

Дадажан появился также неожиданно, как и исчез. Мы легли рядом на матрасе, который я разостлал. Положили перед собой ружье. Ветерок бегал по шалашу и шелестел листьями, приносил запах поспевающих дынь. Где-то глухо треснул переспелый акнават — любимый сорт моего отца.

Дадажан коснулся моего локтя. Мне показалось, что у него наострились уши. Я превратился в слух. Издалека приближалась телега. В кишлаке, возбужденные грохотом колес, загавкали собаки. Кузнечики, которые так весело тренькали, неожиданно смолкли, будто на их инструментах оборвались струны.

Кони скакали во весь опор. Телега приближалась. Поравнявшись с бахчой, она замедлила ход, потом остановилась. Дадажан сжал мой локоть до боли.

— Остановилась, — шепнул он, поднимаясь на корточки. Щелкнул курок.

— Хочешь стрелять? — встревожился я, собираясь заткнуть себе уши пальцами.

— Стрелять придется тебе, — зашептал Дадажан, отдавая ружье в мои руки.

— Мне?..

— Когда я свистну, поднимешь ствол кверху и шарахнешь в воздух. Понял? Я хочу сыграть над ними одну шутку...

Дадажан сполз в канаву, обросшую сочной лебедой, которая до самой дороги тянулась по краю бахчи, и по шороху травы я понял, что он пополз в сторону остановившейся подводды. С того края доносились чьи-то приглушенные голоса. Кто-то бродил по бахче, выискивая спелые дыни. Я с нетерпением и со страхом ожидал свиста. Я напрягся, как пружина, и почувствовал, как в моих венах пульсирует кровь. Я мысленно стал считать до десяти. Свиста не было... начинал считать снова.

Пронзительный свист, словно кнутом, стегнул ночную тишину. Я ожидал его и все-таки вздрогнул. Неуверенными пальцами отыскал курок и вскинул ствол ружья кверху. Та-ра-рах!.. — прокатилось по земле, по небу, по всему свету. Из дула рванулись искры и, рассыпавшись, плавно поплыли к земле. Мне показалось, что падают звезды. Я выскочил из шалаша и опроретью кинулся к дороге, со стороны которой раздался свист Дадажана. Впереди меня мелькнули две фигуры людей. Мои ноги зацепились о разросшуюся повилику, и я чуть было не перекувыркнулся через голову. Остановившись и едва переведя дыхание, я увидел, как двое людей с разбегу прыгнули в подводду и один из них отчаянно закрутил над головой кнутом. Лошади напрягли мускулы, рванулись и... усакали невесть куда, позвякивая волочащимися свади постромками. Подвода не тронулась с места. Она осталась стоять, как стояла.

Я издали заметил Дадажана, размеренным шагом подходившего к подводе. Несколько осмелев, я подошел ближе. Один из парней, видимо, принял меня за взрослого, и запричитал дрожащим от испуга голосом.

— Дяденька, мы больше не будем...

Кто знает, может, мое ружье нагнало на него больше страха, чем я сам.

— Из какого вы кишлака? — спросил Дадажан, придавая голосу оттенок угрозы.

— Из Карачик...

— Откуда едете?

— Из хлопзавода, хлопок сдавали и задержались...
— Может, специально за дынями выезжаете по ночам?..

— Что вы! Хотели всего одну или две...

— Одну или две? Ха-ха... А что в этом мешке?— Дадажан подошел к подводе и ткнул кулаком в набитый мешок, завязанный бечевкой. Ребята переглянулись и с опаской посмотрели в мою сторону. Я поднял ружье и нарочно щелкнул курком, хотя в затворе больше не было патрона.

— Извините, дяденька, — сказал опять парень, обращаясь ко мне.

— Что в мешке, тебя спрашивают?— прервал его Дадажан, ощупывая пальцами мешок.

— Книги в мешке, книги...

— Вижу, что книги. Какие?

— Буквари для первоклассников. В районе передали, просили в школу подбросить...

Молчание. Дадажан стоял не двигаясь, как истукан. У меня опустились руки, и я чуть не выронил ружье. Стало очень тихо. Снова тренькали кузнечики. Невдалеке паслись кони, они с хрумканьем ели дыни.

— Дынь хотите, да, ребята?— спросил Дадажан тихо, словно его душил ворот рубашки.— Да берите, пожалуйста! Грузите подводу, если хотите!— закричал он звонким мальчишеским голосом и громко, весело засмеялся.

Ребята от изумления округлили глаза, переглянулись, покосились в мою сторону. Я отбросил ружье в пыльную траву и, прыгая на месте, хлопая себя по бокам, закричал во все горло:

— Ур-ра! Буквари! Буквари! Ур-ра!..

Мне очень захотелось потрогать книжки руками. Я подбежал к подводе. Ребята еще больше изумленные, непонимающие, глазели друг на друга.

— Я приведу лошадей,— сказал Дадажан и побежал к бахче.— Вот китрые какие, спелые выбирают,— слышался его голос.— Кушайте, лошадки, кушайте. Вы нам буквари привезли,— повторял он.

— Вот сорванец, как он успел распрячь лошадей?— сказал один из парней, и они оба расхохотались.

— Дадажан все умеет!— выпалил я.— Даже запрячь умеет!

— Запрячь мы и сами можем,— сказал парень и, спрыгнув с телеги, пошел Дадажану навстречу.

Пока ребята впрягали лошадей, мы с Дадажаном принялись таскать дыни.

— Хватит, куда нам столько? — сказал парень, что был постарше. — Столько нагрузили, что нам и за неделю не съесть, — засмеялся он.

— Подари им по букварю, — отозвался другой, который подтягивал в это время подпругу.

— Знаю без тебя, — сказал первый, рывком за конец веревочки развязывая мешок. — Вот вам, малыши! Учитесь на пятерки!

— Спасибо, — сказал Дадажан сдавленным от волнения голосом.

— Спасибо, — сказал я, осторожно принимая в руки гладкую книжицу с белеющей в темноте обложкой.

— Но! — крикнул парень на лошадей и чмокнул губами. Подвода снова загрохотала по дороге, взбивая в темени невидимую прогорклую пыль. Мы стояли с Дадажаном на месте, пока не замер вдалеке дробный перестук колес. Затем направились в шалаш. С половины дороги я вернулся за забытым ружьем.

Потом мы молча уселись друг перед другом и с торжественным благоговением стали перелистывать свои буквари. Мы ничего не могли различить, но когда переворачивалась последняя страница, мы начинали листать сначала.

В кишлаке вели первую переключку петухи. С поля повеяло сырым холодком. Мы залезли под одеяло и замерли. Дадажан положил книгу на подушку и прижался к ней щекой. Я держал свой букварь на груди, обхватив его руками.

— Теперь у нас есть буквари... — зашептал я, первым нарушив молчание.

Дадажан молчал.

— Будем учиться хорошо, правда? — спросил я и, приподнявшись на локте, склонился над Дадажаном. Он спал. Чуть-чуть подрагивали его смеженные ресницы, а слегка приоткрытый рот в едва уловимой улыбке обнажал кончики передних зубов.

Дадажан видел сон. Ему снился светлый класс, наполненный полуденным солнцем. Новая, пахнущая краской, парта, за которой он стоит. Он отвечает без единой запинки урок. Спокойно смотрит Дадажан учительнице в лицо. А она, довольная им, может быть, впервые, улыбается. Ее брови, похожие на крылья ласточки, весело разлетаются в стороны,

ХАДЖИМУКАН — ПАЛВАН

По настоянию сына Сагындыка я пришел на родительское собрание пораньше. Солнце давно уже село, и школа была залита ярким электрическим светом. Из спортзала доносились крики детворы, позвякивание гирь, глухие удары мячей. Выкурив сигарету, я тоже тихонько вошел туда.

В зале от неоновых ламп — светло как днем. Ребята, одни в синей, другие в черной форме, кто упражняется с гантелями, кто с натугой поднимает гирю, кто взбирается по гимнастической стенке...

Вдруг я заметил тридцатидвухкилограммовую гирю, покоящуюся на подстилке из красного бархата, расстеленной на стуле с высокими ножками, который стоял возле стенда у стены. Она была начищена до блеска. На небольшом кусочке картона, привязанном к ручке гири, было написано: «Эта гиря ранней весной 1944 года...»

Воспоминания нахлынули на меня...

...Смеркается. Вдвоем с Эшмат-ака возвращаемся мы из города на бричке, запряженной парой лошадей. Земля покрыта глубоким снегом. Небо затянуто облаками. Порошит мелкий снежок. На голове у меня большая отцовская ушанка, одет я в меховую шубу, подогнанную по мне, на руках — шерстяные варежки, на ногах — валенки. Под себя я подложил сложенный вдвое хурджум с покупками.

Молчавший до сих пор, словно воды в рот набрав, Эшмат-ака оглянулся и сказал:

— Вот и переехали железную дорогу. Как уговорились, а?

— Ладно... — нехотя произнес я.

Эшмат-ака натянул вожжи.

— Ну, садись-ка поближе. Вот так, еще, — проговорил он, подсаживая меня на передок. Затем, взяв костыли, осторожно слез с брички. — Не гони лошадей. Отсюда они сами повезут тебя, бедняги. Ну-ка, скажи «чу»!

Эшмат-ака отошел на несколько шагов; костыли глубоко увязали в снегу. Я потрянул вожжами.. Лоша-

ди, выпуская из ноздрей белый-пребелый пар, потащили бричку. В душе я немножко трусил, но одновременно испытывал и гордость за то, что целая бричка оказалась в моем распоряжении.

Проехав немного, я приблизился к перекрестку. Достаточно повернуть направо — и я на дороге в наш кишлак. Если же повернуть налево, доедешь до колхоза «Чапаев». На перекрестке что-то чернело. Глянул я — громадный человечище! На нем халат без подкладки и брюки из черного трико, на голове тубетейка черного бархата, на ногах выворотные сапоги. Прямо-таки сказочный великан. Ему было лет восемьдесят. Страшный! Он медленно вразвалку подошел к бричке.

— Стой!

У меня душа в пятки ушла. Разве бывает такой грубый голос у человека...

— Куда направляешься?

— В какой кишлак? — вновь басом спросил великан.

Я совсем растерялся. А что, если это сам див, о котором в сказках сказывается, мелькнула у меня мысль.

— В Коктерак... — ответил я, а сам даже голоса своего не расслышал.

— Подбрось меня до «Чапаева»!

— Опаздываю я.

— Ничего, мальчуган.

Надо удирать! Если стегнуть лошадей кнутом, не догонит. Где уж ему с таким неуклюжим туловищем! А подвезти его до «Чапаева», когда же до дому доберешься? Боязно одному. Вдобавок, отпустит ли этот див целым и невредимым?

Пока я размышлял, великан, намереваясь влезть на бричку, ухватился за нее. Рискнув, я быстро поднялся с места и хлестнул лошадей. Они разом рванулись вперед, но бричка почему-то не сдвинулась с места. Удивившись, я оглянулся: сзади бричку крепко держал тот человек.

— Куда! — сказал он. — Что, удрать собрался? Что ж, если у лошадей силенок хватит, валяй.

— Пустите! — проговорил я чуть не плача.

Он, не обращая на это никакого внимания, продолжал удерживать бричку. Она ни на пядь не сдвинулась с места, а лошади с храпом порывались впе-

ред, до тех пор, пока от бессилия не повалились в снег на колени. Ну разве не див это! Глянул на него украдкой: одной рукой все еще держался за бричку. И вдруг расхохотался. Смех его не походил на человеческий:

— Ну как, поедем, мальчуган?

Я не ответил: у меня дыхание перехватило.

Он, не дожидаясь моего приглашения, влез на бричку и уселся сбоку.

— А-ну, поворачивай в «Чапаев»!

Я машинально повернул лошадей налево. Боюсь обернуться. Слышу, как шумно он дышит. Мне показалось, что середина у брички прогнулась. Он, словно что-то почувствовав, посмотрел на меня и пробасил:

— Ты не бойся, мальчуган.

Мне показалось, что он смотрит на меня с улыбкой.

— Отец у тебя есть?

— Есть...— сказал я.

— Где?

— В армии...

Он умолк. Вдруг я услышал какой-то треск. Глянул на него, а он орехи щелкает.

— Хочешь семечек, мальчуган?— спросил он.

Чудно! Орехи для него будто семечки! Я молчал.

— На, бери!

Сказав это, он запросто расколол орех. Ну говорил же я, что это — див! Он погрузился в свои мысли. Я же думал только о том, как бы мне избавиться от этой напасти.

— Учишься?— спросил он неожиданно.

— Учусь.

— В каком классе?

— В шестом.

— Теплая у тебя шапка.

Я промолчал, а про себя сказал: «Плакала твоя ушанка, Хаджимурад!» Я так и ждал, что он сорвет ее с моей головы. Однако он меня не тронул. Лошади продолжали брести шагом. Становилось все темнее. Похолодало. Шел мелкий искристый снежок.

— Сколько осталось до «Чапаева», мальчуган?

— Половину проехали...

— А ну, останови!

Натянув вожжи, я с опаской оглянулся. Великан, почему-то стоя на коленях, смотрел назад. Вдали вид-

нелось что-то темное. Оно быстро приближалось. Вот уже совсем близко. Оказалось, что это одноконный тарантас,двигающийся на хорошей скорости. Увидев его, я успокоился. Во всяком случае я теперь не одинок. Поравнявшись с бричкой, тарантас остановился. Великан, поднявшись с места, слез с брички. Сидевший в тарантасе человек со словами «Ой, Хаджи-ака?!» проворно спрыгнул наземь. Это был щуплый парень с усиками, похожими на жука. Одет он был в меховую шубу, на голове — бобровый треух, на ногах — выворотные сапоги. Великан подошел к нему и спросил:

— Ну, где тебя носит?

— А я думал, мы сегодня в «Коммунизм» едем...

— Разве забыл, что мы обещали поехать в «Чапаев»?

— Хаджи-ака... — хихикнув, сказал малый с усиками.

— Да ты еще и выпил...

— Хаджи-ака... Хи-хи-хи...

Великан не стерпел его кривляния, быстро вырвал кнут из его руки, хлестнул разок, сказав при этом: «Вот тебе, Хаджи-ака!» Малый с усиками, удирая, укрылся за тарантас. Великан вразвалку отправился за ним. Усатенький, продолжая глупо хихикать, забегал вокруг тарантаса. Великан с маху подстегивал его кнутом, всякий раз приговаривая: «Это тебе за то, что заставил меня ждать на морозе! Вот тебе за обман! Вот тебе за выпивку!» А малый с усиками бегал вокруг тарантаса и причитал: «Голубчик, Хаджи-ака, виноват! Душечка, Хаджи-ака, простите!..» Они давно забыли про меня. Воспользовавшись удобным моментом, я повернул лошадей назад. Я думал, что кто-нибудь из них окрикнет меня, но им было не до этого. Я стегнул лошадей кнутом. Долго еще доносился до меня жалобный голос парня с усиками, похожими на жука...

До Коктерака добрался поздно вечером. Бричку и лошадей передал конюху Мирзаахмату, взвалил хурджум на плечо и отправился домой. О том, что произошло со мной в дороге, я никому не сказал ни слова. Особенно маме! А если бы и сказал, кто бы поверил?

...Утром по дороге в школу зашел ко мне Кучкарбай, сын Эшмат-ака.

— Хорошо, что зашел,— сказал я ему на ходу.— Вчера поздно вернулся и не смог сообщить: папа твой в городе остался. Дела у него там.

— Он ведь приехал,— проговорил с улыбкой Кучкар.

— Когда?!

— Утром. Он остался в городе посмотреть представление Хаджимукана-палвана.

— Ну, как, видел?

— Нет, не видел. Тот, оказывается, уехал в «Чапаев».

Тут только я понял, кого вез на своей бричке...

По дороге из школы мы слышали, будто в наш кишлак приезжает Хаджимукан-палван. Вечерами он, мол, посадив на плечи двадцать молодцов, вертит их, из железных прутьев, толщиной в руку, веревки вьет, восемью двухпудовыми гирями одновременно жонглирует...

Не прошло и двух дней, как Хаджимукан на тантане вместе с тем усатеньким парнем приехали в наш кишлак. Вся детвора толпилась вокруг него. Я же держался немножко поодаль. Боялся, как бы он не вспомнил тот день, когда я хотел удрать от него.

Вечером весь кишлак, от мала до велика, собрался в полутемном клубе нашей школы. Пришли и несколько похожих на отца Кучкара бойцов, получивших отпуск после ранения. Короче, в клубе яблоку некуда было упасть. Мы, дети, уселись впереди всех на циновках. На правой и левой стенах клуба тускло светились десятилинейные лампы. Все взоры были обращены на сцену, куда степенной походкой вышел Хаджимукан-палван. Он просто и скромно представился:

— Хаджимукан Мунгайтпасов.

Все слухи о его силе оказались правдой. Особенно последний номер его программы был интересным: положив на голову четыре жженных кирпича, он пожелал, чтобы по ним ударили тяжелым молотом. Никто не осмелился. Наконец парень, по имени Джуман, вышел на середину.

— Сильно ударить, Хаджи-ака?— спросил он.

— Ударь так, как бы ты ударил фашиста,— пробасил Хаджимукан.

— Вы ведь не фашист.

— Верно, я не фашист. Вообрази...

— Раз так...— сказал Джуман-ака, высоко поднимая тяжелый молот.

Все четыре кирпича, разбитые вдребезги, посыпались на пол. Дети, сначала затаив дыхание, воскликнули «ух», и увидев, что с палваном ничего не случилось, зааплодировали.

Палван пожал руку Джуману-ака.

— Есть, оказывается, сила в твоей руке. Если все наши парни также будут бить фашистов, как ты, им крышка.

Затем, взглянув на собравшихся, он обратился к ним:

— Друзья! Если мы хотим, чтобы руки всех наших ребят, сражающихся на поле брани, были бы такими же сильными, как у этого парня, мы должны помогать им чем можем.

Палван долго еще говорил. В клубе стояла полная тишина. Вдруг одна молодая женщина тихо поднялась с места, осторожно сняла с пальца кольцо и на цыпочках направилась к сцене. Малый с усиками в мгновение ока расстелил на краю сцены большой платок. Та женщина, бережно положив кольцо на платок, вернулась на место. Все молчали. Вдруг на сцену стали класть кто фуфайку, кто полушубок, кто варежки, серьги. Собралась груда вещей. Самым последним вышел я. Папину ушанку положил на самый верх.

— Эй, не тот ли ты мальчик, что хотел удрать от меня?— сказал мне палван. — Зовут тебя как?

— Хаджимурад.

— Молодец, сынок. Ты не обижайся. В тот день я вон на него немного рассердился...— сказал он, посмотрев на парня с усиками, стоявшего на краю сцены. Затем, нагнувшись, он поднял меня двумя руками.

— Обиды не держишь на меня?

— Нет,— проговорил я тихо.

— Bravo, мальчуган!— сказал он, осторожно поставив меня на землю.

Затем направился в угол сцены, где лежали гири, которыми он совсем недавно жонглировал, и принес одну из них.— Пусть эти гири останутся на память твоей школе. Будьте похожи на дедушку-палвана!

Я радостно взглянул на Кучкара.

После представления мы вместе с Кучкаром, просунув палку сквозь ручку гири, с трудом унесли ее...

Я вздрогнул от тяжести руки, опустившейся мне на плечо. Оглянувшись, я увидел Кучкара-палвана.

— А, это ты?

Он, словно прочитав мои мысли, сказал:

— С того дня уже тридцать лет прошло.

Мы помолчали. Подшла молоденькая учительница и пригласила:

— Пойдемте, пожалуйста. Все родители уже собрались. В шестой «Б» класс!

СОЧИНЕНИЕ

Я сидел за столом и грыз карандаш.

Неделя, как нам задано сочинение на свободную тему. Завтра сдавать его, а я еще не написал ни строчки.

Все эти дни погода была плохая, и писать под шум дождя не хотелось. Даже думать, о чем писать, не хотелось. Но сегодня светит солнце, лужи почти просохли, и настроение у меня совсем весеннее.

А о чем писать, все равно не знаю.

Назым-ака, наш учитель, сказал: «Напишите о своей жизни, о колхозе, о том, что вас окружает». «О,— подумал я.— Про это можно исписать несколько тетрадей». А теперь мне ничего не шло на ум.

Скрипнула дверь, в комнату заглянул дядя Джуман. Увидев, что я сижу над раскрытой тетрадью, он на секунду заколебался. Но потом все же спросил:

— Не поможешь мне, Атабек?

— Нет, дядя, не смогу,— ответил я.— Срочная работа — пишу сочинение.

— Ну, сочинение можно написать и вечером,— сказал дядя.— Понимаешь, напарник мой уехал сегодня в город. А одному мне не справиться с отарой. Так что одевайся и пойдем.

Мой дядя — колхозный чабан. Я представил себе степь, укутанную в ярко-зеленое покрывало из весенних трав, медленно бредущую по ней черно-белую отару... И кивнул головой.

Когда прибежал к загону, дядя Джуман уже выгнал козлят и ягнят. Я сел на смиренного ослика, а дя-

дя Джуман на своего гнедого жеребца, и мы двинулись в степь, гоня перед собой отару. За нами трусил огромный пегий пес, Алапар.

Я не знал, далеко ли пастбище, но скоро мне надоел неторопливый шаг ослика. А дядя Джуман, должно быть, свыкся с таким медленным передвижением.

— Дядя Джуман,— спросил я, подъезжая ближе.— Сколько лет вы пасете овец?

— Семь.

Мой дядя — молчаливый человек. Если не начать разговор первым, он слова не произнесет. Будто рядом с ним и нет никого. Самое большее, на что он способен — незлобиво ругнуть какого-нибудь расшалившегося козленка: «А, чтоб тебе, непоседа...»

День сегодня жаркий, но дядя Джуман в стеганом халате, туго подпоясан кушаком. На голове зимняя шапка с подвязанными кверху ушами.

А за плечами — старая двустволка.

...Я истомился, пока мы добрали, наконец, до места.

— Присмотри за отарой,— сказал дядя Джуман.— Я съезжу ненадолго к овцеводам. Может быть, на твое счастье, подстрелю зайца. А ты будь внимателен. Смотри в оба!

— Не беспокойтесь,— ответил я, а про себя подумал: «О чем он тревожится? Последить за отарой совсем не трудно».

Дядя Джуман тронул гнедого. Алапар побежал за хозяином.

Я стреножил ослика и пустил его пастись. А сам стал осматривать свои владения. Тихо как... Только стрекочут кузнечики. Да в небе, невидимые, заливаются жаворонки. Из-под куста джингиля выскочил суслик. Он очень насмешил меня: отбежал в сторону и встал, сложив лапки на груди, будто собирался начать со мной беседу. А ягнята и козлята не поднимают головы от сочной, молодой травы.

Жарко... Я прилег в тени джингиля.

...Проснулся я от топота и блеяния животных. Вскочил, осмотрелся. Ягнята и козлята теснились вокруг ишака. «Ерунды какой-нибудь испугались»,— решил я.

Но все же перегнал отару на другое место.

Спать больше не хотелось. Чем бы заняться? Скучное все же дело — быть чабаном. Сиди один и знай смотри за животными...

Я поймал ящерицу и держал ее за хвост до тех пор, пока она не отделилась от него. Потом смотрел, как извивается, будто тоже хочет убежать за хозяйкой, ее тонкий серый хвост.

А тут и дядя Джуман подъехал. К седлу у него привязаны несколько убитых куропаток. И заяц!

— Эй, Атабек! Не надоело тебе быть чабаном?— спросил дядя, довольно улыбаясь.— Гони-ка отару на водопой, к Ширин-саю!

...Скоро наши ягнята и козлята сгрудились на ровном, вытоптанном копытами берегу Ширин-сая.

Дядя Джуман сложил под карагачом убитую дичь и палкой стал пересчитывать молодняк. Он делает это по нескольку раз в день. Но сейчас, видно, ошибся, потому что снова стал считать. Всматриваясь в каждого козленка и ягненка, обошел отару. Потом поманил меня пальцем.

У меня почему-то екнуло сердце.

— Одного козленка нет! Белого, с черным пятном на боку.

— Куда он мог деться,— сказал я.

— Куда?— переспросил дядя строго.— Не были ли чем испуганы животные?

— Были, — ответил я.

Дядя Джуман так внимательно посмотрел на меня, что я не выдержал, опустил глаза.

— Значит, спал, клещ тебя закусай! Хорош чабан!

Дядя Джуман побежал к карагачу, взял ружье. И снова поднялся в седло. Мне велел садиться на ослика.

Тут очень кстати подъехал на пегой лошадке старый чабан. Видно, дядя просил его помочь нам купить отару. Теперь он оставил на этого чабана животных, а мне велел:

— Направо поезжай. Я сделаю круг и выведу тебе навстречу. В оба смотри!

Подгоняя ослика пятками, я быстро доехал до куста джингиля, под которым так позорно заснул. Теперь, без отары, здесь было пустынно. И хотя рядом трусил Алапар, мне сделалось не по себе. Захотелось поскорее вернуться к Ширин-саю.

Я ударил ослика пятками и направил его в глубь степи, дальше от знакомого места...

Вдруг, едва не свалив меня, ослик шарахнулся в сторону. Зарычал Алапар. У него на загривке подня-

дась шерсть. Тут и я увидел: впереди, справа от меня, три серых щенка насканивают на пропавшего козленка! Я не успел обрадоваться козленку и удивиться, откуда здесь щенки, как понял: волчата это!

С лаем кинулся на них Алапар. Волчата пустились наутек, но пес преследовал их вплоть до зарослей камыра на краю дальнего оврага.

А я соскочил с ослика и подбежал к козленку. Цел! Встал на ножки, тычется мордочкой мне в колени, а сам весь дрожит. Вернулся Алапар — и тоже к козленку. Тот заблеял жалобно: узнал своего сторожа!

Я засмеялся. Как я был рад, что козленок нашелся!

Тут подоспел и дядя Джуман. Я рассказал ему о волчатах.

— Вот как? А ну, посмотрим.

Дядя Джуман перекинул козленка через седло. Скоро мы вслед за Алапаром гуськом вступали в овраг. И почти сразу услышали лай собаки.

— Вот они где, негодники!

Соскочив с коня, дядя Джуман присел на корточки и, раздвинув кусты, показал мне нору.

— Там, под седлом, мешок. Брось-ка его!

Приготовив мешок, дядя Джуман обмотал поясным платком руку и... сунул в нору! У меня пересохло в горле. Хочу крикнуть: «Что вы делаете?» и не могу. Смотрю, а он уже кладет в мешок волчонка. Потом вытаскивает второго, третьего. Волчата упираются, рычат, даже пробуют кусаться. Но ничто им не помогло: все оказались в мешке! Дядя крепко стянул горловину мешка и взвалил его на ослика. Тот захрапел, приседая на задние ноги.

— Отправляйся к отаре, — велел мне дядя. — Ишак гони перед собой. А я покараулю волчицу, она вот-вот придет к логову.

Я гнал ослика и поминутно оглядывался. Мне казалось: сзади большими неслышными скачками настигает нас волчица...

И вдруг услышал один за другим два выстрела.

...Когда мы вернулись к Ширин-саю, нас ждал вкусный обед: старый чабан сварил из зайца шурпу. Я набросился на еду с такой жадностью, что дядя, смеясь, сказал: «Как волк на козленка».

Потом мы купали отару. Первым я взял в воду белого козленка с черным пятном на боку...

Солнце уже спускалось за горы, когда мы погнали отару домой. На долину медленно напоззала снняя тень...

Дядя Джуман по обыкновению молчал. И мне не хотелось разговаривать. Я ехал рядом с ним и перебирал в памяти все события этого длинного дня. И тут, первый раз за весь день, я вспомнил про сочинение. И обрадовался: приеду домой, достану тетрадку и сяду писать его.

Я так и сделал. Как получилось, судите сами. Этот рассказ и есть мое сочинение. Скажу, не хвалясь: Назым-ака поставил мне за него пятерку.

ЧЕСТНОЕ ПИОНЕРСКОЕ

Солнце взметнуло в небо последние стрелы и погасло, упав в озеро. Над прибрежным поселком вспыхнули лампочки, их окружили хороводы мошкары. Повеяло сыростью.

Дулан отворил окно, перегнулся через подоконник и внимательно посмотрел по сторонам. Никого. Куда мог запропасться Карим?

За спиной скрипнула дверь. Боком, слегка пригнув голову, вошел Кудрат-ата. Он ступал на цыпочках, чтобы грубым шарканьем кирзовых сапог не отвлечь сына от уроков. Увидев Дулана на подоконнике, он остановился и кашлянул, приложив ко рту ладонь, что означало недовольство.

Дулан сполз с подоконника, встал по стойке смирно и отчеканил:

— Восемь ноль-ноль, задание выполнено!

— Хоро-ошо, ко-оли оно так,— сказал Кудрат-ата, растягивая слова, и подошел к столу: грудa тетрадей, учебники, разбросаны цветные карандаши. Здесь же лежала раскрытая книга. Ее-то Дулан, видно, и читал. Кудрат-ата бережно закрыл книгу, прочитал на обложке.— «Остров сокровищ».

— Что ж,— Кудрат-ата вздохнул,— сделал дело, гуляй смело. И ты доволен, и я. Покажи-ка отцу свой дневник. Кхе-кхе...

Дулан растерянно заморгал и согнутым указательным пальцем потер веснушчатый нос.

— Поскорей, сынок, мне на дежурство идти...

Дулан подобрал ранец, валявшийся у стола, и достал дневник. Нехотя протянул отцу, Кудрат-ата не спеша перелистывал страницы.

— Хм... Так вот как ты выполняешь задания?

Он нахмурился, покачал головой.

— По арифметике двойка... кхе... и по литературе тоже... И это за один день. Как же так, сынок, а?

Дулан опустил голову. Он мял руками выбившийся из шаровар край рубашки и виновато посапывал.

— И в этом году решил остаться в том же классе? Ответь же наконец... А только вчера обещал учиться хорошо.

Дулан молчал.

— Мне, отцу, за тебя стыдно, не могу глаз на людей поднять. А ну, садись, делай уроки! Приду — прсверю.

Отец ушел. Дулан постоял еще минутку. Ему было совестно. Отец из-за его проклятых двоек переживает больше, чем он сам. Тогда с отцовских щек сбегает краска, губы начинают дергаться, а пальцы, грубые и растрескавшиеся от постоянной работы с землей, переворачивают страницы дневника с робостью, словно боятся обнаружить еще одну двойку. Дулана грызет совесть, но лишь минуту. Отец пожурит и все. Сына он и пальцем никогда не тронул. К Дулану возвращается хорошее настроение. Он обещает себе, что в следующий раз непременно послушается отца, потому что очень его любит. А сейчас надо делать то, что задумано, не оставлять же начатого на половине?

Дулан вернулся к окну. На гранатовых кустах, у самых окон, лежал желтоватый свет. От этого дальние деревья казались еще чернее. Дулан вертел головой, всматриваясь в темноту. Никого! Странно... Карим никогда не подводил его.

И Дулан выпрыгнул в сад.

Карим был дома. Дулан понял это, как только увидел свет в его окне. Рискуя разодрать штаны, он перелез через изгородь. Подкрался к подоконнику.

Лампа горела в глубине комнаты. Дулан ухватился за оконную раму и, подтянувшись, заглянул внутрь. Ну конечно же, вот он, Карим! Подперев обеими руками стриженую голову и шевеля губами, читал. Ближко придвинута лампа. Вокруг порхает ночная бабочка и, то и дело ударяясь о ламповое стекло, падает

на книгу. Но Карим ее не замечает, смахивает, торопясь перевернуть страницу.

— Эй, Карим! — шепотом позвал Дулан.

Карим обернулся, ткнув пальцем в то место, где остановился. Щурясь, взгляделся в темный проем окна, где белело лицо Дулана. Потом встал, подошел к окну.

— Что же ты? — прошипел Дулан. — Обещал, а не идешь!..

— Ты мне не сказал, зачем...

— Пошли, — звал Дулан, мотнув головой в темноту.

— Куда? — допытывался Карим.

— Скоро узнаешь. Во, как...

И тут ноги Дулана скользнули с уступа, и он шлепнулся на землю.

— Пойдешь? — спросил Дулан, сидя на земле и не подавая вида, что ушибся. — Нас на улице Турсунбай ждет.

И, поднявшись, стал отряхивать штаны.

Карим погасил лампу, и комнату наполнила ночь. А на подоконнике вырос Карим. Держась за раму, он присел на корточки.

— Прыгай! — шепнул Дулан.

Прицелившись, Карим приземлился на едва заметную клумбу — там вскопана земля, мягче. И только мальчики успели перемахнуть через забор, как в углу двора звякнула цепь, зашелся лаем пес. Ха, проспал... По дороге, что ведет к озеру, забарабанили три пары бегущих ног.

Когда остановились перевести дыхание, Дулан спросил:

— Чего это ты читал, такое шибко интересное?

— «Тимур и его команда». Кстати, ты почему на обсуждение не приходил?

— Какое еще обсуждение? У меня сейчас другая книга. Во какая! Про пиратов. А этой я не читал...

— И зря! Завтра уже третья беседа... Потом бы предложил обсудить свою.

— А что, было бы здорово, — без всякого интереса сказал Дулан. И заторопил: — Ладно, пошли.

Впереди покачивались стебли камыша. Рябила вода. Лягушки, еще минуту назад надрывавшиеся от крика, теперь смолкли. Они, сверкнув белым пузом, шлепались в озеро. По сонной глади разбегались круги. Вскоре только камыш шептался с ветром.

— Снимайте барахло,— сказал Дулан.

— Зачем?— удивился Карим.

— Надо переплыть на во-он тот остров.

Турсун зябко повел плечами, а дотошный Карим поболтал в воде босой ногой.

— Не вода — лед,— сказал он.— Я не поплыву...

— А ты?— Дулан с усмешкой смотрел на Турсуна.

— Да ну-у,— протянул тот, отворачиваясь.— Холодно.

— Эх вы, трусы! Ладно, сам управлюсь.

И Дулан стянул с себя рубашку, дернув, развязал шнур, вдетый в штаны. Дрыгнув в воздухе ногами, точно громадная лягушка, он плюхнулся в воду. Берег обдало брызгами. Ребята будто сами окунулись в холодную воду, где плясали негреющие огоньки звезд.

Дулан плыл, и в темной воде его тело светилось, постепенно удаляясь. Вскоре до ребят доносился только плеск воды, загребаемой ладонями Дулана.

Потом на островке зашуршали и закачались камыши.

— Что там у него, не знаешь?— спросил Карим.

— Бригантина!— ответил Турсун. — Бригантина «Икс». Мы дадим ей название той страны, в которую приплывем. Потом, когда отправимся в кругосветное путешествие. А сейчас надо провести учение...

Из темноты вынырнула лодка. За кормой, отплываясь, сопел Дулан. Вот лодка развернулась, причалила к берегу боком.

— В-в-влезайте,— сказал Дулан, лязгая зубами.— Н-не забудьте прихватить мое к-капитанское обм-мундирование.

Карим и Турсун, растопырив для равновесия руки, полезли в лодку.

— К-курс юго-запад,— хрипло, как настоящий «морской волк», скомандовал Дулан, усаживаясь на носу и поспешно одеваясь.

— Но эта... эта лодка — колхозная,— узнав ее, сказал Карим.— Ты хоть спросил?

— Наш выход в океан должен оставаться в строжайшей тайне. Понятно? Проведем учение и бросим якорь в бухте...

— Нет, так нельзя! Спросить надо!

— Что-о?! Ты хочешь предупредить береговую охрану? Не выйдет! Мы тебя бросим акулам! Вот так!

Карим встал. Лодка накренилась влево, и он упал на место, вцепился руками за борта.

— Говори сразу: донесешь?

— Я и не собирался доносить...

— Тебя спрашивает капитан бригантины «Икс»!

— Нет, капитан...

— Честное пионерское?

— Честное пионерское, капитан!

— Тогда поплыли, — сказал Дулан. И прохрипел: — Отдать концы! Поднять якоря! Маршрут, — капитан рубанул ладонью темноту, — к противоположному берегу и обратно. Плыть будем, прикрываясь зарослями камыша. Открытыми местами опасно, с берега нас может заметить стража. Вопросы есть?

— Нет, капитан!

— По местам! Карим — к штурвалу! Турсун! На весла! Путешествие будет опасным. Хо-хо! — глаза и уши Дулана горели от восторга.

Турсун упирались ногами, тянул на себя весла. С них скатывались капли и, позванивая, сыпались обратно в озеро.

На берегу, на том месте, откуда ребята отплыли, вырос черный силуэт.

— Эй, кто там?! — прокатился над озером такой густой бас, что вздрогнуло все, даже отважный капитан бригантины.

— Береговая стража! Быстро в тень камыша... — Дулан сел напротив Турсуна, и они вдвоем налегли на весла. Лодка легко заскользила вперед.

— Земля! Вижу землю! — вдруг вскрикнул Карим, но было уже поздно. С треском подминая камыши, лодка врезалась в заросли, ткнулась носом и легла на бок. Толчком ребят выбросило в воду.

— К берегу!

Дулан бросился пузом на воду. Турсун и Карим поплыли за ним. Одежда их отяжелела, тянула вниз, ломило плечи, а руки стали словно связанные. Но тут они легли животами на песок. Лежали, переводя дыхание и отплеываясь. Первым поднялся капитан. Встал на дрожащие колени, отвел с лица волосы, огляделся.

— Мы не опознаны, — произнес он срывающимся голосом. — Матросы! Не падайте духом.

Пионерская комната жужжала, как потревоженный улей. Вожатый запаздывал, и обсуждение началось без него, само собой. И теперь все говорили разом, кричали, перебивая друг друга, спорили... «То же, видно, мировая книга» — думал Дулан, а сам вертел головой, не успевая за говорящими. Тут к Дулану подскочил Турсун. Лицо его выражало беспокойство.

— Твой отец идет, — шепнул он, кивая в окно.

Дулан вытянул шею. Кудрат-ата, сутулясь, шел рядом с вожатым. Ноги он переставлял с трудом, будто были на них не обычные кирзовые, а пудовые сапоги.

Сжимая левой рукой узел бельбога, завязанный на животе и жестикулируя правой, Кудрат-ата что-то говорил вожатому. Тот, слушая, укоризненно качал головой.

Они приостановились у школы, потом, кивнув вожатому, Кудрат-ата направился в сторону озера (из окна был виден кусок желто-зеленого берега). А вожатый поднялся на школьное крыльцо.

Он вошел, поздоровался, велел ребятам сесть. Помедлил с началом. Морщил лоб, о чем-то думая и переводя глаза с одного лица на другое.

— Я хочу узнать у вас кое-что, — наконец сказал он. — Вчера кто-то из вас спрятал колхозную лодку. Она срочно нужна Кудрату-ата. На том берегу колхозники косят сено, им надо отвезти обед. А в объезд, вы знаете, далеко — до вечера не поспеть. Так где же спрятана лодка?

«В бухте она! В кустах!» — чуть не крикнул Карим. И осекся: спиной ощутил сверлящий взгляд Дулана. В памяти вспыхнуло: «Честное пионерское, капитан!». Карим поник. Нет, он не боится Дулана, ни капельки, нет. Но кто будет верить человеку, хоть однажды нарушившему слово? А Дулан уже постарается, чтобы ребята узнали об этом, он расскажет, не простит...

— Выходит, никто не знает? — подождав, спросил вожатый: — Что ж, начнем работу.

Он расстегнул портфель и вынул книжицу в голубом переплете.

«Совсем тонкая», — удивился Дулан.

— Все прочитали?— спросил вожатый.

— Все!— закричали ребята.

Первым взял слово Мирза.

— Книга что надо. Тимур — он во какой молодчина! Не зря у него друзей столько...

Ребята поднимали руки, вскакивали, наперебой вспоминали понравившиеся места, смеялись и спорили. Вожатый молча слушал, не перебивая, а глаза его пытливо всматривались в лица ребят. «Не забыл про лодку»,— подумал Дулан и спрятался за спину соседа.

— А почему Карим и Дулан помалкивают?— вдруг спросил вожатый и посмотрел на Дулана так, будто знал все.

Нехотя поднялся Карим.

— Нам бы такую команду...— сказал он и замолчал.

— И что тогда?— спросил вожатый.

— Лодки бы перестали пропадать,— сообщил Карим и взглянул на Дулана. Тот усмехнулся и отвел глаза.

— Чему ты смеешься, Дулан?— прищурился Карим.— Или думаешь по-другому? А? Что ты думаешь, скажи.

Дулан пожал плечами. Карим снова заговорил:

— Вот, например, шел ты по дороге и нашел мешок, который упал с колхозной машины. Как бы ты поступил, Дулан, скажи? Только честно. Взял его себе или отнес на колхозный склад?

Дулан насторожился. Куда клонит этот Карим? И вообще, откуда эта манера задавать наводящие вопросы, как учитель?

— Сдал бы,— проворчал он. И вдруг покраснел, сильно-сильно.

— Нет, не сдал бы,— сказал Карим.

Тут даже у вожатого удивленно взлетели брови. А ребята смотрели на Карима с недоумением: зачем такое говорить о товарище?

— Нет, не сдал бы Дулан мешка,— повторил Карим.

— Почему?— спросил вожатый, а глаза его повесели.

— Об этом он сам пускай расскажет...

Теперь глаза ребят с любопытством буравили Дулана.

Дулан сидел как на углях. Когда же прозвенит звонок?!

Вдруг сидящий рядом парнишка ткнул его в бок. Дулан вздрогнул от неожиданности, а тот сунул ему в кулаке записку. Дулан развернул и, таясь от соседа, прочитал нацарапанное карандашом:

«Я вчера дал тебе слово и только потому (подчеркнуто жирной чертой) промолчал («Ничего себе, молчание...»). Если ты не признаешься во всем, я и Турсун (и этот изменил!) перестанем с тобой дружить».

— И не нужно! — хотел крикнуть Кариму Дулан, но не успел: зазвенел звонок.

* * *

Домой Дулан пришел в сумерках. Отворив калитку, сбросил ранец и за ремень потащил по земле. Шел, еле переставляя ноги. К мокрым штанинам пристала бурая пыль.

Кудрат-ата вышел на террасу:

— Наконец-то, сынок. Битых три часа дожидаться. Где пропадал? Молчишь? Ладно, умойся скорей, выпьем чаю, и я побегу на дежурство. Уф-ф, устал, как бес...

Кудрат-ата опустил на корточки перед очагом, стал чиркать спичкой.

— Пришло-ось мне озеро объезжа-ать, — рассказывал он, по обыкновению слегка растягивая слова. — И куда подевалась та дрянная лодка, ума-а не приложу! Сейчас будем есть. Достань дастархан, там лепешки...

Дулан бросил ранец в угол и сел на посланный у стены матрац. Буркнул:

— Я не хочу есть...

Кудрат-ата озабоченно смотрел:

— Что-о, сынок? Не заболел ли ты?

— Нет... — Дулан надул губы.

— Опять двойку получил? — Кудрат-ата кашлянул, приставив ладонь к губам.

— Нет...

— Так что же?

Кудрат-ата перестал подбрасывать щепки в огонь, повернулся к сыну.

— Я... я...

— Что?

— Лодку ставил на место...

— Так вот это чьи проделки?!— вспыхнул Кудрат-ата. И, опершись рукой о колено, вскочил, готовый угостить Дулана хорошим тумаком. Но Дулан поднялся навстречу отцу.

— Я этого больше никогда не сделаю,— сказал он, глядя прямо в отцовские глаза.

— Надоело мне это твоё «больше не буду», «не сделаю»! Не верю я тебе!.. Э-эх!— отец скорбно покачал головой.— Живи твоя покойная мать, не был бы ты таким беспутным...

Кудрат-ата махнул рукой, ссутулился. А у Дулана что-то горькое появилось во рту. Он схватил отца за рукав:

— Поверьте мне, отец, прошу!— вскричал он. — Я... я буду хорошо учиться. Честное пионерское!

Отец постоял молча, ссутуля плечи. Потом повернулся к Дулану, кивнул головой.

— Теперь верю, сынок. Такое слово нарушить нельзя...

Рука, жесткая, тяжелая рука легла на плечо Дулану. И мальчику показалось: он сразу стал большим...

Они поели. Отец ушел, тяжело ступая в кирзовых сапогах. За ним, скрипнув, затворилась калитка. А Дулан? Он глубоко задумался. Ладно, он будет хорошо учиться, и лодку оставит в покое. Зато, когда вырастет, кончит институт и получит назначение на самую распрекрасную бригантину. Тогда возьмет Карима в плен и потребует выкуп... Кило мятных конфет потребует, вот что! Они так удивительно холодят рот...

Довольно ухмыляясь, Дулан сел за стол. Он прогнал влетевшую бабочку и придвинул к себе учебник: будущему капитану бригантинны надо очень много знать.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вечером накануне мне не спалось: я думал о завтрашнем дне. Утром поднялся, не ожидая, пока мама придет будить меня.

Она готовила завтрак. Отец, небрежно откинувшись на спинку стула, читал свежую газету. Я обе-

жал глазами комнату, и настроение сразу упало: велосипеда не было...

Я молча надел тапочки и вышел во двор умыться. Вернулся и, недовольно шмыгая носом, стал складывать в портфель учебники.

— Успеешь еще собраться, Мансурджан, — сказала мама, наливая в большой фарфоровый чайник кипяток. — Садись пить чай.

Я молчал. Мне было не до чая.

Отец зашелестел газетой и, кивнув в мою сторону, вопросительно взглянул на маму:

— Что с ним, не знаешь?

— Сегодня суббота. Разве вы забыли?

— Ах да! Вот память! — отец шлепнул себя пятерней по лбу. — Нам же сегодня двенадцать лет!

Отец отбросил газету и подошел ко мне. Я сильнее зашмыгал носом. Отец взял меня за плечи и слегка тряхнул. Сказал весело:

— Поздравляю, сынок. Отчего же ты сегодня, точно день ненастный, а? — Склонив голову набок, он с улыбкой разглядывал меня. — Давай-ка сядем вместе за стол.

И он легонько подтолкнул меня. Стало еще обиднее. Неужели и теперь не вспомнил?

Но мама-то все помнила!

— Наверное, — сказала она, — сын не забыл, что отец обещал подарить ему в этот день велосипед...

— И только-то?! Ха-ха! Стоит ли расстраиваться из-за пустяка! К вечеру, сынок, лучший в мире велосипед будет твой!

Придерживая крышку чайника, он разливал в пиалы чай. Потом сказал матери:

— Шарофат, ты не смогла бы после работы пройтись в магазин? У меня совещание сегодня.

И он подмигнул мне.

— Хорошо, — сказала мама.

— Только после работы?! — не удержался я.

— А что? — отец удивленно вскинул брови.

— Велосипеды ждать, что ли, будут?

— А что? Они могут разбежаться? — засмеялся отец.

— Их разберут!

— Ну, один купят, два... Подумаешь... Наберись терпения, братец, и подожди до вечера.

— Я... я вчера видел: там их всего два.

Отец пожал плечами и стал намазывать масло на хлеб.

А у меня пропал аппетит. Я взял портфель и поплелся в школу, хотя было еще рано. Фу, тошно как, будто с самого утра схватил двойку...

На улице было холодновато, пахло свежестью. Солнце только-только высунуло из-за гор рыжую макушку и разливало по сыроватой земле дрожащий свет. Где-то на окраине сонно перекликнулись петухи.

По улице кишлака шли люди, спешили на работу. Около правления с верхушки столба во всю глотку кричал громкоговоритель. Голос его, наверное, был слышен в самых дальних бригадах.

По этой вот дороге я каждое утро хожу в школу. Справа от нее — канал. Вода в нем течет круглый год. По берегам растут пирамидальные тополя. Утром от них на дороге синеватые длинные тени...

Летом мы целыми днями бултыхаемся в канале, а когда слишком припечет спины, прячемся под тополя. И дорога хороша для наших игр. Пospорим, кто кого перегонит — и, пожалуйста, есть отличная беговая дорожка! Как припустишь по ней босиком, только пыль из-под пяток взлетает. И бежать мягко, словно под ногами постлан хлопок, нагретый солнцем.

Катить бы на велосипеде по этой дороге! Запрыгнуть в седло, нажать на педали... и только ветер зашвистит в ушах. Берегись! Дзин-дзин-дзин! С дороги!

Алим станет упрашивать:

— Мансур, а Мансур! Дай прокатиться.

Вот тут и напомнить ему, как жадничал прошлым летом, никому не давал прокатиться на своем дряхлом велосипеде. А он все равно будет просить:

— Мансур, посади хоть на раму...

— Уйди с дороги! Задавлю! Дзин-дзин!..

Я понесся по дороге. Высоко поднимая ноги, воображал, что кручу педали, а руками крепко ухватился за руль (немного, правда, мешал портфель). Даже оглянулся — не бежит ли сзади Алим? А когда снова выпрямился за рулем, перед велосипедом внезапно вырос чей-то знакомый большой живот.

Зажмурив глаза, я с разбегу ткнулся в него лицом. И услышал недовольное бормотание.

— Авария, — вздохнул я. — Сломал велосипед.

— Какая авария? Где?! — спросил испуганный голос, а рука трянула меня за плечо.

Я раскрыл глаза и уставился на человека, которого едва не сбил с ног. Это был почтальон Ахмед.

— Так я... Про себя,— буркнул я.

Пышные усы Ахмеда шевельнулись, и я скорее почувствовал, нежели увидел, что губы его раздвинулись в улыбке.

— Напугал ты меня, шельмец,— сказал он, смешно закатывая глаза и кладя руки на сердце.— А что надо говорить по утрам встречному?— спросил он, и усы его колочье выставились вперед.

— Здравствуйте,— выпалил я.

— Это другой разговор! — кивнули усы. — Здравствуй, здравствуй... Вот, несу телеграмму твоему отцу... Слетал бы ты, любезный, на своем велосипеде домой да передал ее сам, а? Боюсь, пока дойду пешком, не застаю никого дома...

Говоря так, Ахмед копошился в черной сумке, набитой письмами и газетами. Наконец, извлек аккуратно сложенный розовый листик бумаги.

— Во-от она, голубушка. Передай отцу, да смотри, не опоздай из-за меня в школу!

— Ну, что вы!

Забыв поблагодарить Ахмеда, я что есть духу пустил обратно. Отца с матерью застал уже во дворе.

— Телеграмма! Телеграмма! — закричал я, размахивая над головой розовой бумажкой.

— Любопытно,— сказал отец, сходя по ступенькам веранды.— От кого же?

Он нетерпеливо развернул ее.

— От Акмалжана! — воскликнул радостно.— Едет к нам...

— Молодец, хороший день выбрал,— засмеялась и мама.

— Кто это — Акмалжан!

— Для тебя он дядя Акмал.— Отец взглянул на часы.— Ого, парень, беги скорее, опаздываешь на урок.

Я пустился бегом к школе. И хотя мне мешал портфель, ни разу не отдохнул!

Стараясь дышать ровней, словно и не торопился, я отворил двери в класс. Учительницы не было, но ребята уже сидели по местам. Мне вдруг показалось: они ждут не ее, а меня.

Едва я перешагнул порог, ко мне подскочил Кучкар, наш староста. Ничего не объясняя, потянул за рукав к учительскому столу. Брови его были нахму-

рены, отчего лицо стало строгим, как у взрослого.

— Ты чего? — спросил я.

— Стой здесь, — потребовал он.

Я забеспокоился, оглянулся на класс. Ребята сидели, положив руки на парты. И все глядели на меня — строго. Я вдруг услышал, как жужжит и бьется в оконное стекло залетевшая в класс пчела.

Кучкар повернулся к классу, жестом дирижера поднял руки, и меня оглушил хор голосов:

— До-ро-гой Ман-сур! Поздрав-ляем тебя с днем рождения!

Я едва не выронил портфель. А Кучкар сунул мне в руки сверток.

— От нашего класса!

И крепко пожал мне руку.

Я положил сверток на стол и, шурша бумагой на весь класс, стал разворачивать. Внутри были цветные карандаши «Искусство», красивый альбом для марок и китайский фонарик. Вот это фонарик! Блестит — зеркала не нужно. Ребята знали, я давно искал себе такой — и вот...

Я вдруг забыл все слова благодарности. Только прошептал еле слышно:

— Спасибо, ребята...

Все захлопали в ладоши. Боясь выронить подарки, я пошел к своему месту. Только успел сесть, в класс вошла учительница.

Утром, уходя в школу, я думал, что не смогу дождаться конца уроков (до и после них до вечера еще сколько...), однако не заметил, как проскочили пять часов. Мне было весело, и я, кажется, вертелся больше обычного (без конца зажигал под партой фонарик). Учительница сделала мне замечание, но вспомнила, что я именинник, улыбнулась и шутя погрозила пальцем.

Когда я прибежал из школы, мама уже хлопотала на кухне. Она накрошила лук и морковь, перебрала и в большой медной чаше промыла рис. И теперь принялась за мясо.

Увидев меня в раскрытую дверь, вышла из кухни, вытирая руки о фартук.

— Наконец-то пришел, сынок. Давай раздвинем стол.

Я положил портфель на пол и ухватился за край стола.

— Надо спешить, — сказала мама, приподнимая свою сторону. — Я еще не купила главного.

Я благодарно взглянул на маму. Что, кроме велосипеда, она могла иметь в виду? Мама разостлала новую скатерть — белую, с голубыми цветами по краям. Мне показалось, комната наполнилась их запахом. Но это пахла сухая мята, которую мама всегда кладет в ящики с бельем.

Она вынула из буфета и поставила на стол вазы с пирожными и конфетами. Посмотрела на них, отойдя от стола, и еще отодвинула друг от друга.

— Принеси-ка мою сумку. Она в кухне.

Я принес. Она вынула из нее узкую высокую коробку. Торт «Сказка»! Мой любимый! Мама осторожно, чтобы не помять грибам шляпки, сняла крышку и поставила торт посередине, между вазами. Обернулась ко мне с улыбкой:

— Тебе нравится?

Я и глазом не повел в сторону торта. Взмолился:

— Идем же скорее, мам!..

— Сию минуточку. — Чего-то не достает... — бормотала она. — Чего же? Сюда поставим шампанское... Одной бутылки коньяка для мужчин, я думаю, хватит...

И начала вдруг напевать: «Ля-ля-ля, тра-ля-лям»... Нашла время!

Я сел на диван и надул губы.

— Идем, идем, сынок! — спохватилась мама. — Возьми-ка сумку, я должна забежать в гастроном.

— А как же вело...

— Пока я там сделаю покупку, ты побежишь в спортмаг и сам выберешь себе велосипед. Согласен?

— Согласен! — я вскочил с дивана.

— А ты смыслишь что-нибудь в велосипедах? — говорила, смотрясь в зеркало, мама. — Я абсолютно ничего...

— Смыслю! — крикнул я, открывая перед ней дверь. — Еще как!

Меня подмывало побежать, но мама... Когда дотопились до угла, она взяла у меня сумку.

— Ну, тебе туда. Беги, я приду следом.

К спортмагу я бежал вприпрыжку. И, кажется, напевал мамин мотивчик: «Тра-ля-лям! Ля-ля-ля!..» Едва переступил порог, сразу увидел детский велосипед. Всего один!.. Правда, можно выбрать и этот, един-

ственный. Обмазанный маслом и обернутый желтой бумагой, он стоял у окна. На руле бумага порвалась, и как раз на этом месте замер солнечный зайчик. Блестит даже сильнее фонарика! Велосипед — что надо! Обода и спицы никелированные... Рама и крылья светло-голубые, да еще украшены красными полосками. И насос на месте! Ниппельные колпачки на цепочках, блестящих, тоненьких, как нанизанный на нитку бисер.

Продавец тут же — дядька, толстый с рыжими усами. У него и спрашивать-то боязно... Все-таки я набрался смелости:

— Дяденька, у вас только один велосипед?

— Считать умеешь? — рявкнул он, вращая белками глаз, и, как наш кот, дернул усами.

Я растерялся.

— Вот и считай, сколько у нас велосипедов, — проворчал он и занялся другими покупателями.

В магазин все время заходили люди. И кто бы ни появлялся в дверях, я вздрагивал. Мне казалось, каждый вошедший смотрит на мой велосипед, собирается купить его. Скорее бы пришла мама!

В магазин вошел широкоплечий мужчина в синем пальто и серой фетровой шляпе. Остановился посредине, огляделся, а потом, твердо ступая начищенными до блеска ботинками, подошел к прилавку. К нему сразу просунулся продавец с приветливо засветившимся лицом.

— Что бы вы предложили для мальчика? — спросил незнакомец, разглядывая вывешенные напоказ вещи.

— А что бы вы хотели? — промурлыкал продавец.

— Что-нибудь такое, чтобы порадовать мальчишку.

— Гм... Пальтишко вот, драповое... Можете взять костюмчик. Хороший костюм, шик! Только что поступили из Болгарии. Взгляните, как сшит, — продавец прищелкнул языком. — Не хотите? Тогда может... велосипед подойдет? Теперешние мальчишки любому костюму предпочтут колеса. Шикарный велосипед! Последний остался — специально для вас!

У меня отчаянно заколотилось сердце. Мне хотелось подскочить к велосипеду и ухватиться за руль обеими руками. Закричать: «Это мой! Не отдам!» Но я взял себя в руки. Только глаза лихорадочно перебежали с продавца на дядьку в шляпе и обратно.

Тот сдвинул шляпу на лоб и стоял, раздумывая. Может, не купит? В душе у меня вспыхнула искорка надежды. Я выскочил на крыльцо и стал озираться по сторонам. Но мамы нигде не было видно. Понуро пошел обратно. Человек в шляпе отсчитывал деньги. Потом положил их на прилавок, придвинул продавцу. И направился к велосипеду...

Я отвернулся, навалился на прилавок. Уткнув лоб в локоть, зажмурил глаза, чтобы не видеть, как увозят велосипед... мой велосипед! Что-то мокрое скользнуло из-под ресницы и обожгло мне щеку. На прилавок кляксой упала слеза. Я размазал ее пальцем, а ладонью быстро вытер щеку. Поглядел украдкой — никто, кажется не заметил.

В магазин, улыбаясь и отыскивая меня глазами, вошла мама.

— Что с тобой? Нет велосипедов? — спросила она, разочарованно оглядывая магазин. Потом посмотрела на меня с сочувствием и взъерошила мне волосы. Я отклонил голову и молча направился к выходу.

— Здравствуйте, Шабора-ака, — обратилась мама к продавцу.

Я остановился около дверей.

— А-а, Шарофатхон, здравствуйте, здравствуйте. Проходите, — раскланивался продавец.

— Нет ли у вас детских велосипедов?

— Только что последний взяли! А парнишка этот не ваш ли? — кивнул он на меня, скобками скидывая брови.

— Да, — сказала мама и, посмотрев на меня, грустно улыбнулась.

— Ай-яй-яй, что же ты, малыш, раньше не спросил? Ты же первый пришел. Ну, ничего, беды тут никакой нет. На днях поеду на базу и привезу для тебя самый лучший. Будь уверен!

— Нам он сегодня был нужен... — заметила мама и положила мне руку на плечо. — Идем, Мансурджан. До свидания, Шабора-ака...

— До свидания, — продавец приложил руку к груди. — Заходите на днях, поеду на базу и привезу, как обещал... — долетело до нас.

Мы молча пошли по улице. Руку матери оттягивала тяжелая сумка, из которой выглядывали три бутылочных горлышка. Одно из них обернуто сереб-

рляной бумагой. Шампанское... Из-за этих никому не нужных бутылок мама опоздала... Из-за них у меня нет велосипеда...

Подошли к нашей калитке. Я отворил ее, пропуская маму. Во дворе около крана без рубашки стоял отец и, кряхтя от удовольствия, плескал себе на плечи воду. Увидев нас, он удивленно выпрямился.

— А где же велосипед?— спросил он.

— Из-под носа увели. Опоздали из-за этих вот покупок,— сказала мама, передавая отцу тяжелую сумку. И направилась в дом.

— Я что-то не совсем понял,— говорил отец, шагая следом и вытираясь на ходу полотенцем.— Объясни, пожалуйста, толком...

— Что тут непонятного? Пока я стояла в очереди за продуктами, купили последний велосипед.

— Хм,— отец оделся, взял с подоконника пачку «Казбека», закурил. Но тут же придавил в пепельнице папиросу, порывисто обернулся к матери:

— Кто-нибудь знакомый купил?

— Не знаю. Я не видела.

Отец вопросительно посмотрел на меня.

— Высокий дяденька, в шляпе... — пробормотал я едва слышно.

— В шляпе... Должно быть, приезжий. А ну, пошли!— Отец хлопнул меня по плечу.— Мы наверняка застанем этого человека на автобусной станции. Автобус ведь еще не уходил, так? Он, я думаю, уступит нам по случаю твоего дня рождения.

— Что вы такое выдумали?— крикнула мама нам вслед.

Но отец решительными шагами пошел к калитке. Я побежал вперед и протянул было руку, чтобы отворить ее. Но калитка вдруг распахнулась сама, едва не угодив мне по лбу.

В нее влетел раскрасневшийся от бега Алим.

— Велосипед... Мансур... Велосипед...— пытался выговорить он.

Мы не успели ничего понять, а в калитку уже входил, пригибая голову, незнакомый мужчина. На плече его покоилась рама велосипеда. Я уставился на гостя: это был тот самый, в шляпе, которого я видел в магазине.

— Акмал! Дружище!— закричал отец и широко раскинул руки.

— Шариф! Ха-ха!..— вошедший торопливо построил велосипед к дувалу и тоже развел руки. Они с отцом обнялись, стиснули друг друга так крепко, словно боролись. И оба приговаривали:

— Сколько лет, сколько зим...

Я впервые видел, чтобы отец вел себя так. И растерянно поглядывал то на этих двух мужчин, хлопающих друг друга по спинам и хохочущих, как мальчишки, то на велосипед. А Алим уже подскочил к нему, уже трогал рукой то колесо, то раму, то насос. Словно бы не верил, что велосипед настоящий. Разве можно вот так, без позволения, хвататься за чужую вещь?

— Поди-ка сюда, Мансур, — окликнул меня отец.— Познакомься, это и есть дядя Акмал.

Я смущенно протянул гостю руку.

— Здравствуйте...

Дядя Акмал притянул меня и вдруг крепко обнял.

— Каким джигитом стал, а? Ты смотри, Шариф, не успели мы оглянуться, а уж восемь лет прошло. Ай-яй-яй, как время бежит...

— Дядя Акмал, я и мама вместе учились в университете, сынок,— сияя глазами сказал отец.— Когда дядя Акмал уезжал в Хорезм, тебе было всего четыре года... Чего же мы здесь стоим?!— спохватился он.— Шарофат... Шарофат! Взгляни-ка, кто приехал!

Торопливо стуча каблуками, мама сбегала с крыльца.

— Наконец-то вспомнили про нас, Акмал,— засмеялась она, здороваясь с гостем за руку.

— Работы много было... Вот, еду защищать диссертацию,— сказал дядя Акмал и почему-то покраснел. Потом хлопнул себя по лбу, обернулся ко мне, кивнул на велосипед:

— Мансурджан, это тебе ко дню рождения. Поздравляю тебя!

— Откуда ты знаешь день его рождения?— удивился отец.

— Не забыл, как отмечали в общежитии эту дату.

— Вижу, память у тебя осталась прежняя!— засмеялся отец и широким жестом пригласил гостя:— Ну, друг, окажи любезность, войди в мой дом.

Я пальцем поманил отца. Приподнявшись на цы-

почках, пригнул к себе его голову и шепнул в самое ухо:

— Это он купил в магазине велосипед...

Отец приложил палец к смеющимся губам.

Взрослые ушли в дом. А я остался возле велосипеда. Присел на корточки рядом с Алимом, и мы стали молча и старательно ощупывать никелированный насос, черные, пахнущие дегтем покрышки, кожаную кобуру для инструментов...

ЕГО ЗОВУТ КУЧКАР

В тот день у нас не было последнего урока. Поэтому домой я возвратился раньше и очень веселый.

— Бабушка, я пришел! — закричал я, открывая калитку.

Я привык встречать бабушку во дворе. Она не может сидеть сложа руки и то разжигает тандыр, то поливает двор, расплескивая воду ладонью из ведра. Или найдет себе другое дело. Но сегодня наш двор показался мне таким пустым, даже защемило сердце. Нет бабушки... Где же она? Я вбежал в дом — и там ее нет. Отворил дверь в бабушкину комнату. Вот она, лежит с закрытыми глазами на постели около стены. И чуть постанывает. Я так и обмер — бабушка никогда не ложилась в эту пору, ни разу при мне не стонала. Я растерянно вертел в руке портфель и не знал, куда его деть.

Бабушка почувствовала, что около нее я.

— Чего, сынок, не раздеваешься? — сказала она еле слышно. — Голова что-то кружится...

И я не расслышал ее слов, а понял по шевелящимся губам, что она сказала. Испугался. Бросив портфель, опустился на колени и ладонями обхватил ее голову. Какая она горячая! Все ясно, надо бежать за врачом. Оставив бабушку одну?

Бабушка провела ладонью по моей руке.

— Не беспокойся, сынок, это пройдет... Загляни кошке в глаза, узнай время...

У моей бабушки есть одна странная привычка. Время она узнает по глазам кошки. В доме висят огромные часы, самые большие, какие нашлись в магазине, они отбивают каждый час. Но бабушка не

слушает боя. Она говорит, что глаза кошки — самые верные часы, а те, что на стене, возьмут да и обманут.

Даже тесто бабушка месит, заглядывая в глаза кошке, и обед готовит по ним...

Кошка лежала здесь же. Свернувшись клубком, Я поднял ее на руки и заглянул в правый глаз (левый она не открыла, такая была сонная).

— Черточка,— сообщил я.

— Значит, полдень, тебе есть пора.

Бабушка заворочалась и попыталась встать. Не смогла...

— Разожги самовар,— велела бабушка.— Хоть попьешь чайку. Мама не придет, она в поле обедать будет. Нет, я встану... Уф-ф, голова кругом...

Приподнявшись, бабушка ложится опять.

Моя мама водит трактор, и у нее сейчас много работы в поле. А отец уже три дня, как уехал на ферму, к чабанам. Приедет не скоро. Но бабушка не может ждать...

Я вынул из сундука дастархан, развернул его и отломил кусок зачерствевшей лепешки. Жевал его, прямо из кувшина запивая простоквашей. Ух, ты, вкусно!..

— Ты поспи, бабушка, я за врачом,— сказал я.

Но в амбулатории врача не оказалось: она уехала в бригаду. Надо ждать... Когда к вечеру пришла мама, бабушке стало еще хуже. Ночью мама не ложилась, а едва небо посветлело, разбудила меня и послала за врачом.

Она еще спала.

— Кучкар? Тебе чего не спится?— крикнула сердито, когда я стал звать ее.

Узнав о болезни бабушки, она встала, быстро собралась, и мы пошли к нам. У нас же мама то плакала, то пыталась что-то объяснить врачу. Они вместе вошли в комнату, где лежала бабушка, а меня не пустили.

Часов в восемь пришел Гани. Он всегда заходит ва мной, когда идет в школу. Я собирал в портфель книги, а Гани с любопытством разглядывал меня: у него бабушка никогда не болела.

Но тут дверь отворилась, и вышли сначала врач, а следом мама. Врач расстегивала пуговицы халата и говорила:

— И делайте все, что я велела. Какая досада, что у меня кончилось это самое нужное лекарство.

— Что делать? — беспокоилась мама.

— В город бы кого послать.

— Ладно! — я тотчас отбросил портфель. — Я поеду!

Врач улыбнулась матери:

— А ваш сынок молодец!

Но мама только головой покачала. Она сказала, что я еще ребенок. Врач взглянула на меня своими большими, внимательными глазами, словно испытывала.

— Так сделаем. Пусть твой друг скажет в школе, что ты уехал в город за лекарством, — сказала она, вынимая блокнот. — Я напишу рецепт. А ты бывал в Ташкенте?

Ответила мама:

— На Эски-Джува живет его тетья. Кучкар, ты езжай прямо к тете. Слышишь? Она найдет лекарство...

— Я сам!

— Нет, нет, заблудишься.

— Ладно, поеду к тете, — сказал я, решив сделать по-своему.

Врач вырвала листок и протянула мне. Гани ждал, мы вышли на улицу вместе.

— Рано сейчас, машины ходят редко, — сказал Гани. — Бежим к нам, я дам тебе велосипед. А от райцентра до города автобусом доедешь быстро.

А ведь Гани так любит свой велосипед...

...Я жал на педали что есть силы и скоро домчал до автобусной станции. Оставив велосипед у знакомых, живущих, по счастью, рядом, я сел в автобус. Ехали быстро, но я все не мог дождаться, когда покажется Ташкент (когда спешишь, время тянется).

Кончилась дорожная пыль, мы въехали на широкую и тенистую улицу. Сколько народа! Автобус остановился: Ташкент!

Я вышел и задумался. Что, ехать к тете? А дома ли она? Попытаюсь-ка сам найти аптеку.

Я остановил толстого прохожего в соломенной шляпе и спросил, как доехать до аптеки, на автобусе или трамвае.

— На своих двоих, — засмеялся он. — Вот она.

Оказывается, аптека была на другой стороне улицы. Я кинулся через дорогу — сразу закрипели

тормозами две «Волги» и один пикап. Шофер пикапа выставил из кабины такой огромный кулачище, что я испугался. С разбегу влетел в аптеку и протянул рецепт девушке в белом халате. Но она, едва взглянув, вернула рецепт.

— У нас этого лекарства нет,— сказала она и подумала. — И не скоро будет.

Во болезнь! Какое редкое лекарство выписали бабушке. Его нет даже в городской аптеке. Я попытался разобрать написанное на бумажке. Не стоит и пытаться. Какие-то каракули! Мне бы за такое учительница поставила единицу. Девушка, правда, разобрала, но что толку? Лекарства-то нет. Значит, бабушке станет еще хуже?

Девушка-аптекарь взглянула на мое растерянное лицо и засмеялась:

— Чего стоишь? Иди в другую аптеку. В первую езжай, там все лекарства бывают.

Я вышел на улицу. Не хотелось останавливать прохожих и задавать вопросы. Опять посмеются, как тот, в шляпе. Я сложил рецепт вчетверо, сунул в нагрудный карман и зашагал по тротуару. С краю над арыком росли большие чинары и шелестели кронами. В их тени было прохладно. А по сторонам улицы построены такие огромные дома, что их крыш не видать. По асфальту катились троллейбусы и обгоняли друг друга легковые автомобили, позвякивали трамваи... По белой табличке, прибитой на углу одного дома, я узнал, что шагаю по улице Навои. Во, что значит город! Здесь отыскать любую улицу проще, чем у нас в кишлаке.

Я и не заметил, как за мной увязалась черная дворняга с овцу величиной. Не отстает. Я на всякий случай подобрал камень. «Сейчас ты завоешь у меня». Но тут вспомнил, что я иду по улице большого города, вокруг люди, а у меня камень в руках. Я оглянулся и отбросил камень. Он скатился в арык и нырнул в воду. В общем, я ловко отделался от хлопот: завизжи ушибленная камнем собака, прибежит хозяин. Он позовет милицию... Я даже вспотел от страха.

Дворняга отстала. Около одного дома ребята играли в лапту. Я решил спросить их, где здесь аптека, и подошел. Один, что был повыше, поймал мяч рукой. Затем, уперев в бока кулаки, уставился на меня.

— Ну, чего нужно?

И нагнул голову так, словно хотел боднуть меня.

— Ничего,— говорю,— я только хотел...

— Нет, вы подумайте, он хотел! А ну, вали отсюда!— рывкнул он. Я попятился, а он неожиданно схватился за козырек и, дернув, напялил мне кепку на глаза. Тут уж я разозлился. Поправив кепку, стал искать камень (парень был выше меня, так его не одолеешь). Но камня не было, а парень подскочил и толкнул меня плечом. Тут из-за угла выскочили трое ребят. Я подумал, что это его дружки, и хотел кинуться наутек. Но ребята вдруг схватили хулигана за руки.

Парень, который цапал меня за кепку, рвался, махал руками, но его крепко держали.

— Пустите! Пусти, говорю!..

— Пустить тебя?— кричали ему.— А ты будешь задирааться? Нет уж!

— Ведите его в штаб,— скомандовал один мальчик. Он обернулся ко мне:

— А ты из кишлака, наверное!

Я кивнул и только теперь заметил, что у ребят, заступившихся за меня, на рукавах были красные повязки. Это же пионерский патруль! Мне повезло...

— Куда ты шел?— спросил меня командир патруля.

— Мне надо первую аптеку.

— Зачем в первую? Тебе нужно редкое лекарство?

Я кивнул.

— У меня бабушка сильно заболела...

— Я покажу ему, где аптека, и вернусь,— крикнул мальчик товарищам, которые уводили брыкавшегося задиру.— Ждите в штабе!

— Еще раз лягнешься,— говорили хулигану ребята из пионерского патруля,— мы тебе во как подадим.

— Поедем трамваем,— сказал мне провожатый.— Это рядом.

Через несколько минут мы были в аптеке. Дружинник взял у меня рецепт, встал в очередь.

— Вот как это у нас делается,— сказал он, протягивая мне лекарство.— Назад найдешь дорогу?

— А какой трамвай идет к сырдарьинскому автобусу?

— Не найдешь,— сказал провожатый и хлопнул меня по плечу.— Что же, едем.

Снова мы в трамвае, стоим на задней площадке. Трамвай покачивается, на стыках рельсов его колеса постукивают. Я посматриваю на своего нового товарища. Он плотный, в школьной форме. На голове фуражка с черным козырьком. Когда трамвай останавливается, он называет остановку.

— Запоминай, пригодится на будущее,— говорит он.

На одной из остановок, не успела полностью открыться дверь, в трамвай впрыгнул шустрый и толстый мальчуган. Его глазки мигом отыскивали единственное свободное место. Он уселся, уставясь в окно. Тут же в вагон вошла, держа в одной руке палку, а в другой сумку, старушка.

Мужчина подсадил ее, помог войти. Но свободных мест не оказалось (толстый мальчишка смотрел в окно и ничего не хотел замечать).

Тут мой новый товарищ не выдержал. Он подошел к мальчишке и сказал:

— Ну-ка, уступи место бабушке!

Мальчишка покраснел, как свекла.

— Я же не видел,— пробурчал он, вставая.

Старушка села и стала благодарить их обоих:

— Спасибо, детки, растите здоровенькими...

— И еще ты не взял билет,— дружинник сверлил глазами мальчишку.

— А и верно,— удивился толстый.— Во, склероз!

Он копался в кармане, но дружинник не отошел, пока тот не бросил в кассу монетку.

...На автостанции он ждал, пока я купил билет. Мы вошли в автобус и отыскивали мое место.

— Садись,— сказал мой новый товарищ,— счастливо тебе доехать. Платком махать не буду, меня ждут в штабе.

Я смотрел, как он побежал к остановке и на ходу вскочил в трамвай. На площадке оглянулся — я изо всех сил махал ему рукой. Ага, заметил!

...До райцентра я доехал быстро, а там мигом прикатил на велосипеде в кишлак. И врач, и мама, завидев меня из окна, вышли навстречу.

У мамы успокоенно разгладилось лицо. Напрасно она волновалась!

— Ну, привез?— деловито спросила врач.

Я извлек из кармана и отдал ей коробку с ампулами и порошки в пакетике. Врач пошла кипятить шприц для укола, порошок сразу дала бабушке.

— К вечеру жар спадет,— сказала врач.— Но я найду.

— Садись, кушай, сынок,— хлопотала мама.

Да, я проголодался, но что-то мешало спокойно есть. Все не выходил из памяти дружинник с красной повязкой на рукаве. Не будь его, разве я управился бы быстро? А я даже имени его не спросил...

Вечером ко мне зашел Гани — показал уроки. Он беспокоился, цел ли его велосипед и достал ли я лекарство. Во дворе он чуть не обнимался с велосипедом. Я рассказал Гани, что приключилось со мной в городе и какой я оказался неблагодарный. Теперь тот дружинник решит, что все кишлячные ребята такие...

— Надо письмо ему написать!— придумал Гани.

— Во чудак! Я битый час толкую, что имени его не спросил. А ты — письмо...

Подумав, мудрый Гани сообразил:

— Он, наверное, получает «Гулхан». Городские все получают.

— Ну и что?

— Как что?— удивился моей недогадливости Гани.— Мы напишем в «Гулхан», он получит журнал и прочтает.

— А если не прочтает?

— Э-э, толкуй с тобой,— сморщился Гани.— Сам не прочтает, другие расскажут.

Тут мама что-то сказала мне. Я не разобрал.

— Вы что-то сказали, мама?— переспросил я.

— Это я, сынок,— отозвалась бабушка, повернув голову в нашу сторону.

Со вчерашнего дня я не слышал бабушкиного голоса. И очень обрадовался. Мама тоже повеселела: помогло лекарство!

— Городской мальчик — очень хороший мальчик,— сказала бабушка. — Когда будешь писать ему, не забудь от меня передать «большое спасибо». Сколько там времени?— спросила она меня.— Да не смотри на эту глупую железку, гляди кошке в глаза.

Кошка спала. Я пошевелил ее — она открыла левый глаз.

— Зрачок, как зернышко миндаля,— сказал я.

— Пять часов вечера, дела стоят, а я все лежу да лежу,— заохала бабушка.

Да, она поправлялась!

Я поскорее вырвал листок из тетради и задумался. Что писать? Гани придвинулся поближе и тоже стал думать. Нелегко, оказывается, писать письма в «Гулхан». Сперва не мог найти нужных слов, а потом увлекся и выложил все. А в конце написал: «Меня зовут Кучкар. Я живу в колхозе, в Сырдарьинском районе. У нас большие сады и много-много фруктов. Если мой неизвестный друг найдет время, пусть приезжает в гости. Мы пойдем удить рыбу. У нас замечательная река! Бабушка моя уже выздоравливает и передает большое спасибо за помощь. Гани, мой друг, шлет привет. Приезжай, дорогой брат, ждем!»

ШЕСТЬДЕСЯТ КОПЕЕК

Батыр сбросил коньки и посмотрел на часы: до начала уроков оставалось пятнадцать минут. Коньки в капельках от налипшего снега он сунул в портфель, проверил, не свисают ли ремешки, и, следя мокрыми ботинками, поднялся на школьное крыльцо.

Отворил дверь и остановился на пороге.

Около стола, который целую вечность без пользы стоял в углу вестибюля, толпились ребята. Стол накрыт красной скатертью, на нем разложены книги. Их обложки пестреют нарядно, издали притягивают глаза. Рядом — стопки тетрадей, карандаши...

Ребята торопливо раздевались у гардероба и бежали к столу: строилась шумная очередь.

За ней наблюдал парень с красной повязкой, знакомый старшекласник. Батыр дернул его за рукав.

— Выставка, что ли?— спросил, он, кивая на стол.

— С сегодняшнего дня в нашей школе работает книжный киоск без продавца,— отчеканил дежурный и отвернулся. Видно, устал уже отвечать на один и тот же вопрос.

Только теперь Батыр заметил: на книгах и тетрадях лежали треугольнички, вырезанные из голубой бумаги. На них — цены.

— А кому платить-то?— удивился Батыр.

— Выберешь нужное, бросай деньги в кассу.

Дежурный указал на небольшой высокий ящик, похожий на урну, куда во время выборов опускают бюллетени.

— Понятно,— сказал Батыр. И понуро отошел в сторону.

...В классе пока было пусто. Все, конечно, торчат в очереди! Исама, по крайней мере, он там видел. И сделал вид, что не заметил.

Батыр подошел к своей парте, сел. Насупился. Такие книжки в киоске, а в кармане, как нарочно, ни гроша! Но зато куплены коньки! Целый месяц копил, истратил, кроме того, рубль двадцать копеек — все, что дал ему отец на подписку «Пионерской правды». Да еще у Исама взял займы пятьдесят копеек. У того, конечно, и сегодня есть деньги: ему каждый день дает на завтраки мать. (Батыр берет сверток с едой из дома).

Но у Исама не попросишь...

Стыдно: он так и не дал ему вчера покататься на коньках. Ни разочка! Правильно: сам первый раз вышел на лед, самому безумно нравилось скользить вдоль и поперек болота, слышать, как гудит в ушах то ли ветер, то ли сухой камыш, по пояс вмерзший у берегов в лед. Все равно надо было дать покататься Исаму. Он, кажется, долго стоял, все ждал, что Батыр предложит попробовать.

Да где там, не дождался...

Задрезжал звонок. Ребята входили в класс, и почти у каждого в руках была одна, а то и несколько книг. Хлопая партами, шумно рассаживались по местам. Эх, пожалел Батыр, не поспеши он вчера с покупкой коньков, тоже сейчас перелистывал бы книгу, пахнущую подснежниками (ему почему-то кажется, что все новые книги пахнут именно так).

Каждый выбрал покупку на свой вкус, и книги оказались самые разные: толстые и тонкие, про войну и пионерские дела, с цветными картинками и нарисованными простым карандашом. И теперь ребята грудились вокруг парт и, навалившись друг на друга, рассматривали картинки. А счастливые владельцы то и дело громко повторяли название книги и имя автора.

— Во! «Морская душа»!

— Гута... Гутта-пер-чевый мальчик!

— Какой-какой?

— Говорю же: Гута... перч... Гимнастика это, не понимаешь?

— Гай-дар! «Военная тайна»!

— Ро-бин-зон Кру-зо! Дэ-фо...

«Робинзон Крузо»!? Батыр подскочил на парте. Он же читал ее! В лагере, в прошлом году... И с тех пор мечтал достать эту замечательную книгу! Он не выдержал, подошел, нетерпеливо глянул через головы ребят.

— Смотри! На нем козья шкура! Чабан, что ли? — засмеялся кто-то.

— Ха, чабан! Путешественник он! — закричал Батыр и тоже навалился на чью-то спину. — Потерпел кораблекрушение!

— О-о, — ахнули внизу. — Нога!

— След, как у великана...

— Босиком по песку ходил...

Батыр хотел все объяснить. Но тут очень некстати в класс вошла учительница. Все нехотя разошлись по местам.

Начался урок арифметики. Учительница довольно поглядывала на Батыра: никогда он не сидел на ее уроке так тихо, вечно вертелся. А Батыр думал о книге... Он не читал другой, такой же интересной... В ушах, сплетаясь со скучным голосом учительницы, диктовавшей цифры, поскрипывал лед, тускло сверкало стекло болота. Вот появился на льду отпечаток босой и огромной ноги... Пятница!.. Нет, не Пятница... Это Исам. Сутулится от холода, но все торчит на берегу, в камышах, потирает варежкой раскрасневшиеся уши и, приплясывая на месте, ударяет сапогом о сапог...

...Зазвенел звонок. «Кончилась арифметика?» — не поверил Батыр. Обычно она тянется раза в два дольше, чем, скажем, литература.

Но учительница, взяв журнал, вышла из класса.

Кто-то из ребят крикнул:

— Айда в хоккей играть!

Толкаясь в дверях, все кинулись на улицу. Класс опустел.

Батыр очнулся, как после тяжелого сна. Вышел в коридор. С тревогой оглядел стол: на нем все еще лежали книги. Их стало заметно меньше... Батыр оглянулся по сторонам — никого нет. Ребята во дворе

гоняют мяч, сюда доносятся их голоса, приглушенные двойными рамами. Батыр подошел ближе к столу. Около него четверо ребят рассматривали книжку. Он сразу узнал ее — по обложке. И чуть не крикнул: «Не трогайте, это моя!» Но вот ребята, споря о чем-то, с книгами в руках прошли по коридору, вышли на крыльцо.

У Батыра заколотилось сердце. Невидимая сила толкнула его вперед. Книга — последняя из стопки! — еще лежала на столе. Он взял ее в дрожащие руки и, больше глядя по сторонам, чем на страницы, стал листать. Поплыл куда-то, отступил стол, стены, окна... Ни о чем не думая, почти машинальным движением, Батыр сунул книгу за пазуху. И спеша так, будто за ним гнались, вбежал в класс. Притворил за собой дверь. Уселся на место и, воровато оглянувшись, вытащил книгу. Быстро толкнул в парту. В портфель она не влезала — мешали коньки. Батыр дернул за ремешок, и коньки с грохотом упали на пол. Испуганно оглянувшись, он сунул на их место книгу. Щелкнул замком портфеля и вытер ладонью выступивший на лбу пот.

...Следующий урок был литература. Батыр все еще не мог прийти в себя. А учительница начала урок с того, что спросила:

— Ну-ка, покажите, какие книги вы купили сегодня в киоске?

У Батыра замерло сердце испуганным зайчишкой. А учительница и ребята заговорили о купленных книгах. Не могли придумать другой темы... О-о... Батыру казалось: у него не хватит до конца урока сил... Чтобы деть куда-то глаза, он уткнулся в «Книгу для чтения».

— Закрой учебник, Батыр, — мягким голосом, который так нравился ему, сказала учительница. — Скажи нам, какую книгу выбрал ты?

Батыр подскочил, как ужаленный. Ему послышалось:

— Положи на стол книгу, что спрятана у тебя в портфеле!

— Я... не купил, денег не было... — сказал он, не смея поднять на учительницу глаза.

— Дать тебе денег? — спросила она.

Батыр молча, отчаянно замотал головой.

Он едва дождался конца уроков. Уже стоя возле гардероба, увидел: по коридору идет старшеклассник — тот, что дежурил возле киоска. Коньки выскользнули у Батыра из-под мышки и грохнулись об пол. Дежурный остановился, поглядел на Батыра: лицо мальчика стало белое, как стена вестибюля. Дежурный поднял коньки и, передавая их Батыру, спросил озабоченно:

— Заболел, что ли?

— Немножко... голова, — пролепетал Батыр и закашлялся (у него вдруг пересохло в горле). — На катке... вспотел, потом продуло...

Он пошел к выходу — на слабых, как во время недавней ангины, ногах. Скорее за порог, на улицу! А невыносимая эта, стопудовая тяжесть пусть останется здесь, за массивной дверью, среди молчаливых, холодных стен...

Вышел на воздух, на свет: широко, ясно... Его, и правда, отпустило немного.

...Когда в школе не осталось ни души, двое дежурных и пионервожатый стали пересчитывать содержимое ящика, похожего на урну. Дело в том, что в школе ответственность за киоск взяли на себя комсомольцы старших классов. У них не было сомнений в честности каждого из ребят.

И вдруг... Не хватает шестидесяти копеек! Как ни пересчитывай вырученные деньги и оставшийся товар, сумма не сходится, и все тут!

Неужели среди ребят из школы оказался вор? И вся затея с киоском позорно провалилась?!

Огорченные, ребята сидели в опустевшей школе, никак не решаясь разойтись по домам. Им казалось: уйти сейчас, значит поверить в то, что вор есть.

— Нет, нет, тут какое-то недоразумение, — твердил вожатый. Дежурные пожимали плечами.

Вдруг всех троих заставил оглянуться вкрадчивый скрип входной двери. В дверном проеме возник чей-то знакомый силуэт. Вошедший постоял секунду в нерешительности, потом направился к столу, на котором днем лежали книги.

— Батыр, ты? — удивленно спросил вожатый.

Голос его прозвучал так неожиданно громко, что дежурные вздрогнули.

Батыр окаменел.

— Я...— наконец едва слышно произнес он.— Я... взял в киоске книгу... «Робинзон Крузо».

Голос его чуть дрожал. Но мальчик вдруг почувствовал: у него с плеч свалился тяжелый камень. Он поднял голову и посмотрел вожатому в глаза.

— Тут шестьдесят копеек.

Протянул руку и разжал пальцы. На ладони блеснули серебряные монеты.

— Простите, пожалуйста... Я очень боялся, что до завтра этой книги не останется. А денег не было...— Батыр опустил голову.

— Напрасно беспокоился,— засмеялся вожатый.— Книг у нас много. «Робинзон» тоже есть, целая пачка.

Помолчали.

— Постой, постой!— вожатый озадаченно посмотрел на Батыра.— Ты же мог и завтра принести деньги?

— Ждать до утра?— Батыр замотал головой.— Я бы не мог уснуть.

— Что ж, я бы тоже не заснул,— сказал вожатый. И обернулся к дежурным:— Ну, что я говорил? Просто недоразумение!

— Значит, завтра снова открываем киоск?— спросил один из них.— Мне дежурить?

Вожатый кивнул.

— Готовьте денежки, джигиты!— крикнул второй. И вдруг подпрыгнул так высоко, что достал рукой лампочку, свисавшую с потолка.

ВСТРЕЧА В СТЕПИ

Джура все смотрел на реку и не мог насмотреться. Сколько воды! Как течет! Он много слышал о красавице Сырдарье, читал, но увидеть своими глазами! Сырдарья оказалась в тысячу раз лучше, чем он представлял. Широко катит она свои воды, плещет у берегов, поросших густым камышом, а местами покрытых чистейшим песком.

Резкий гудок заставил Джуру оторвать глаза от реки. Он обернулся и увидел «газик» отца. Отец вышел и стал протирать тряпкой пыльное стекло. Джура подбежал:

— Что, уже едем?

— Едем, сынок... Тебе уже надоело здесь?— спросил отец.

— Да нет...— пробормотал Джура и полез в машину. Не мог же он сказать отцу, что ему хочется побыть тут еще. Ведь у отца миллион дел, его ждут в других местах. Но отец, прочитав, как всегда, мысли сына, сказал:

— Ничего, Джураджан, не расстраивайся. Мы еще приедем сюда. Это хорошо, что не только город, а и природу любишь. Ну, в путь.

— На таран!— закричал Джура.

Машина въехала в заросли тугая, подминая то гибкие камыши с белыми метелками, то огромную, в рост человека, осоку, а там и молодые побеги корявого саксаула. Наконец, отфыркиваясь, «газик» выскочил на дорогу. И побежал по ней навстречу степи, к пасущимся отарам и вольным табунам коней.

Теперь Джура, как зачарованный, смотрел на степь: очень красивая. Так увлекся, что не сразу заметил: машина нагоняет двух седоков, ехавших на одном верблюде. А они махали шапками и что-то кричали. Ха! Ребятишки! Отец Джуры затормозил.

— В чем дело, ребятки?

— Вы в город едете?— крикнул впереди сидящий мальчик, постарше.

— Возьмите меня с собой, пожалуйста!..

И сидящий сзади, помладше, словно эхо, повторил:

— Возьмите его с собой, пожалуйста!

А верблюд этак свысока смотрел на маленький «газик».

— Ладно,— сказал отец Джуры,— садись в машину.

— Спасибо, дяденька,— враз ответили оба мальчика и закричали верблюду:

— Чух! Чух!

Верблюд послушался. Он сначала согнул передние ноги, уперся коленными мозолями в землю, потом, постояв немного (мальчики вцепились друг в друга), подогнул задние ноги. Тогда первый мальчик, ухватившись за седло, сполз на животе, а второй криком снова поднял верблюда и, попрощавшись, направил его в сторону пастбища. Верблюд, поглядывая на Джуру весьма снисходительно, ушел.

— Как тебя зовут, мальчик?— спросил отец Джуры.

— Кулгат.

— Ну-ка, Джура,—сказал отец, — садись рядом с Кулгатом, чтобы гостю не было скучно.

Джура помялся — очень не хотелось уходить с переднего места, но все-таки пересел. По ровной и мягкой степной дороге «газик» не ехал — летел. Мальчики молчали, поглядывая друг на друга, не зная, с чего начать разговор. Первым нашелся Джура:

— А тот мальчик, что уехал на верблюде, твой брат?

— Тура? Ага, он мой брат.

И опять замолчали. Джура мучительно думал, что бы такое рассказать новому знакомому, о чем бы с ним завести разговор? Кулгат — гость, его нужно развлекать. Но о чем можно говорить с мальчиком из степи? О верблюдах? Будь Кулгат городской, Джура рассказал бы ему, как он любит природу, какие видел ущелья, горы, реки.

Ведь Джура побывал даже в песках Кызыл-Кумов и сам видел, как движутся барханы. Он, Джура, часто ездит с отцом, а тот — известный ветеринар. Тогда в Кызыл-Кумах он спас от страшной болезни — капанак — множество овец и коз. И он, Джура, помогал отцу.

А может, рассказать о школе? Какая у них в городе школа, огромная, прохладная, какие кружки в ней работают. Или как пионерские сборы проходят? Шуму-то, шуму!..

Но будет ли мальчику из степи это интересно?

Вдруг Кулгат показал глазами на отца Джуры, сидящего за рулем, и спросил:

— Отец твой всегда на этой машине ездит?

— Да.

— Так почему ты в ней не установишь приемник?

— А разве можно в «газике»?

— Можно, можно,— закивал Кулгат. — У нас на ферме тоже «газик», на нем Каххар-ака ездит. Когда ему исполнилось пятьдесят лет, наш радиокружок сделал ему подарок, установил в «газике» радиоприемник. Ничего, работает!

— Разве у вас в школе есть радиокружок? — недоверчиво спросил Джура.

— Ты думаешь, кружки только в городских школах бывают? — Кулгат засмеялся.

— А телевизор у вас есть?

— Сколько хочешь! На ферме, и в школе, в красном уголке... В домах у чабанов... У нас тоже — цветной!

Джуре почему-то расхотелось говорить на эту тему, и он переменял разговор. Машина ехала теперь узкой проселочной дорогой, пересекающей ярко-зеленую степь. Видно, пастбище какого-то колхоза, подумал Джура.

— Правда, красиво? Нарисовать бы? — сказал он Кулгату и добавил: — Я вот очень люблю дикую природу.

И вдруг Кулгат стал развязывать платок, опоясывавший его новенький халат, потом расстегнул егор рубашки. Джура во все глаза смотрел на своего нового приятеля. Что тот задумал? А Кулгат вытащил из-за пазухи завернутое в газету — книжку что ли? — и стал торопливо разворачивать. Это оказался альбом для рисования. Кулгат раскрыл его.

— Я рисую. В наших краях много красивых мест. Посмотри.

И что же! На первой странице Джура увидел Сырдарью — так поразившую его. Правда, видна была не река, делавшая в этом месте крутой поворот, а ее пологий берег, по которому спускалась к воде отара. Впереди шагал козел с колокольчиком на шее и два чабана по бокам козла, а позади отары — огромная овчарища.

Джуру особенно поразила собака — ну, совсем как живая! Он сказал Кулгату:

— Красивый, зубы у него, поди, как у волка.

— Это мой Арслан, — ответил Кулгат. — На самом деле он еще лучше, у меня неважно получилось...

— Нет, хорошо, — заспорил Джура. — Очень... Ты, Кулгат, просто художник!

— Да я же занимаюсь в кружке рисования, — ответил Кулгат. — Не один я. У нас многие ребята рисуют.

Джура чуть не спросил: «У вас в школе и кружок рисования?!» Да хорошо, вовремя сдержался.

А Кулгат продолжал:

— Вот жалко, ты не увидишь рисунка, который я на конкурс к вам, в Ташкент, послал. Учитель гоелит, он лучше всех.

— На конкурс?— удивился Джура.

Кулгат раскрыл альбом, достал, заложенный между страницами, листок бумаги и подал Джуре. Тот прочитал: «Уважаемый Кулгат Сафаров! Твой рисунок «На пастбище» получил вторую премию на областном конкурсе детского творчества, посвященном фестивалю...»

«Вот это да», — охнул про себя Джура, а вслух только спросил:

— Альбом-то зачем везешь? Еще премию надо?

— Нет, подарю фестивалю.

А Джуре было стыдно. Ведь этот мальчик с далекой степной фермы умеет в тысячу раз больше, чем он, Джура, живущий в городе. Рисует, приемники монтирует, на верблюде ездит... всего и не перечислишь. А он еще гадал, о чем ему говорить с Кулгатом, боялся, поймет ли. Э-эх!..

«Газик» давно уже катился по асфальтированному шоссе, с растущими по сторонам тополями. Потом въехал в узкую улочку районного городка.

— Тебе куда нужно, Кулгат? — спросил отец Джуры.

— В горком комсомола сначала, — важно ответил Кулгат. — А завтра все участники конкурса, значит и я, поедут в Ташкент...

— У тебя есть, где ночевать?

— Здесь моя тетя живет.

Отец остановил машину. Он мигнул Джуре.

— Когда в Ташкенте будешь, заходи к нам, — сказал Джура.

— Обязательно, — кивнул отец Джуры. — И можешь гостить у нас, сколько захочется.

— А как я вас найду? Город-то большой.

— Джура, напиши адрес.

Кулгат поблагодарил, спрятал в карман бумажку с адресом, которую протянул ему Джура. И зашагал к двухэтажному белому зданию. Джура с отцом провозжали мальчика взглядом.

И по дороге в Ташкент Джура, пересевший к отцу, говорил, что будет рисовать и обязательно подготовит к следующему фестивалю свой подарок.

ЛЮТЫЙ

Счастлирое время — весна... В степи быстро тают обдутые ветром снега. Чабаны выгнали на пастбища отары, разбили шатры на берегу Сырдарьи.

Полноводная Сырдарья затопила прибрежные камыши и ближние озера-лужи. Птицам здесь раздолье! Издали видно, как они снуют над широкой водой. Утки крикают во все горло, гуси гогочут. Базар на всю округу!

Не удивительно, что мы с дядей Паччаханом чуть ли не каждый день спешим в эти места на охоту.

И сегодня мы в пути. Солнце еще жмурит сонный глаз на краю степи. А первый луч трогает бледным пальцем стволы дядиной двустволки и моего одноствольного ружья.

Вот и сай Борижар. Русло его сумрачно: густые заросли тамариска с двух сторон стерегут ночные тени. И снеговая вода, что шумно бежит по каменистому руслу, кажется особенно студеной.

Осторожно ступая, лошади переходят сай вброд. И, сразу повеселев, поднимаются на дорогу, ведущую к пастбищу.

А по дороге, облитой нежарким утренним солнцем, навстречу нам едут двое. Солнце мешает глядеть, но все-таки я узнаю в сидящем на коне Кучкара-ака, колхозного ветеринара. Рядом с ним копытит черный, низенький ишак чабана Исая-бобо.

Каким-то непонятным образом я угадываю по повам верховых: случилась беда. И с сожалением оглядываю степь. Она так свежа сейчас, привольна, и мне так хорошо ехать с дядей на охоту по дороге, чуть влажной от растаявшего инея... И так не хочется верить ничему плохому...

А путники все ближе. Теперь видны их лица, урюмые, явно расстроенные чем-то.

— Ассалом алейкум, — еще издали поспешно здоровается с ними дядя Паччахан (он, видно, тоже почувствовал неладное). Вслед за ним едва слышно и я бормочу свой салам.

— Ваалейкум, — коротко отвечает дяде Исая-бобо. Хмурый взгляд его, не замечая, скользит по моему лицу (обычно дедушка улыбается мне и шу-

тит).— В самое время ты повстречался нам, братец. Правь-ка за мной!

Крикнув «Хых!», Исая-бобо погнал ишака вперед. Кучкар-ака тоже проехал мимо, не останавливаясь, только приглашающе кивнул нам головой.

— Да в чем дело?— спросил дядя Паччахан.

Я почувствовал по его голосу: ему тоже не хочется расставаться с надеждами на удачную охоту. Но он поворачивает коня назад, догоняет Кучкара-ака. Моя смиренная лошадка послушно следует за ними. Втроем, бок о бок, мы молча едем за Исаем-бобо.

— Ночью волк саврасого задрал,— вдруг говорит Кучкар-ака.

Я с испугом смотрю на него. Только вчера я видел саврасого возле шатра Исая-бобо. Живого и не вредимого...

Проехав немного, Исая-бобо свернул и углубился в кусты. Следом и мы направили лошадей в мокрые заросли. Выезжаем на открытое место, а старый чабан уже спешился, стоит подле саврасого. Кучкар-ака и дядя тоже слезли с коней, передали мне поводья. Почуввав кровь лежащего на земле жеребенка, лошади захрапели, затоптались на месте. Я изо всех сил держал поводья, а сам, широко раскрыв глаза, смотрел на несчастного саврасого.

— Тут не один хищник орудовал, стая,— сказал дядя, рассматривая следы и райы на теле жеребенка.

— Четверо их... Лютый — вожак,— хрипло сказал Исая-бобо. И вдруг весь затрясся. — О горе! Не в моих силах расправиться с матерым волком... Куда делись джигиты, охотники-удальцы? Видно, не рождаются больше в нашей степи меткие стрелки...

Дядя Паччахан досадливо сдвинул на лоб ушанку.

Между тем Кучкар-ата взял свою походную аптечку. Развязал туго стянутую ремешком горловину кожаного мешка и вытащил темный пузырек. Гляжу, а на белой бумажной наклейке череп нарисовали и две скрещенные кости. Яд?!

С невольным страхом я смотрел, как здоровенный, раза в три больше обычного шприц ветеринара жадно, без остатка всосал жидкость из пузырька. Потом Кучкар-ака сделал мертвому жеребенку несколько уколов. (Я почему-то подумал: «Ему не больно»).

— Волки ночью опять придут к трупам, — поднявшись с корточек и протирая руки спиртом, сказал

Кучкар-ака.— Отведает мяса с моей приправой — и баста. Все до единого издохнут — к завтрашнему утру.

— Э-э,— безнадежно махнул рукой Исай-бобо.— Лютый не притронется к отравленному мясу. Уж мы, чабаны, знаем его: и под ружье не попадетсЯ, и яд учует, и самую хитрую западню обойдет стороной...

— Завтра увидим,— упрямо повторил Кучкар-ака.

И сев верхом, мы разъехались в разные стороны.

...Назавтра мы с дядей Паччаханом первыми прибыли на место.

Ночью похолодало, и на целую пядь выпал снег. В степи бело, ветки кустов согнулись под снежными шапками. Похоже, снова вернулась зима...

Верно предположил Кучкар-ака: ночью к саврасому опять приходили волки. На снегу я увидел множество их следов. А возле запорошенного трупа снег буквально перемолочен их лапами!

Но где же издохшие хищники? Мы стали искать по кустам. И метрах в десяти от страшной пирушки увидели: два волка, сплетясь телами, оцепенели, как уснувшие мухи. Чуть дальше обнаружили третьего. Этот, околевая, грыз зубами землю.

Подъехали Исай-бобо и Кучкар-ака. Мы показали им волков.

— Трое готовы!— довольно сказал ветеринар.

Но лицо Исая-бобо оставалось хмурым. Он внимательно рассматривал волков. Потом покачал головой:

— Лютого нет среди них...

— Ну, если ни капкан, ни ружье, ни яд не помогли, одно остается,— сказал дядя. — Борзая... Мансур! Беги в кишлак и приведи Окшункара.

...Солнце поднялось на высоту двух тополей, когда я привел Окшункара. Погладив несколько раз собаку, дядя передал повод старому чабану.

— Сделаем, как условились, аксакал, — напомнил он.— Пускать будете только после моего знака.

Исай-бобо молча кивнул и захлестнул петлей на руке ременный повод. Дядя и Кучкар-ака сели на лошадей.

— Пусть удача сопутствует вам!— Исай-бобо молитвенно, сверху вниз, провел ладонями по лицу.— Возле сая ищите в кустах. Если там нет, спускайтесь в овраг, в камыши. Думаю, там где-то спрятано у Лютого логово.

Держа в руках по булаве, всадники поскакали к Буррижару.

Мы со старым чабаном остались одни на дороге... Над степью повисла солнечная, немая тишина. Меня пугал теперь малейший шорох. А глаза так и всматривались вокруг, не пропуская ни одной подробности. Вот, голый кустарник качнулся — без ветра. Упал, подтаяв, снег с ветки? Или это бродят в нем проснувшиеся соки? Рядом, под ногами, шуршит чуть слышно. Тает комок снега на пучке старой травы? Или пробивается сквозь нее новая, и я слышу шорох ее роста?

Я оглядываюсь на Исая-бобо. Взор его, неподвижный, как у всех стариков, устремлен в сторону сая. Я тоже смотрю на серую путаницу кустов. Никого... Мне становится скучно, и я поднимаю глаза. Небо тоже пустынно. Только страшно высоко, раскинув черные серпы крыльев, парит орел, но и он неподвижен, как взор старика-чабана.

Зато Окшункар беспокоен: то вывесит свой красный язык, то начнет облизываться, то тихонько заскулит, то вдруг сладко зевнет — совсем не к месту. А уши борзой настороже, и горящие глаза неотрывно смотрят туда, где исчезли охотники.

Иногда собака переводит умные глаза на меня, и тогда мне передается ее нетерпение. И я снова всматриваюсь в далекие кусты — до тех пор, пока не начнут слезиться глаза.

Наконец мы услышали: кричат! Подняли волка?!

Сердце рванулось — одновременно с борзой. А та, дернув повод, ухитрилась стащить Исая-бобо с ишака. Но он все равно не выпустил повод. Удивительно быстро для своих лет вскочил с земли и крепко ухватился за ошейник.

Борзая скулила и скребла когтями землю.

И тут я увидел волка... Он вынырнул из тамарисковых зарослей возле сая и невероятно быстро бежал в нашу сторону. Ни дяди, ни Кучкара-ака не было видно. Ноги у меня стали ватными. Волк совсем рядом, а их нет!

Тут старый чабан заорал на волка — что есть мочи. Я же, вовсе онемев, остановившимися глазами смотрел на Лютого. Он показался мне огромным — не меньше ишака Исая-бобо.

Но случилось странное: крики безоружного старика напугали хищника. Он резко свернул в сторону, к пастбищу.

И в ту же минуту, подняв снежную пыль и ветер, мимо проскакали охотники.

— По кругу гоните! — успел крикнуть им Исай-бобо.

Улюлюкая, как дюжина мужчин, всадники неслись за волком. Миг — и они были уже далеко.

— По кругу нужно гнать, — все повторял бобо.

— Почему?

— Иначе уйдет.

Старый чабан привстал с ишака, приложив козырьком ладонь ко лбу.

— А, шайтан, не вижу! — заругался он. — Ты смотри!

Я тоже привстал в стременах и приставил ладонь к глазам.

— Дядя... скачет наперерез!

— Так... Так... — одобрительно кивал головой Исай-бобо.

— Волк на открытое место свернул...

— Хорошо! С какой стороны от волка скачут всадники?

— С правой... А что?

— Так надо...

Между тем, сделав круг, волк снова приближался к нам. Хрипя, Окшункар рвался из рук старика. Но тот крепко держал собаку. Лютый нас, казалось, не замечал. Бежал, повернув голову вправо, все время искоса глядя на своих преследователей.

Теперь и я закричал вместе с Исаем-бобо, отгоняя волка. И снова Лютый свернул к пастбищу. Он потерял, мне показалось, прежнюю легкость в беге. И был так близко от нас, что я не выдержал, закричал:

— Пускайте же борзую, дедушка!

— Ждать надо, пока волк вымотается. — Исай-бобо дернул к себе борзую за ошейник. — С Лютым шутки плохи, как бы не загрыз собаку.

...Дядя Паччахан махнул нам шапкой лишь на третьем круге.

Собравшись в мускулистый комок, борзая покати-лась за волком. Настигла его невероятно быстро. Волк огрызнулся на бегу.

И тут Исай-бобо заулюлюкал — неожиданно тонким голосом — и погнал вскачь своего ишака.

— Скриви-илась! Его шея скриви-илась! — изо всех сил понукая ишака, кричал охотникам Исай-бобо. — Налево переходите-е! Нале-ево!

Как это шея скривилась? Не понимая, я смотрел на волка. Он бежал все так же, кося на всадников одним глазом. Но вот они переместились налево и погнали лошадей в галоп. А волк по-прежнему смотрел вправо! Выходит, и в самом деле не может повернуть шею?! Зачем-то я повел своей: голова послушно повернулась туда-сюда. Вот оно что... Я вспомнил, как, бывало, бранил волка мой дедушка. «Чтоб тебе шею скривило!» — кричал он, смешно тряся белой, редкой бородкой.

Исай-бобо тем временем порядком оторвался от меня. Я пришпорил лошадь и нагнал уже возле тамарисковых зарослей. Мы обогнули их и наконец увидели охотников. Они сидели верхом на неподвижных лошадях и пристально смотрели на куст тамариска. Окшункар, скуля, кружился вокруг куста.

Я увидел Лютого. Привалюсь спиной к веткам, он полулежал в странной позе. Он страшно устал: точно облитый водой, весь оплыл потом.

— Не упустите! — предостерег охотников Исай-бобо. — Больно ловок, проклятый!

— Не уйдет. Окшункар перекусил ему жилу на задней лапе, — сказал дядя. — Теперь ему расплатой за саврасого будет пуля!

Отозвав собаку, дед медленно поднял свою двустволку. Все поняв, Лютый в бессильной злобе показал ему страшные, желтые клыки.

Я зажмурился. Один за другим раздались два выстрела.

МОЙ ПАПА — КОММУНИСТ

Опустив голову, Хусни медленно брел по дороге. Вечер. Улица кишлака пустынна. Из дворов пахнет едой и кизячным дымом. Но Хусни не замечает дразнящих запахов.

Теплая капля упала ему на шею. Две, тяжелые, ударили в затылок. Начал накрапывать дождь: ас-

фальт под ногами сразу стал пестрый. Но и дождя Хусни, кажется, не заметил.

Очнулся, когда услышал сзади резкий сигнал машины. Отскочил на мокрый тротуар, оглянулся. Газик, нагнав его, вдруг тормознул. Из окна высунулся шофер.

— Тебе что, тротуара мало?! — зло закричал он.

Сидевший рядом с шофером человек пригнулся и тоже посмотрел в окно — из-за его плеча.

— Хусни? — удивился он.

Хусни молчал: от неожиданности он сильно испугался. Но узнал пассажира: это был их сосед. Джаббар-ака.

— Ты домой?

Хусни кивнул.

— Полезай в машину!

Хусни несмело открыл дверцу, пролез на заднее сидение.

Газик рванул с места, как раз в это время по брезенту сильно забарабанили капли.

— Откуда так поздно? — спросил Джаббар-ака.

— На этот... на ремзавод ходил...

— К нам на завод?

Джаббар-ака тяжело повернулся на сидении и с любопытством посмотрел на мальчика.

Хусни вспомнил: он слышал от кого-то, что их сосед работает на ремзаводе. Парторгом. Так значит, он и есть товарищ Камалов?!

Парторг... Джаббар-ака добрый человек, это давно знал о соседе Хусни.

— Для чего же ты ходил к нам, если не секрет? — улыбаясь, спросил Джаббар-ака.

— Поговорить хотел. С коммунистом...

Хусни помолчал, потом нехотя объяснил:

— Учитель сочинение такое задал — о коммунисте. Каждый сам выбирал, куда пойдет: на ферму, в техникум, на хлебозавод. А я машины люблю...

— Вот как? — одобрил Джаббар-ака. — И с кем же ты поговорил?

— Не пришлось, — грустно ответил Хусни.

— Вот тебе и на! Почему?

Хусни не хотелось рассказывать...

... Он вошел в ворота, и глаза у него разбежались: заводской двор весь был уставлен машинами! Мальчик мгновенно узнавал их даже и в полуразобранном

езде: «Ваз», «Рафик», сразу два голубых «Москвич»... Но больше всего на заводском дворе было грузовиков «Газ-51».

Какой-то рабочий, покраснев от натуги, затягивал болт на колесе тяжелой машины с буйволом на капоте. Рядом из-под газика торчали чьи-то ноги. Они так долго не шевелились, что можно было подумать страшное: газик переехал человека.

Возле машин хлопочут люди. Чем-то они напоминали Хусни докторов. Нет, не белыми халатами — на них промасленные спецовки или ватники. А вот лица, руки... Склонившиеся к моторам, лица по-особому внимательны. Совсем как у доктора, когда он слушает больного: «Дышите, не дышите...» И руки механиков двигаются быстро, умело, так что сразу видно — они знают, как помочь заболевшим машинам...

Ближе всех к воротам стоял старенький «Газ-51». Пожилой мужчина, насвистывая, чистил промасленной ветошью какую-то деталь. Хусни подошел к нему и растерялся: не знал, что сказать. Но мужчина пришел ему на помощь.

— Э, бола, кого ищешь? — спросил он.

— Никого... Я просто так...

— Чей же ты будешь?

— Акбара-ака.

— Это который Акбар? Что на ферме?

Хусни кивнул.

— Знаю твоего отца. Хороший человек. И мать знаю. Здоровы ли они?

— Спасибо, все хорошо, — приободрившись, ответил Хусни.

— А ты по какому делу?

— Мне с коммунистом нужно поговорить. Поговорю, после напишу сочинение. Нам учитель велел...

— Э, да ты писатель! — весело протянул рабочий и стал искать кого-то глазами. — Вон, видишь, «Газ-51» с поднятым капотом? Его ремонтирует Назир-ака, наш передовик. С ним и поговори.

— Спасибо вам, ата!

Хусни поспешил к указанной машине. Лежа боком на крыле, Назир-ака обеими руками копался в моторе. И опять Хусни не знал, с чего начать разговор. Просто стоял, смотрел.

— Поддай четырнадцатый ключ! — не поднимая головы, велел ему Назир-ака. Голос у него густой, низкий.

Но Хусни продолжал стоять столбом: не сразу понял, что сказанное относится к нему, а главное, не знал, какой именно требуется ключ.

— Эй, тебе говорю — четырнадцатый!

Назир-ака поднял голову и с удивлением смотрел на мальчишку.

— Вон тот давай, видишь, торчит, — показал он. — Да, да, этот самый...

Хусни торопливо протянул ему ключ. И опасаясь, что Назир-ака опять займется мотором, спросил:

— Дядя, а вы коммунист?

— Допустим. А дальше что? — Назир-ака наклонился к мотору и стал ловко орудовать ключом.

Хусни сказал ему, зачем пришел.

— Вот как... — рабочий морщился, затягивая гайку. А разогнувшись, решительно сказал: — Неудобно, брат, самому говорить о себе. Не люблю я этого, понял? И работа у меня сейчас срочная, каждая минута на счету. Ты вот что — зайди-ка в партком, к Камалову. Во-он, видишь дом? Первая дверь с той стороны. В парткоме тебе посоветуют, о ком лучше написать. Бывай здоров, писатель!

И он повернулся к мотору.

Над входом в здание — красное полотнище. На нем — огромные белые слова: «Решения съезда выполним!» Хусни уставился на лозунг, будто нашел то, что потерял. Вот и учитель тоже говорил им про съезд. Что коммунисты их колхоза борются за выполнение его решений. И хорошо бы написать в сочинении, чего они уже достигли.

Заглянув в приемную, Хусни сразу увидел нужную дверь, с табличкой «Партком». И направился к ней. Но его остановила пожилая женщина, сидевшая за машинкой в углу комнаты.

— Эй, мальчик, ты куда? — строго спросила она, не переставая печатать на машинке. Быстро мелькали ее пальцы, а глаза смотрели на Хусни.

— Я к товарищу Камалову, — оробев, сказал Хусни.

— Уехал в Янги-Юль. Зачем он тебе?

— Поговорить... Я...

— А если поговоришь с инженером? — не дослушав, предложила женщина. — Садись-ка, подожди его.

И она еще быстрее застучала на машинке — будто строчила длинными пулеметными очередями.

А с улицы шумно вошли двое — разозленные.

— Да поймите же, товарищ инженер! Там радиатор менять надо! — говорил один в замасленном комбинезоне.

— Обойдетесь пока старым. Нет у меня радиаторов! Готово у вас? — повернулся к женщине инженер, загорелый мужчина в тубетейке на бледной, свежесбрированной голове.

— Готово! — та протянула ему отпечатанный листок. И добавила, кивнув на Хусни.

— Мальчик тут ждет вас.

Инженер читал бумагу и хмурил брови. Не взглянув на Хусни, сказал:

— Завтра! Завтра! Сегодня не могу!

И ушел к себе в кабинет.

— Ладно, сынок, — смущенно сказала женщина. — Отложим твоё дело на завтра. Поговоришь с самим Камаловым. Парторг есть парторг...

Хусни ушел расстроенный: никто не хотел с ним говорить. А тут еще сторож. Он, видно, не заметил входящего в заводские ворота Хусни и не спросил никакого пропуска. А теперь требовал пропуск. Хусни готов был заплакать...

... Джаббар-ака по лицу мальчика догадался о его состоянии. Да, нехорошо получилось... Надо бы как-то успокоить его. Но пока Джаббар-ака подыскивал нужные слова, газик затормозил возле его дома. Они с Хусни вылезли из машины под дождь.

— Заедешь за мной в восемь! — сказал Джаббар-ака шоферу. — Бензин залей, опять в Янги-Юль поедем.

Кивнув, шофер нажал на газ.

— Зайдем-ка ко мне, — пригласил мальчика Джаббар-ака. — Поговорим. Глядишь, и дождь кончится.

Хусни застеснялся, но и обрадовался приглашению. Парторг Джаббар-ака добрый, он не отмахнется от Хусни. Он все расскажет ему о том передовике.

Прошли в комнату, сели на диван. За дверью звучали детские голоса. Думая о чем-то своем, Джаббар-

ака прислушивался к этим голосам и улыбался. Так, улыбаясь, он и повернулся к Хусни.

— Значит, тебя интересуют машины? Тогда, я думаю, ты не откажешься прийти к нам на завод еще раз? Только давай по-другому сделаем: заранее наметим день и пригласим весь ваш класс на экскурсию. Пояснения давать попросим Назира-ака... Его, между прочим, тоже очень интересуют машины. Так что, у вас найдется, о чем поговорить... А на инженера ты не обижайся. Ладно? Он хороший человек. Просто сейчас напряженное время! В эти дни все мы думаем о выполнении плана. А инженер — больше всех. Такая у него работа...

Хусни кивнул. Разве он не понимает? Ему было приятно, что с ним говорят, как с большим.

— Это хорошо, — еще сказал Джаббар-ака, — что ты решил написать о Назире-ака. Он лучший наш механик и человек скромный, работающий. Я, конечно, мог бы рассказать тебе о нем. Но этого, боюсь, будет мало. Чтобы написать о человеке, надо очень хорошо его узнать. Коммуниста видно не только по работе, еще — по его сердцу... Послушай, а почему бы тебе не написать о своем отце?

— О папе? — удивился Хусни.

— Ну, да! Ведь ты его знаешь лучше других. Значит, сможешь лучше, чем другие, написать о нем.

— Но ведь он... просто пасет коров.

— Просто-то просто, а попробуй, не покорми их? Сколько молока дает ферма отца, знаешь?

— Нет...

— Ну как же ты не знаешь? Шесть машин в день! А в каждой молоковозке...

— Восемь тонн! (про машины Хусни знал все).

— Выходит, сорок восемь тонн молока каждый день, так?

Хусни видел, Джаббару-ака приятно назвать такую цифру. А тот добавил довольным тоном:

— Вот сколько молока посылаем мы каждый день в город! Есть в этом и доля твоего отца. Он работает, не думая об усталости. Не для себя работает — для других людей, для наших городских братьев. Вот и выходит, что отец твой — самый настоящий коммунист.

Хусни просиял.

— Вот мы говорим: решения съезда — закон для нас, — продолжал Джаббар-ака. — Так вот и есть! Чем больше мы дадим продукции, тем лучше будет жить наш народ. Вы будете счастливее, дети наши. Вот оно как, Хусни, — он положил мальчику на плечо руку. — А теперь пойдем-ка пить чай с моими ребятами. Слышишь, как они смеются там без нас?

— Спасибо, — сказал Хусни. — Но если можно, я пойду. Мне пора домой...

— Ладно уж, беги. А то мама, и правда, станет беспокоиться.

Хусни, надо сказать, совсем не подумал о маме. Просто он торопился к своему письменному столу.

Дома, схватив кусок лепешки и жадно жуя, он достал из ящика приготовленную для сочинения тетрадь. И большими, красивыми буквами вывел на обложке:

«Мой папа — коммунист».

ВНУК

Бабушка Ризвон ждала внука до сумерек. И тут терпение ее лопнуло.

— Мой ненаглядный внучек приехал проведать нас всего на неделю, а вы отправили его работать, — накинулась она на дедушку Сали. — И дня не успел побыть с нами! Что же вы за человек, если промолчали и тогда, когда его заставили работать ночью. Неужели для ночной поливки в колхозе не нашлось других?

Деда Сали рассердили эти упреки. Но он стерпел, сказал только:

— Э, старая, хватит тебе ворчать. Лучше заверни в поясной платок ужин нашему внуку. Отнесу ему поесть и узнаю, как идут дела. Дай тебе волю, ты посадишь мальчишку в цветочный горшок, чтобы он рос, как бледное, тенелюбивое растение.

— А разве малыш не стоит заботы? — ответила бабушка Ризвон, готовя еду.

У деда Сали затряслась борода. Молча рванул он из рук бабушки Ризвон узелок и, стуча посохом, пошел к калитке.

«Таков уж, видно, весь женский род, — в сердцах

думал он, шагая по улице. — Вот и старая, прожила года пророка, а ума нет... Хочет, чтобы внук ее и палочки с земли не поднял! А я всегда ему твержу: никто еще не прогадал от труда».

...Абдигаффар, внук деда Сали и бабушки Ризвон, приехал из города неделю назад. Сначала он скучал в кишлаке, слонялся из угла в угол, не находя, к чему приложить руки. Потом помог деду собрать помидоры, накосил травы. А там вместе с кишлачными ребятами пошел полоть морковь на колхозном поле.

И в один день сдружился с ними. Теперь он проводил в их обществе все свое время.

... Как-то в полдень, когда ребята отдыхали на краю поля, у арыка, к ним подъехал на своем жеребце председатель, Арслан-ака.

В знак уважения ребята встали с мест:

— Ассалом алейкум...

— Ваалейкум ассалом. Расти вам джигитами!

Напутствуя ребят, раис стал освобождать ногу из стремени. Конь его заплясал на месте. Один из ребят, Абдигани, подскочил и придержал коня.

Раис грузно спешил, присел рядом на корточки. Помолчали. Тихо булькала вода в арыке. Она была желтая от глины.

— Отдыхаете? — начал разговор раис. — А этот белолицый мальчик чей?

— Он из города! Внук деда Сали! — опять опередил всех говорун Абдигани.

— Гость из города решил помочь колхозу на прополке? — одобрил раис. — Молодец, сынок, я вижу, ты достойный внук своего дедушки.

Абдигаффар покраснел от похвалы.

— А у нас неприятность случилась, джигиты, — вдруг сказал раис. — Один из поливальщиков поранил ногу кетменем. Сейчас я отправил его в больницу. Старшему поливальщику не управиться одному. Нужен напарник. Кто из вас согласится помочь?

Кишлачные ребята не спешили с ответом. Примолкли, раздумывая.

Поливка хлопчатника — целая наука. Надо равномерно пустить воду в борозды, не миновав ни одной и каждый раз следя, чтобы вода доходила до самого конца борозды. Но при этом ни в коем случае нельзя залить хлопчатник, а то земля вокруг кустиков затвердеет, и тогда ее придется вручную рыхлить кетменем.

— Ну, так кто из вас отважится? — опять спросил раис. Он переводил взгляд с одного лица на другое.

И тут что-то подтолкнуло Абдигаффара. Мальчик вдруг поднял руку — как привык делать на урке:

— Я пойду!

Раис удивился: местные ребята промолчали, а городской вызвался пойти. Но он тут же нашел удовлетворившее его объяснение: «Хоть парнишка и из города, но корни у него наши».

— Как звать тебя, внук своего деда?

— Абдигаффар.

— Ты, я вижу, настоящий джигит. Жаль только, человек городской. Боюсь, плохо знаешь нашу землю. А при поливке надо чувствовать ее. Ничего, в помощь тебе мы пошлем Абдигани. Вместе и пойдете, хоп?

Слова раиса немного задели самолюбие Абдигаффара. Но услышав, что с ним пойдет Абдигани, он обрадовался: ему нравился этот шустрый, говорливый парнишка.

И вот, второй день ребята заняты на поливке. Вчера работали до темноты, а сегодня решили остаться и на ночь.

...Постукивая палкой, дед Сали шагал к хлопковым полям. Вокруг было по-вечернему тихо. В небе одна за другой зажигались звезды, и каждый огонек наверху прибавлял здесь, на земле, частицу ночи. Кишлак остался позади, но издали к деду приносились звуки его жизни: лай собак, мычание коров, четкие слова репродуктора, что висел на столбе возле конторы.

Где-то в глубине уснувшего поля пела птица авдотка. Быстро темнело.

Гнев деда Сали давно остыл. Он шагал по дороге, бодро постукивая посохом. Сколько же лет, думал, ноги его топчут эту землю? А руки без усталости трудятся на ней? Ведь это он, дед Сали, налаживал тут колхоз! Ему и сейчас не сидится дома без дела, хотя он давно получает пенсию. Теперь он тоже занят делом: несет еду своему внуку, который не побоялся труда, остался поливать хлопок и ночью... «Молодец, пучек, ты вылитый Сали», — расстроганно думает старик. Если бы мог, он бы прибавил скорости. Но ноги все хуже слушаются хозяина...

Мерно постукивает в темноте посох дедушки Сали. И кажется старику — он не один шагает по дороге. Следом за ним толпой идут все прожитые им годы: виррипрыжку скачут на мальчишеских ногах, шагают молодым, широким шагом, твердой, отяжелевшей походкой зрелых лет. И каждый год несет на плечах труд, честно отданный этой земле...

Было уже совсем темно, когда дед Сали подошел к поливаемому участку.

— Э, есть тут кто? — крикнул он в темноту. У ног его тихо булькала вода основного арыка.

Кто-то хрипло ответил ему из глубины поля и теперь приближался, шлепая по залитой водой невидимой борозде. Наконец, человек вышел на бровку поля, перепрыгнул арык.

— Это вы, Сали-ата? — В голосе было удивление.

Старик узнал старшего поливальщика Джамила.

— Вот, принес внуку ужин, — объяснил он.

— Ах да, Абдигаффар, он же ваш внук...

Было бы светлее, Джамил-ака без труда прочитал бы на лице деда Сали: «А то чей же?! Ведь только мой внук согласится поливать ночью!»

— Зря себя утруждали, ата. Нам недавно принесли ужин с полевого стана.

— Где же мой парнишка? — спросил дед Сали, с трудом скрывая нетерпение.

— Они с Абдигани как раз пошли проверить дальний конец поля. Хорошие ребята, пусть будет им счастье в жизни.

Дед Сали достойно принял похвалу: ничем не показал, как она ему приятна. Бросил на траву посох, опустил узелок и, кряхтя, присел у арыка.

Ветер чуть пошевеливал кусты хлопчатника, и завязавшиеся бутоны испускали тонкую струю аромата. Она сливалась с запахом политой земли, с сырым дыханием бегущей рядом воды. Хорошо, прохладно...

Послышались мальчишеские голоса, особенно звонкие в темноте. Дед Сали очнулся от дремоты, поднял голову. Мигая низко над землей, в его сторону плыл неяркий свет.

С фонарем работают, одобрил дед Сали.

— Идут мои помощники, — близко сказал хриловатый голос. Вынырнув из темноты, Джамил-ака опустил на траву рядом с дедом Сали.

Внука дедушка Сали встретил сдержанно. Молча протянул ему узелок с едой. Но тут взглял его упал на босые ноги Абдигаффара. В свете фонаря на них жирно блестела глина.

— Разве тебе не дали резиновые сапоги? — в голосе старика прозвучал упрек старшему поливальщику.

— Да они большие мне, — отмахнулся Абдигаффар.

— Все равно надень! — велел дед Сали. — Здесь на каждом шагу колючки. Помолчав, он все же спросил: — Когда домой?

— Закончим поливать, и приду. Уже немного осталось.

— Хоп! Я пошел.

Дед Сали с трудом нагнулся, нашарил в траве посох и, попрощавшись с Джамилом-ака, шагнул в темноту.

Абдигаффар послушал, как удаляется неторопливый стук палки, потом, пригласив Джамила-ака и Абдигани, развернул узелок. На блюде лежала лепешка, а под ней — хорошая горка плова! Аромат его так и ударил мальчику в ноздри.

— Запах говорит, что плов удался! — сказал, придвигаясь, Джамил-ака.

Втроем они мгновенно опустошили блюдо. Абдигаффар сполоснул его в арыке, завязал в платок.

Старший поливальщик поднялся, кинул на плечо кетмень, взял фонарь.

— Схожу посмотрю тот конец борозды, а вы последите, чтоб землю нигде не размыло.

Ребята обошли свой край, кое-где расчистили дорогу воде, укрепляя запруды. Потом растянулись у арыка, переговариваясь лениво, вполголоса. Абдигани говорил что-то и вдруг замолчал на полуслове: видно, одолел его мгновенный сон.

Подложив под голову руки, Абдигаффар смотрел в небо. И снова удивился, какое оно огромное и какие близкие, яркие на нем звезды. В городе небо совсем другое... А запах? Травой пахнет, примятой их телами, водой, размокшей глиной. Он слушал, как движется в темноте вода. Звуки были разные: бульканье струи на середине арыка, сытый плеск у его глинистых берегов, шуршание ползущего бороздой

языка, шипение водяных пузырьков, жадно впитываемых землей.

Жаль, что кончается его короткая жизнь в кишлаке... Только-только все наладилось, нашелся хороший друг, поручили важное, ответственное дело... И вот — завтра надо ехать в город. В школу явиться — на торжественные проводы ребят в пионерский лагерь.

Абдигаффару представилась так знакомая ему по прошлым годам жизнь в лагере — игры, походы, спортивные состязания, звонкое пение трубы: «Вставай, вставай, кровати заправляй!», утренние линейки, ползущий вверх по шесту флаг... Эх, до чего же хорошая жизнь! И как хотелось бы ему поехать в лагерь вместе со всеми! Но ничего не получится: в таблице у Абдигаффара есть тройка. По алгебре...

«Ладно, в городе тоже неплохо, — как мог, утешил себя Абдигаффар. — В школу схожу, хоть и обидно. Нельзя не прийти, Самаджан-ака, директор велел явиться обязательно. В кино пойду, мороженого в кафе отведу... Вкусно!.. А после опять можно вернуться в кишлак. Бабушке по дому помогу, вместе с Абдигани буду ночью поливать хлопчатник...»

— Отдыхаете?

Абдигаффар вздрогнул: оказывается, незаметно задремал и он. А когда открыл глаза, прямо в лицо ему с черного края неба смотрела огромная, как медное блюдо, луна.

— Теперь вы можете идти, — сказал возвратившийся Джамил-ака. — Остались последние две борозды. Я проверил — вода равномерно течет. А вон и луна вышла, светло. Теперь я и сам справлюсь. А вы совсем спите, ребятаки...

Абдигаффар огляделся. Вокруг, и правда, все изменилось. В свете луны вода в ближних бороздах рябила, а в дальних красиво серебрилась. Кусты хлопчатника, казалось, сразу выросли от их поливки. Темная зелень их гляделась синей.

Абдигаффар вдохнул освеживший, как бы колющий воздух. Ух, здорово! Тронул за плечо Абдигани.

— Вставай, домой уходим.

... Когда на рассвете бабушка Ризвон вышла во двор, Абдигаффар, разметавшись, спал на суфе под

виноградником. Бабушка поднялась на суфу, прикрыла его одеялом.

— Бедное дитя, как он похудел... — тихонько причитала бабушка Ризвон, разводя огонь в очаге и ставя на него черный кумган. — И недели не дали ребенку покоя... Светлолицый мой внучек придет домой черным. Что скажет его мать?

Абдигаффар уже проснулся, но делал вид, что продолжает спать. Он слушал причитания бабушки и улыбался. Потом приоткрыл один глаз, искал деда Сали. Он топтался посреди двора, зажав в руке топорик. Борода у него тряслась, он тоже бормотал что-то себе под нос — сердитое.

Абдигаффару стало смешно. Он спрятал голову под одеяло. И услышал: стучат в калитку.

— Кто там? Войдите! — крикнул дед Сали.

Калитка скрипнула, Абдигаффар, не выдержав, приподнял голову. И тут же голова его прилипла к подушке: во двор входил раис.

— Ассалом алейкум!

— Ваалейкум ассалом, — засуетился дедушка Сали. — Проходите, дорогой гость. Пожалуйста, присядьте на суфу.

Но ведь на суфе, на двух новых одеялах, постеленных бабушкой Ризвон, нежился Абдигаффар... Услышав слова деда, он сел, смущенно поздоровался с председателем.

— Отдыхаешь после ночной смены? — ласково спросил его раис. — Я объезжал утром ваш участок — очень хорошо справились с поливкой. Но ты, я слышал, уже собираешься домой? Жаль отпускать такого помощника...

— Говорю ему: побудь еще! — недовольно сказал дед Сали. — Нет, не хочет. На собрание, говорит, надо, директор, говорит, очень строгий, ругать будет. Э, какие-такие собрания летом?

— У них эти собрания проходят, как праздник, верно, Абдигаффар? — подмигнув, сказал председатель.

«Верно. А вам откуда известно?» — чуть не спросил его Абдигаффар.

Но раис заговорил снова:

— Я зашел попросить тебя: передай письмо моему сыну, хоп? Бабушка соскучилась по внучатам, просит прислать их погостить.

С этими словами Арслан-ака вынул из кармана и положил на одеяло письмо.

Абдигаффар взял конверт. Написано только: Сыну Самаджану».

— А адрес? — растерянно спросил мальчик.

— Своего сердитого директора не знаешь, что ли? — засмеялся раис.

Абдигаффар покраснел. Вот тыквенная голова! Ведь у директора их школы Самаджана-ака фамилия Арсланов!

Раис, попрощавшись, ушел. Бабушка Ризвон, вздыхая, убирала постель внука. И с упреком поглядывала на деда Сали, который рубил хворост возле очага.

Из тонкого носика кумгана выплевывался кипяток. Сердито шипели угли.

Абдигаффар побежал к умывальнику, висевшему на тутовнике. «Домой! Домой!» — радостно пело в нем. Он почувствовал, что очень соскучился по родителям.

... В школе было непривычно свободно, празднично: только что закончились экзамены у старшекласников. И теперь в зале, на общем собрании, звучали веселые речи о каникулах, о летнем отдыхе. Под конец на сцену поднялся Самаджан-ака:

— Не расходитесь, — предупредил он ребят. — Скоро будет объявлен список отъезжающих в пионерский лагерь.

Все повскакивали с мест, закричали «ура!» Потом растеклись по школе: кто пошел в библиотеку, кто сражался в шашки, шахматы — в плотном кольце болельщиков.

Многие во дворе собрались кучками, шутили, смеялись.

Нет, лучше не расстраиваться, решил Абдигаффар. И ушел домой: ему-то ждать было нечего: «Уеду в кишлак! — думал он. — Разве не ждут меня там бабушка Ризвон и новый друг, Абдигани?»

Он нехотя принялся за домашние дела: ни к чему не лежала душа...

Но тут вбежала запыхавшаяся Салима, одноклассница (туфли ее разлетелись в разные концы лестничной площадки).

— Почему ты ушел домой?! — накинулась она на Абдигаффара. — Идем, тебя Самаджан-ака зовет. Ты тоже едешь в лагерь!

— Как так еду? — не поверил Абдигаффар. — А тройка?

— Директор прочитал нам вслух письмо из кишлака. Раис прислал благодарность за твою помощь колхозу!

«Неужели в своем письме сыну раис квалит мена? — думал на бегу Абдигаффар. — Неужели это письмо поможет мне поехать в лагерь?»

Так оно и вышло. Верно утверждал дедушка Сали: никто еще не прогадал от труда.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Дед Джамил выгрузил из арбы сено и вытирал поясным платком лицо.

Газик председателя он узнал издали. Тот неся по шоссе к ферме. Вот свернул на грунтовую дорогу, в кашу от подтаявшего снега. Но скорости не сбавил — качался, как корабль на волнах. И будто споткнулся о сено.

Абдуназар-ака вылез из кабины. Забыв поздороваться с дедом Джамилом, уставился на сухие зеленые вороха.

— Откуда вы достали эту драгоценность, атахан?!

— Сами догадайтесь, раис.

Глаза деда Джамила прятались под седыми бровями, зато широкая улыбка открыла оба последних зуба — один наверху, другой внизу.

Но Абдуназар-ака этого не видел. Он не мог оторвать глаз от сена. А запах, запах... Председатель шумно втянул воздух носом. В ответ на лукавые слова старика он только пожал плечами.

Не с неба же свалилось это прекрасное сено!

— Дети его привезли, — сказал дед Джамил. — **Малик и Гани, пусть живут они вечно и счастливо! Мой ишак, бедняга, пока дотащил арбу, пеной покрылся.**

И дед Джамил погладил ишака по старой, вытершейся спине.

— Откуда приехали? — нетерпеливо спросил председатель.

— Не знаю.

— А сами оки где? — еще нетерпеливее спросил раис и завъртел головой по сторонам.

— В школу торопились, на собрание, — в голосе деда Джамил звучало уважение. — Атахан, говорят, мы опаздываем, сами сгружайте. Много сена, долго разгружал, устал не меньше моего ишака.

И дед Джамил опять похлопал ишака по вздрагивающей спине.

Но Абдуназар-ака, видно, забыл все слова благодарности. Смотрел на сено, думал о чем-то, скреб ватылок.

И тогда дед Джамил с укором сказал своему ишаку:

— Была бы у детей машина вместо тебя, целый стог могли привезти. — Дед Джамил тихонько покачал головой.

Раис быстро взглянул на старика. Хотел что-то сказать, но промолчал. Он, казалось, и рад, и расстроен. Еще бы! Как не радоваться такому корму? И разве не досадно, если знаешь, что его могло быть втрое больше...

Рассеянно простившись со стариком, председатель полез в газик. И сразу нажал на стартер. Колеса забуксовали на талом снегу, разбрызгивая грязь. Наконец газик вырулил на грунтовую дорогу.

Дед Джамил провожал его глазами. Потом, кряхтя, наклонился и захватил большую охапку сена. Понес коровам.

И вспомнил, как назвал сено раис. Улыбнулся. Кто же говорит про обыкновенный корм «драгоценность»?

И все-таки раис сказал правильно.

Зима в этом году была суровая. На пастбищах и в горах колхозные отары не так страдали от недостатка корма. А вот коровы... Они-то содержались на привязи! Жмыха, шелухи, силоса им хватало.

— Но как проживешь без травы? Человека взять, — кладя сено в кормушки, рассуждал дед Джамил. — Плов для него — сладость! А — приедается. Лепешка же — никогда. Вот и трава для коров. Она, как хлеб для человека.

Малику и Гани надоела долгая зима. Уже много было удовольствий — и санки, и снежки, и ледяная крепость в степи, за кишлаком. И теперь хотелось тепла, солнца.

Обычно в эту пору деревья распускают почки. Зацветают — сначала миндаль (у него самые розовые

цветы), за ним урюк, вишни и сливы. Они поднимают пыльные головы за каждым дувалом. Похоже, будто воздушные шары опустились на землю. Или какой-то великан пускал мыльные пузыри. Срезал в тугаях камышовую дудку и целую ночь, не уставая, выдувал их — большущие, нежные... Пахнет так, что голова кружится! Птицы щебечут, стайками перелетают с дерева на дерево. Довольные угощением, в цветах копошатся и гудят пчелы и шмели.

А в степи весна расстилает голубые ковры. Скот выгоняют на пастбища. До чего же радостно убежать из кишлака в степь и смотреть на резвящихся ягнят и козлят. Они совсем как малыши на весенней улице кишлака. И до чего же вкусно жуют молодую траву! Посмотришь, и самому хочется встать на четвереньки и тоже попробовать этой замечательной для них еды.

Да, хорошо, когда в свой час приходит весна. Но в этом году зима закрыла перед ней ворота. На черный большой замок заперла весеннюю радость в душах людей. Приставила к замку угрюмого сторожа — тревогу...

Кончилось сено, а свежей травы еще нет. Как прокормить коров? Они слабы после отела и не умеют, как овцы, отыскивать корм на холодных пастбищах.

... Все дни весенних каникул Малик и Гани крутились на ферме. Помогали деду Джамилу: чистили стойла, носили корм и воду. Особенно усердно они ухаживали за «своими» буренками — коричневой и черно-белой. Коровы только что отелились и были совсем слабы. Эх, дать бы им сена, хоть немного, мечтали ребята. Но где сейчас добудешь его?

— Придумал! Придумал! — вдруг закричал Малик. — Мы попросим сена у Сайфи!

Как он мог забыть! Лето, пионерский лагерь на берегу Сырдарьи, ребята из колхоза «Янги Турмуш» — Сайфи, Мурад и Кучкар... Он подружился с ними, даже в гостях у них побывал. Ребята привели его на новую ферму. Вот это ферма! Все по последнему слову техники... А когда Малик увидел пестрого быка, привязанного цепью к столбу из железного бетона, он даже рот открыл. Девятьсот восемьдесят килограммов! Дышит, как паровоз! Сколько же сена один этот бык может съесть?

Так вот почему столько скирд наставлено по берегам Сырдарьи — понял Малик. И возле лагеря

стога, стога... Оказывается, в «Янги Турмуш» все выходят летом на сенокос. (Сайфи даже водил Малика к «своей» скирде).

— Из его скирды и попросим дать нам сена, — сказал Малик.

— Давай! — загорелся Гани. Но тут же поскуцнел: — Пока письмо напишем, пока придет ответ...

— Зачем письмо? Позвоним! Не зря же мы с Сайфи обменялись телефонами.

— А если он не даст? — неуверенно сказал Гани.

— Даст! Ты его не знаешь! Бежим звонить?

И они наперегонки припустили домой к Малику. Но Гани вдруг остановился.

— Ладно... допустим... даст, — запыхавшись, сказал он. — А как мы его... привезем?

Всегда он так, этот Гани! Если бы не Малик, не довел бы до конца никакого дела.

— Э, что за разговор? — стал сердиться Малик. До колхоза «Янги Турмуш» не больше пятнадцати километров. Попросим у деда Джамила ишака с арбой.

На счастье ребят, Сайфи был дома и подошел к телефону. Торопясь и проглатывая слова, Малик все объяснил ему. Сайфи слушал молча, только изредка говорил «да», «да». Потом спокойно, Малику показало — равнодушно, ответил:

— Подумать надо. Я тебе позвоню.

И, не попрощавшись, положил трубку.

Малик растерянно слушал гудки. И все не решался отнять трубку от уха.

Гани тоже слышал отбой. И смотрел на друга с обычным своим унылым видом. Будто хотел сказать: «Вот видишь. Я же говорил, что не даст...»

Но разве можно так сразу охаивать товарища?

— Подождем, что он ответит, — как можно увереннее сказал Малик.

Гани остался с ним — ждать ответа. Долго пили чай. Слонялись по комнате. Звонка все не было. Друзья вышли на улицу. Холодно! Постояли рядом — молча, будто набрали в рот воды.

Гани вытащил руку из кармана, стал прощаться.

— Я пойду. До свидания.

«Подожди еще немного» — хотел сказать Малик. И не сказал. Пожал протянутую руку.

И тут в доме зазвонил телефон! Столкнувшись в

дверях, ребята вбежали в комнату. Оба схватились за трубку. Но говорить стал Малик: его товарищ ждал на другом конце провода.

— Алло, пуф-пуф. Алло! Сайфи! — лицо Малика просияло. — Ага... Ага. От кого? От раиса?! Он так и сказал? Вот спасибо тебе, Сайфи... Когда приедем? Завтра приедем — вместе с другом моим, Гани.

Он со счастливой улыбкой оглянулся на товарища.

— Завтра же сбор у нас, голова! — дернул его за рукав Гани.

Но Малик слушал, что говорил ему Сайфи. Наконец, крикнув еще раз «Спасибо» тебе, брат!», положил трубку.

— Э, почему ты сказал «завтра»? А сбор?

Ох, уж этот Гани... Опять нашел препятствие! Но Малик чувствовал себя сейчас таким добрым и ловким...

— Сбор в три часа, — терпеливо напомнил он другу. — Поедем пораньше и успеем.

— А вдруг нет? — сомневался Гани.

— Успеем!

Медленно катит по обледенелому асфальту арба. Вихляются, поскрипывают большие колеса. «Хых! Хых!» — понукает Малик ишака. А мимо то и дело проносятся машины. Обдают их запахом солянки и бензина. Строгие шоферы двумя руками держатся за руль, внимательно смотрят на скользкую дорогу. Только один, молодой, белозубый парень, оглянулся на их арбу и что-то крикнул. Наверняка обидное, решил Малик.

Ничего, он скоро вырастет. И в кармане у него тоже будет лежать книжечка — водительские права. И тогда колхоз доверит ему лучшую машину — новый, пахнувший свежей краской Газ-51.

— Хых! Хых!

... Арбу они хорошо нагрузили, с верхом. Друзья Сайфи им помогли, затащили воз веревками — крепко-крепко.

— Разве хватит вам этого сена? — расстраивался Сайфи. — Раис думал, вы приедете с машиной. Сказал, пусть забирают целый стог.

Малику почудилась в его словах насмешка: «Не дал вам раис машину! Такой богатый и большой колхоз, а притащились за сеном на ишачьей арбе».

— Кончится, приезжайте еще, — наперебой приглашали ребята.

— Спасибо! — Малик устроился на арбе рядом с Гани, дернул вожжи.

И теперь, в два голоса понукая ишака, они медленно двигались обратно.

Гани посматривал то на солнце, то на часы. «Нет, не успеть! — думал он. — Если опоздаем на сбор, эта тараторка Дилфуза покоя не даст. Когда придет конец ее выдумкам?! Как будто у людей других забот нет, только ее сборы. А это наше дело разве не важнее?!»

А Малик думал совсем о другом... Сильно задела его слова Сайфи. Сам того не зная, тот коснулся больного места.

В прошлом году школа выпросила у правления колхоза старый грузовик Газ-51, ржавевший в гараже. Ремонтировали машину старшеклассники, с огромным трудом раздобывая нужные запчасти. Наконец поставили машину на колеса. Их, седьмому классу, выпало счастье красить кузов. Достали красивую, темно-зеленую краску... В школе началась запись в кружок вождения.

И вдруг Абдуназар-ака забрал грузовик обратно: колхозу понадобился.

Обидел ребят раис...

Ползет черепашным шагом арба, такая же старая, как сам дед Джамил. Скрипят неповоротливые колеса. А с запада по небу быстро подвигаются тучи. Невозможно понять нынешнюю погоду! Только обрадуешься солнцу, проталинам в степи, подсыхающей земле на высоких местах, глядь — снова наползают тучи. И неизвестно, что в них — весенняя гроза или надоевший снег?

— Хых, бедняга, хых!

— Хых, несчастный, а то опоздаем на сбор!

Было около трех часов, когда друзья добрались до кишлака. Свернули к ферме, на грунтовую дорогу. Вот где их ждали главные мученья! Колеса то и дело застрезали в грязи, и ишак был не в силах тянуть арбу. На откосе воз накренился, и сено только чудом не вывалилось в грязь.

Хорошо еще их услышал дед Джамил и поспешил

на помощь. С трудом подтащили арбу к воротам скотского двора.

Почувяв запах сена, замычали буренки.

... Когда, запыхавшись, ребята вбежали в класс, Дилфуза строго сделала им замечание за опоздание. Но друзья только улыбнулись. Оправдываться не стали. Даже настроение у них не испортилось. Потому что сделали задуманное! Что им теперь глупые упреки Дилфузы. Хотя она и могла бы спросить, где были, почему опоздали...

Малик и Гани сели на свою парту. Дилфуза кашлянула, поправила галстук и торжественным голосом сказала:

— Внимание! Начинаем наш сбор, посвященный...

Но тут все, как по команде, повернули головы к окнам. На школьный двор въехал газик председателя, подрулил к самому крыльцу и остановился. Из него вылез Абдуназар-ака. Вошел в здание школы.

Ребята переглянулись. Что нужно раису в их школе, пустой и гулкой в дни каникул? Кого он ищет?

Дверь открылась, на пороге показался Абдуназар-ака. Ребята встали с мест. Раис на миг растерялся, потом махнул им рукой, прося сесть. Застучали крышки парт...

Раис глазами искал кого-то. И чуть улыбнулся, увидев в среднем ряду Малика и Гани. Пригладил усы, кашлянул. Хочет что-то сказать? Ребята притихли. Нет, заложил руки за спину, стал ходить взад-вперед. Ребята удивленно провожали его глазами (упрямая Дилфуза так и осталась торчать у стола).

Вдруг председатель повернулся к классу и ни с того ни с сего сказал:

— Ту машину... грузовик..., — он опять кашлянул. — Берите его себе, хоп?

Многие вскочили с мест, потом все — кто сидя, кто стоя — захлопали. Самые нетерпеливые кинулись к двери — бежать за машиной в гараж. Но их вернула на место Дилфуза.

Абдуназар-ака тоже хлопал. И глаза его ласково и немного смущенно перебегали с лица на лицо.

Не хлопали только Малик и Гани. Они тихонько переглядывались и пожимали друг другу под партной руки.

Кажется, они догадывались, почему раис переменил свое решение.

*Моему учителю — писателю Абдулла
Каххару посвящается.*

Вот уже подошел и конец августа — пора, когда с нетерпением ожидаешь занятий в школе. Ну, а пока в оставшиеся дни каникул мы не уставали носить-ся по пыльным улицам кишлака и прыгать в речку, что бежала за околицей.

В один из таких дней кто-то сообщил:

— В школу привезли книги!

Услышав это, я опешил от неожиданности.

— Какие книги, не знаешь?

— Кажется, учебники...

— А еще?

— Еще... В общем, много книг. — Мальчишка, принесший эту весть, видимо, подробностей не знал.

С этой минуты я загорелся желанием непременно разузнать, что же это за книги. Вы спросите — почему? Отвечу. Из книг в нашем кишлаке имелись лишь «Равшанхан», «Гор углы», «Авазхан»¹. Мы зачитывались ими и знали слово в слово. Очень хотелось почитать что-нибудь новое.

Мальчишка не обманул — книги на самом деле привезли. Абдурасул-ака — наш завхоз — меня не знал. Поэтому, когда я, вертясь возле него, как назойливая муха, попросил посмотреть книгу, он буркнул:

— Э, мальчик, зубы твои тупы для них.

— Дяденька, миленький, хоть одну дайте. У меня зубы острые...

Кажется, удалось смягчить Абдурасула-ака.

— Зубы у тебя, может, и верно острые, — сказал он, усмехнувшись. — Да вот книги-то толстые и тяжелые.

— Если так, тогда дайте ту, что потоньше, — произнес я, шмыгнув носом.

Абдурасул-ака сердито посмотрел на меня («вот привязался» говорили его глаза), снял с кипы одну тощую книгу, протянул.

— А теперь уходи, муха надоедливая!..

— Спасибо, дядя!

¹ Поэмы, произведения народного эпоса.

Прижав к груди дорогую ношу, я ринулся на улицу. Отбежав на достаточно далекое расстояние, я стал разглядывать книгу: тонкая, в синем переплете. Вверху напечатано — Абдулла Каххар, немного ниже — «Бескрылая синица». Я побежал к берегу реки, лег ничком на траву и с нетерпением принялся за чтение. Очень скоро я проглотил книгу. Так скоро, что даже стало обидно. Начал читать заново...

Вечером, когда мы всей семьей пили чай, дядя как всегда попросил:

— Послушай, Насырбек, не прочитаешь ли нам что-нибудь?

— Хорошо.

Я прямо вылетел из-за стола. Дядя удивленно следил за мной: он привык к тому, что я без особого желания откликаюсь на его каждодневную просьбу. Мне надоело изо дня в день читать знакомые поэмы. Неужели дяде не наскучило это? Нет, он слушал их с наслаждением, склонив голову набок и покачиваясь.

Принеся свою новую книгу, я устроился за столом и приступил к чтению. «Там, где зайцу не бывать... там, где грифу не летать...»¹ — лишь подобные слова приходилось слушать дяде.

Но что это? Краешком глаза вижу, как он, пораженный, привстал, втянув шею, и по лицу его расплылась улыбка. Я продолжал читать. Вероятно, оттого, что уже дважды прочитал книгу и даже запомнил отдельные фразы, я произносил слова без запинки, выразительно.

Дядя слушал не как обычно, не покачивался, склонив голову, словно его захватила грустная мелодия. Напротив — голова его была высоко поднятой, он ухмылялся, временами произнося нечто вроде: «Гм-гм... Ну и шалопай!» и с довольным видом переборачивал подушку, на которую приоткнулся.

Наконец чтение закончилось.

— Где достал книгу? — спросил дядя.

— Абдурасул-ака дал.

— Завхоз?

— Угу, — кивнул я.

Дядя разразился смехом. Отчего, я не спросил, просто бережно взял книгу, положил в шкаф.

¹ Строки из поэмы «Раешанхан».

На следующий день вечером за мной пришел сосед — младший сын Маткарима-ака. Он сказал, что меня просили зайти со вчерашней книгой.

Там собралось семь-восемь мужчин и среди них завхоз Абдурасул-ака, давший мне книгу. Все они оживленно беседовали.

— Заходите, маленький мулла¹, — сказал, улыбаясь, Маткарим-ака.

— Удивительную книгу нашел наш Насырбек, — заявил не без ухмылки дядя.

— С моей помощью, — хвастливо заметил Абдурасул-ака.

— Ну-ка, послушаем, — произнес один из мужчин.

Поставленная на стол лампа распространяла тусклый свет. Читал я с увлечением, подражал ветхим муллам из медресе.

Слушавшие меня захихикали. Наверное, нравится, как я читаю. Когда я дошел до середины, Абдурасул-ака прервал меня:

— Подожди. Кто написал эту книгу?

Я поднял голову. Абдурасул-ака, до этого смеявшийся вместе со всеми, вдруг побледнел. Я робко поглядел на дядю, но он сделал жест «читай». Посмотрев еще раз на Абдурасула-ака, я продолжил. «Ай, молодчина!», «Ох, колючий язычок!», «Какая точность!» — восклицали все, смеясь до слез. Только почему-то один Абдурасул-ака был недоволен и хмур.

У героя рассказа Набигулы была такая поговорка: «Безусловно, я не считаю это хорошим делом». Совершая всяческие проступки, он всегда в оправдание произносил эти слова.

Наконец, кто-то не выдержал и, обернувшись в сторону Абдурасула-ака, воскликнул:

— Чудеса! Прямо точь-в-точь он!..

Я растерялся и прекратил читать.

— Что разинул рот, продолжай! — произнес дядя, вытирая влажные от слез глаза.

Когда я дошел до того места, где Набигул расквашивает вино, вновь все захихикали. Но вот я стал читать, как Набигул обманом продал одеяло из черного бархата родственнику — герою рассказа, Кады-

¹ Здесь — обращение, как к учителю.

ру, и тут Абдурасул-ака вдруг порывисто встал, отряхнул подол халата и, сказав: «Э, хватит...», вышел еон.

Воздух в комнате взорвался от смеха, даже двери затрещали. Я был не в силах постичь, в чем же дело.

Чтение закончилось. Все меня благодарили, почтительно угощали сладостями.

Я вышел на улицу, мучаясь вопросами: почему все так смеялись, и почему Абдурасул-ака, разозлившись, ушел?

Когда дядя вернулся домой, я все узнал: Набигул, выведенный в рассказе, страшно походил на Абдурасула-ака. Наверное, писатель видел его где-нибудь. Абдурасул также, как и Набигул, ничего не доводил до конца. Кем он только не работал: табельщиком, кладовщиком, продавцом. Потом, застряв в городе, занимался торговлей. Но опять ему не повезло. И вот теперь, вернувшись в родной кишлак, он работал завхозом в школе. «Интересно, где мог встретить писатель Абдурасула-ака? — спрашивал я себя, слушая дядю. — Или, может быть, он гостил у нас, в кишлаке?».

На другой день я вместе с друзьями играл недалеко от дороги в догонялки. Подъехал на ишаке Маткарим-ака.

— А, ребятня, что делаете? — спросил он.

— Играем в догонялки.

— Ну и кто из вас самый быстрый?

— Салах всех перегнал, Салах! — загалдели мы.

С нами был долговязый мальчишка, второгодник. Он никогда не общался со сверстниками, считал, что лучше быть львом среди малышей, чем комаром среди ровесников. Растянув рот до ушей и вытирая нос грязным рукавом рубашки, он глядел на Маткарима-ака.

Маткарим-ака, прищурив один глаз, с жалостью взирал на Салаха. Наконец он сказал:

— Самый быстрый бегун из вас — вот он. — И показал на меня.

— Как так? Он не бегал, — удивился один из мальчишек.

— Пусть. Все равно он вас перегонит, — заявил Маткарим-ака.

— Как?!

— Вы книги читать умеете?.. С трудом. А Насырбек, не запинаясь, читает. Разве мальчик, бойко читающий книги, уступит второгоднику?

Маткарим-ака, не говоря больше ни слова, погнал ишака. А Салах зло посмотрел на меня.

Признаюсь, я был рад и горд.

Но, к сожалению, моя тайная радость длилась недолго. Не прошло и полчаса, как на дороге появилась силуэт всадника. Присмотрелся — а это наш завхоз! Подъехав, он поднял руку и, глядя на меня из-под ладони, сказал:

— Эй, разбойник, подойди!

Я подошел. По его покрасневшему лицу я понял, что он немного выпил.

— Еще будешь читать? — спросил он шепотом. Думая, что он хочет мне предложить новую книгу, с готовностью ответил:

— Буду.

— На... будешь!!!

Будто что-то ужалило мою спину. Ошеломленный, я хотел увернуться, но кнут еще раз, со свистом хлестнул по спине. Я громко закричал и рванулся в сторону. Абдурасул-ака преследовал меня по пятам.

— Обо мне книгу читаешь?! погоди! У-у, будь проклят научивший тебя читать... Стой! На!.. У, окаянный! Я, прячась за ребят и плача, все повторял:

— Сами же дали...

— Вот тебе — сам дал!.. Ух, негодный, вырвал бы язык!..

Ребята стояли ошарашенные. Лишь Салах в стороне глупо улыбался, точно говорил: «Так и надо, поделом тебе».

Наконец, запыхавшись, Абдурасул-ака повернул лошадь и ускакал. А мне ничего не оставалось, как, роняя слезы, двинуться домой...

Вот так впервые заочно я познакомился с учителем Абдуллою Каххаром. Всякий раз, когда я читал его книги, мне приходил на память этот невеселый случай. И всякий раз я чувствовал, что не могу простить Абдурасулу его кнута.

В годы моей учебы в Ташкенте один никудышный критик как-то напал в печати на учителя за его новую повесть. И вдруг я подумал: «Стало быть, не только нам, почитателям и приверженцам творчества

Абдуллы-ака, но и ему самому приходилось не сладко, его тоже, образно говоря, хлестали кнутом». Подумал я так и... снял вину с Абдурасула.

А как же иначе! Ведь писатель, который в своих произведениях не вызывает ни радости, ни тревоги, ни гнева, разве писатель?

БУЛАННЫЙ ЖЕРЕБЧИК

Каждый день после школы Кучкар прибегает на пастбище. Отец его, колхозный табунщик, пасет большой косяк лошадей.

Кучкару нравится степное раздолье, небо — опрокинутая над головой синяя коса, легкий рисунок гор там, на краю света.

Нравится смотреть, как гривами коней играет ветер.

Но больше всего нравится Кучкару буланный жеребчик.

Отец приучил его ходить под седлом специально для сына. И теперь Кучкар скачет по степи на своем буланом, догоняет расшалившихся жеребят, норовящих убежать дальше, возвращает беглецов в табун. Отец доверяет ему эту работу, точно взрослому.

Вот и сегодня Кучкар помогал отцу. И не заметил, как солнце из далекого и спящего стало красным, близким и, точно путник в конце дороги, устало при село на вершину горы.

Трава на пастбище сделалась красноватой. А на спину каждой лошади легла теплая попона... Длинная-длинная тень потянулась по траве от каждой лошадиной ноги. Теней много, они перекрещиваются, сливаются и расходятся. Кучкар смотрит, как все дальше уходит табун вечерних теней. Скоро, пожалуй, дойдет до горизонта.

Если бы отец разрешил ему остаться в степи на ночь!

Но Кудрат-ака велел сыну возвращаться в аул. Кучкар нехотя слез с жеребчика, пошарил в кармане и протянул буланому кусочек сахара, погладил горбоносую голову.

Но Кудрат-ака знал, чем утешить сына, и разрешил ему ехать на буланом домой. Птицей взлетел

Кучкар в седло и с места пустил жеребчика крупной рысью. Кудрат-ака лишь успел крикнуть сыну, чтобы тот не забыл распрячь коня и принести ему клеера из колхозной конюшни.

Ветер издалека принес ответ:

— Хо-ро-шо-о!..

Легко бежит буланный жеребчик, вольный ветер бьет Кучкару в лицо, а вслед ему смотрит большое, усталое солнце. И кажется Кучкару: за спиной у него вырастают крылья. Подняться бы на этих крыльях в небо! Если поднимешься, станет видно, как велика и красива степь, золотая от заходящего солнца.

Буланный жеребчик вдруг всхрапнул и взвился на дыбы. Кучкар чудом не вылетел из седла.

Это были всего-навсего птицы... Семья рябчиков выпорхнула из-под копыт жеребчика и теперь летела над самой землей, отчаянно работая крыльями. Мальчик засмеялся, похлопал буланого по шее, успокаивая. И снова натянул поводья. Конь послушно перешел на рысь.

Как громко поют цикады свою вечернюю песню! Уже видны Кучкару плоские крыши аула, а среди них — новое здание школы. Дымом пахло вкусным, вечерним... Собаки лают...

Приосанившись в седле, въезжал Кучкар в аул. Пусть все видят, какой конь-огонь принес его на быстрых и легких ногах!

Но жителям аула в этот вечер было не до того. Весело переключаясь, со всех сторон бежали к школе ребята. За ними спешили взрослые.

«Дядя Сергей приехал, киномеханик из райцентра, — догадался Кучкар. — Будет показывать в школьном зале новое кино!»

Ударив пятками в бока жеребчику, Кучкар направил его к белому зданию в центре аула.

Но вспомнил приказ отца и повернул к дому. Навстречу бежал Наби, школьный товарищ и большой друг.

— Скорей, Кучкар! — закричал Наби. Глаза его мельком скользнули по буланому. — Дядя Сергей приехал!

— А какая картина?

— Мировая! «Новые приключения неуловимых!»

— О!

Кучкар соскользнул с жеребчика. Ноги готовы были нести его к школе, вслед за Наби. Но буланый жеребчик тряхнул гривой, губы его дохнули Кучкару в шею.

— Подожди меня, а? — попросил он Наби. — Я только распрягу буланого, а за клевером сбежать — одна минута.

Наби присвистнул.

— Пока будешь бегать на ферму, кино начнется. Идем сейчас, а после принесем и клевера и сена.

— А как же буланый? Голодным останется?

И тут Кучкара осенило: жеребчика можно стреножить и пустить в степь, пускай сам пасется! Чего-чего, а травы за аулом сколько хочешь.

Они с Наби вывели буланого в степь, подальше от аула (там гуще трава). Опутали ему ноги толстой шерстяной веревкой — теперь не убежит... И во весь дух помчались к школе.

Еле успели: в зале уже погасили свет.

К ночи погода испортилась. Небо заволокли тучи, поднялся ветер. Сразу похолодало.

Буланый жеребчик перестал щипать траву. Ему было страшно: никогда еще он не ночевал в степи один. Дрожа всем туловищем, он сделал несколько неловких скачков в темноте. Мешали пути! Если бы не они, он опрометью помчался бы по степи — туда, где пасется табун, зорко охраняемый вожакom. Жеребчик заржал, надеясь, что его услышат и поспешат на помощь.

Но темнота ответила унылым воем ветра...

Вдруг всхрапнув, жеребенок попятился: две воробатые тени мелькнули неподалеку и исчезли.

Буланый настороженно тянул шею. Опять мелькнули тени! Теперь совсем близко. Зажглись и пропали красные огоньки глаз. Волки? Буланый сделал несколько отчаянных скачков и заржал — тоскливо, словно с жизнью прощался.

И тут ветер принес ему ответ — издалека. На зов буланого откликнулся вожак табуна — огромный серый жеребец с белой отметиной на лбу. Это был умный и опытный вожак, он умел защищать молодых от хищников.

У жеребчика сразу прибавилось сил. Вскидывая спутанные передние ноги и сильно ударяя ими в зем-

лю, он скакал на голос вожака, громким ржанием продолжая звать на помощь.

Уже четко слышались ответное ржание и топот серого жеребца. Но волки опередили его. Они метнулись из кустов наперерез буланому и в несколько прыжков настигли его.

Жеребчик высоко подпрыгнул вверх. Один из волков отлетел, отброшенный копытом. Но второй, тот, что метил в шею жеребчику, успел рвануть зубами мышцы на его груди.

Буланый захрипел от страха и боли.

Но тут из непроглядной тьмы бурей вынесся огромный жеребец. Храпя и взбрыкивая копытами, он налетел на волков. Хищники пустились наутек. А грозный вожак преследовал их, стараясь перебить им хребты. Только темнота ненастной ночи позволила хищникам уйти.

Серый жеребец вернулся к буланому и стал осторожно обнюхивать его рану. Жеребчик мелко-мелко дрожал.

И тут послышалось знакомое:

— Ее-бех-бех!..

Это подъехал Кудрат-ака. Опытный табунщик мигом смекнул: в степи случилось неладное, раз вожак бросил табун и с тревожным криком умчался в ночь. Кудрат-ака вскочил на свою пегую лошадку и поскакал следом, прислушиваясь к топоту серого жеребца.

Когда Кудрат-ака нагнал его, серый жеребец спокойно стоял посреди ночной степи. Только ноздри его раздувались от возбуждения. А к вожаку жался буланый жеребчик!

— Ты как здесь очутился? — Кудрат-ака в тревоге и недоумении соскочил на землю. — Уж не сбросил ли моего Кучкара с седла, а?

Он хотел погладить жеребчика, но рука угодила во что-то мокрое, теплое. Жеребчик присел от боли, вскинув вверх передние копыта. Кудрат-ака увидел путы на его когах.

И все понял. Ох, не зря говорит народная мудрость: поручив ребенку дело, смотри за ним в оба. А он-то считал своего Кучкара взрослым парнем...

На рассвете Кудрат-ака привел буланого в аул. Поставил за домом, бросил охапку сена. Понурый, с обвисшими ушами, жеребчик не прикоснулся к корму.

Не заходя домой, Кудрат-ака опять поднялся в седло.

А Кучкар досматривал свой десятый сон... Этот был самый интересный: вместе с неуловимыми мстителями Кучкар уходил от погони, а потом, шашки наголо, мчался на врага, крепко сдавив ногами бока буланого жеребчика.

Он, пожалуй, посмотрел бы и одиннадцатый сон. Но к нему в окно заглянуло солнце и стало будить, трогая лицо горячим лучом.

Кучкар открыл и тут же зажмурил глаза. Лежал, улыбаясь вспоминал подвиги, которые совершал этой ночью. Потом поднялся, позевывая, вышел во двор.

И загляделся на горы, окутанные голубой дымкой, на залитую солнцем степь. Увиделось ему пастбище, и как ветер треплет гривы лошадей, а он, Кучкар, скачет степью на буланом жеребчике, помогает отцу пасти табун. Представил все это Кучкар и засмеялся: опять хороший будет день!

Он сделал зарядку, умылся до пояса холодной водой. И, забежав в сарай за уздечкой, направился в степь.

И тут увидел за домом буланого жеребчика.

— Ой, — растерялся Кучкар. — Кто же тебя привел?

Повернув голову навстречу мальчику, жеребчик тихонько заржал. Будто жаловался. У ног его лежало нетронутое сено. А глаза смотрели грустно-грустно, Кучкару показалось: они упрекают его...

Он виновато обхватил жеребчика за шею, но тот вдруг с храпом взвился на дыбы. Отскочив, Кучкар увидел: на груди буланого зияла большая запекшаяся рана.

Сердце мальчика на миг остановилось.

— Жеребчик мой... маленький... Кто это тебя? — только и мог прошептать он.

А сам уже догадался... И заплакал — от жалости к жеребчику, от сознания своей вины, от стыда перед отцом.

Вдруг услышал близкий стук копыт и поднял голову. Два всадника торопились к дому. В одном Кучкар узнал колхозного ветеринара, другой — был отец...

Спросите-ка у Мусы, что он любит больше всего? Обязательно скажет: «Пасти овец и козочек».

Он и сегодня шагает с братом Вали за отарой. Вали на два года моложе Мусы, ему двенадцать лет.

Ну, а если спросить у мальчиков, что они не любят? Тут уж поспешит ответить Вали. Не «что», а «кого». Он не любит Салима Шайтана и дядю Мальчика.

За что, спросите вы?

Видите вон ту однорогою козочку? Эта шалунья влезла в огород Салима Шайтана. Муса побежал выгнать ее. Но на другом конце грядок появился сам Салим. Зло закричал:

— Что не смотришь за скотиной, сорванец?!

Мало того, что обругал Мусу, еще кинул в козочку топорик!

Топорик задел левый рожок. Как же заблеяла, бедняжка, забила ножками от невыносимой боли!

А Салим Шайтан и неведомо откуда взявшийся дядя Мальчик хохотали.

...Салим в кишлаке человек новый. Лет шестьдесят ему, но видно, что поясница от работы у него никогда не ныла. Он и в колхозе работать не собирался. Просто в городе слишком хорошо узнали этого спекулянта. Пришлось ему поменять адрес.

И на новом месте торговые дела Салима пошатнулись. Еще бы! Продал он соседям семена помидоров, те посеяли — вырос укроп!

Тогда-то и прозвали его в кишлаке Салимом Шайтаном.

Шайтан хитрый: бросил торговлю, намотал га тубетейку белую чалму и объявил себя муллою. Теперь его непременно увидишь там, где пахнет плесенью, шашлыком, другой праздничной едой.

Первым знаком почтения «мулле» стал оказывать дядя Мальчик. Его прозвали так потому, что к его румяному лицу прилепились в качестве украшения усики. Вот за детский румянец — он мальчик, а за усы прибавляют еще и «дядя».

... Так вот. Однажды, в самый зной, появился дядя Мальчик на пастбище. Подскакал к Мусе и Вали, натянул поводья, важно сказал:

— Нужен один барашек. Быстро!
— Барашек? — удивился Муса. — Какой барашек?

Он обежал глазами отдыхающую отару.

— Какой, какой! Барашек как барашек. Молодой, конечно... В дар «аллаху», неужели не понятно?

И дядя Мальчик тоже посмотрел на отару. Усики его шевельнулись.

— Резать? — испуганно спросил Вали. Он знал: если берут «для аллаха», значит, резать.

— Не дам! — запротестовал Муса. — Меня отец ругать будет.

— Я сам отвечу перед твоим отцом!

Забыв про важность, дядя Мальчик прыгнул с коня и побежал к отаре. Ягнята шарахнулись от него. Но дядя Мальчик с волчьей ловкостью схватил одного жалобно заблеявшего, бегом вернулся обратно, кинул ягненка через седло. Вскочил на коня и, даже не кивнув ребятам, с места пустил в галоп. Он скакал так, будто за ним гнались, и в одну минуту скрылся за холмом.

Поручив ягнят брату, Муса поехал следом, то и дело понукая своего ишака.

Но когда он, наконец, преодолел холм, то сразу забыл о дяде Мальчике.

Потому что увидел... озеро!

Муса глазам не поверил: за дорогой, что ведет в город, широко разлилась вода, а посередине фонтаном бил источник. На дороге кучкой стояли старики. Их было много — человек пятнадцать. А у самой воды Салим Шайтан и двое аксакалов, разостлав мешки и хурджумы, опустили на колени.

Сотворив короткую молитву, «мулла» обернулся к собравшимся.

— Если «аллах» захочет, чудо сотворится... Вот оно! — Салим Шайтан широко повел рукой. — Вода в степи — истинное чудо!

И правда, чудо... Тысячу раз проходил здесь Муса и видел сухую, как камень, землю.

— Вы все свидетели чуда, — громко говорил старикам «мулла». — Ох-ох, святая это вода! Оби зам-зам, оби зам-зам!

— ... зам-зам, — как эхо, повторили старики.

Глаза Салима Шайтана блеснули. Голос стал вкрадчивым..

— В прошлый раз мы принесли в жертву аллаху всего одного барашка. Так что, уважаемые, что поужишь на путь господний, непременно обернется сторицей.

— Истинно, — поддакнул дядя Мальчик. — Вот я даю еще одного барашка. Принесем его в жертву, а вы, старейшие...

— Прими, о всемогущий, — Салим Шайтан молитвенно поднял руки.

Но тут взгляд его упал на дорогу. По ней быстро приближался грузовик. Встревоженный «мулла» так и не сотворил благословения.

Машина подъехала, затормозила. С кузова прыгнули трое.

— Салом аллеюкюм! — поздоровался парень-узбек в синем комбинезоне и вопросительно глянул на собравшихся.

— Вааллеюкюм ассалом... Мы здесь, — прогнусавил Салим Шайтан, — мы здесь святую воду открыли. Дар аллаха верующим!

И он опять повел рукой, правда, не так широко.

— Мы тут тоже по делу, — весело бросил парень и заторопил товарищей, открывавших заднюю стенку кузова.

— Можно узнать, какое дело? — вкрадчиво спросил Салим Шайтан.

— Срочное! Разве не видите: водопроводную трубу разорвало!

В толпе на миг оторопели. И тут же раздался дружный смех. Открыв беззубые рты и покачивая головами, смеялись старики. Хохотали парни. А Муса от смеха повалился на шею своему ишаку.

Ну как он сразу не догадался! Ведь здесь несколько лет назад — он тотчас вспомнил это — укладывали трубы. Вели магистраль, которая дает теперь воду городу и станции.

...Салим Шайтан поднял с земли свой хурджум, отряхнул от пыли и поплелся по дороге, вслед за уходившими стариками.

Даже дядя Мальчик убежал от «муллы» далеко вперед.

Барашка он «забыл» на дороге. Присев, Муса торопливо развязал его. Бедненький, в него чуть не вонзили нож...

Подняв барашка на руки, Муса долго смотрел, как на краю дороги рабочие устанавливают насос.

ПРИШЛИСЬ КСТАТИ

По обеим сторонам улицы буйно разрослись молодые, недавно высаженные топольки. За ними белели дома, пахнувшие известью и свежей краской. Только один дом был не закончен. Он стоял, краснея жженым кирпичом, будто с ободранной кожей. Вокруг валялись завихрившиеся стружки, обломки кирпича, щебень...

Прохожие возмущались:

— Только улицу портит. Когда его достроят?..

А дом строил отец Хусни. Оставалось на три кирпича поднять стену, поштукатурить и накрыть крышу глиффером. Но никто не знает, где и когда подстережет беда. Отец Хусни заболел, дом так и остался стоять без крыши, трех рядов кирпича и штукатурки.

Долго болел отец Хусни. А как выписался из больницы, послал сына приглашать друзей на хашар — сообща достраивать дом.

Пришел дедушка Иса: он в поселке был первый мастер. Пришли и остальные. И закипела работа: один разводил глину, стоя в ней по колено и размешивая ее кетменем. Другой рубанком строгал доски, третий подносил дедушке Исе кирпичи. Вместе работать весело. Повсюду слышались шутки, смех. Только дедушка Иса молчал. Когда язык мелет, считал он, меньше успевают руки. А дедушка торопился, его ждали в поселке другие дела. Их так много, что ему и на вопросы отвечать некогда. Буркнет себе под нос и продолжает класть стену: бросит лопаткой глину, раздаст в стороны, прищурится и положит кирпич. Можете не проверять — ровно, как по линейке!

Но те, чьим рукам язык не мешал, завели разговор о детях. Отцы хвастались наперебой.

— О-о, мой сын — настоящий силач, — говорил один. — Ему бы в цирке выступать — подбрасывать гири. А сила для человека — первое в жизни. Верно я говорю, дедушка Иса?

— Брм, — сказал дед и шмякнул на кирпичи лопатку глины.

— А мой сын, ни дать ни взять, профессор, — вступил в разговор хворый отец Хусни. — Все время у него в руках книга. — Ест — читает, даже ко-

гда ложится спать — читает. Далеко пойдет — без науки в наше время и шагу не шагнешь. Верно я говорю, дедушка Иса?

— Мрм, — сказал дед, и взял за дужку пустое ведро из-под глины. Нащупал подошвой лестницу и осторожно сошел вниз. Взял кетмень и стал накладывать глину. Потом, крикнув, поставил ведро на ступеньку. Поставил, повернулся к отцу Хусни, даже рот открыл. Хотел что-то сказать. Но передумал, сжал губы. И полез по лестнице, со ступеньки на ступеньку, переставляя тяжелое ведро.

... Хусни подошел к дому, насвистывая. Рядом с портфелями в руках шагали друзья — Сайфи и Гани. Пинком ноги Хусни распахнул новенькую калитку и вошел во двор. Под мышкой у него были четыре толстые книги.

— Здравствуйте! Бог в помощь! — звонким голосом крикнул он работающим и проследовал в дом.

— Здравствуй, здравствуй, — бормотал дедушка Иса.

Держа измазанное глиной порожнее ведро, он нащупывал подошвой лестницу.

— Погодите, дедушка! — сказал Сайфи и подбежал к лестнице. — Дайте я.

— Держи, сынок, — сказал дедушка Иса, протягивая ведро. — Молодец, купишь «Волгу», джигитом будешь...

А Хусни? Оставив дома книги, он вышел во двор. Они с Гани присели на штабель нестроганных досок и стали наблюдать за работой.

— А вы как думаете, дедушка Иса, что важнее — наука или сила? — смеясь, спросил с крыши один из хашарников.

— Грм, — ответил дед и покосился на сидящих ребят.

— Э-э, разве в том вопрос? — вмешался в разговор другой сосед, заметив взгляд деда. — Посмотри на этого паренька, — он кивнул на Сайфи. — Увидел, что дедушке трудно, заторопился помочь.

Хусни и Гани вроде и не слышали этого разговора. Они, сидя на досках, размахивали руками, рассуждая, что и как надо делать. Но все же им стало стыдно: поднялись, пошли к работающим.

Посмотрев на ребят, дед улыбнулся. Опустил в ведро лопатку, разогнул спину

— «Бог в помощь» сказать нетрудно, — нетерпеливо выговорил он. — Но вот так, взявши кетмень, лучше! Если бы ты, сынок, отрывался от своих книжек и помогал отцу, ваш дом давно был бы готов. Книги читай, читай, но и простой работы не бойся. Все на земле трудом держится.

Дедушка Иса подцепил лопаткой глину и взял кирпич. Разровнял глину, положил кирпич на место и только тогда взглянул на отца Хусни.

— Так-то вот... — сказал он. — Грм...

Отцу Хусни пришлось опустить голову. Не только он, все поняли: дедушка Иса за него сказал сыну эти слова. Очень нужные слова, которые Хусни недоставало. А тут — кстати прились. Вон, как паренек работает, старается. А на земле, дед Иса прав, первое дело — труд. Иначе зачем человеку сила, и чему ученье?..

ПОЕЗД НУЖНО ОСТАНОВИТЬ

Холодное солнце осени блестит на рельсах. Куда-то очень далеко убегают они. «Куда»? — думает Рахимджан и вздыхает. Он пока не знает этого, он никогда еще не ездил в поезде, хотя длинные составы то в дело проносятся здесь, весело стуча колесами. Знает только: сколько не иди, рельсы все рядом, и нет им конца.

А по сторонам, как верные сторожа, вытянулись столбы. Если прижать к столбу ухо, услышишь: наверху тоненько звенит что-то.

Раньше Рахимджан думал, что это телеграммы. Срочные, их слова бегут по проводам, а как доходят до столба — стел, переход, становитесь в очередь. Но слова не хотят ждать, толпятся, звенят от нетерпения: быстрее, быстрее, нам некогда!

Теперь Рахимджан в четвертом классе и знает — это гудит в проводах ветер...

Пусть ветер. А с телеграммами было интересней... Он по-прежнему любит придумывать интересное. Нет, теперь даже больше, ведь он прочитал столько книг. И чуть не половина из них — о героях... Хорошо было ребятам, когда шла война, — думает Рахимджан. Они, как взрослые, уходили в партизаны, сражались

с фашистами. Теперь не то... Но и теперь встречаются герои. Читал же он про мальчика, сибиряка. Подумать только! Один, в тайге, убил медведя... Какая она, тайга? — пытается представить Рахимджан. Даже оглядывается, будто надеется ее увидеть. Но по сторонам, сколько хватает глаз, плоско лежит степь. Во-он там несколько круглых карагачей: они растут возле его дома...

Но в северной тайге не бывает карагачей... Зато охотничье ружье Рахимджану представить нетрудно: дома на стене висит двустволка отца. Нет, не висит: она уже в руках Рахимджана. Раз — раз! — клацает затвор, руки с трудом поднимают ее, тяжелую, сильно давит в плечо приклад.

— Пах! Пах!.. — стреляет Рахимджан.

Ура! Попал! Медведь падает. Как верблюд, который укладывается на ночь, он подгибает сначала передние ноги, потом задние.

А Рахимджан наклоняется подобрать портфель. Из портфеля торчит уголок «Пионерской правды». В ней на второй странице есть фотография: пионер седьмого класса Коля Смирнов и спасенная им тонущая маленькая девочка. Рахимджану грустно: в здешних местах нет реки, и он до сих пор не научился плавать. Только и знает, что в школу ходить, уроки учить. А это дело простое, обыкновенное. Как тут станешь героем? Встреть Рахимджан медведя один на один — разве бы он испугался? А мост взорвать, дождавшись, когда на него ступят враги, разве не сумел бы?

Да что говорить?..

Дом Рахимджана совсем уже близко. Вон за пожелтевшими карагачами виднеется плоская крыша. Ее опять густо усыпали листья. Придет Рахимджан из школы, и бабушка пошлет его подмести крышу. Скучно...

И Рахимджан решает: он будет идти по рельсам — до тех пор, пока не поравняется со своим домом. Если нога не сорвется, значит, и ему суждено совершить подвиг. Ну, вот, сорвался... Ладно, первый раз не в счет. Нет, лучше три первых раза...

Раскинув руки — в одной портфель — и глядя под ноги, он осторожно подвигается вперед.

Ой!.. Что это?..

Рахимджан от неожиданности роняет портфель. Рельс... порвался! Такая щель, нога, явное, прой-

дет? Рахимджан пробует: нога только чуть-чуть не проходит. Как же так?! Лопнул рельс — и никто не заметил. А если поезд?!

Рахимджан заметался. Что делать? Звать на помощь? Но вокруг никого...

И тут вспомнил, что нужно делать. Он столько раз читал этот рассказ! Страшный. Чтобы остановить поезд, дядя разрезал себе руку и намочил в крови платок. Ведь поезд можно остановить только красным сигналом...

Минута — Рахимджан сорвал с шеи галстук и встал на рельс — точно на поврежденное место. Он не сойдет, ни за что не сойдет с него, пока не остановит поезд!

И мальчик, балансируя на рельсе, поднял над головой руку с красным галстуком: ему показалось, что под подошвой у него дрожит земля, как бывает, когда состав близко.

— Ты зачем торчишь на полотне?! — раздался за его спиной голос.

Рахимджан повернулся так резко, что нога его соскользнула с рельса. Но он тут же снова встал подошвой на щель.

На него строго смотрел невысокий человек в фуражке с красным околышем.

— Разве ты не знаешь, что ходить по путям запрещено? А если...

— Дяденька железнодорожник! — не дослушав, закричал Рахимджан. Закричал так громко, будто человек в фуражке стоял не рядом, а возле того, дальнего столба. — Тут рельс лопнул! Смотрите!

И он соскочил, открыв поврежденное место.

— Рельс? Где? Не вижу.

— Да вот же, видите, какая тут щель. А поезд уже идет! Его остановить нужно!

— А, вот ты о чем... Успокойся, поезд пройдет только через, — мужчина посмотрел на часы, — восемь минут. Ойдем-ка в сторону, я тебе все объясню. Видишь ли, чинить ничего не надо. Специально так сделано. Зачем, спросишь ты? А как же — закон физики! От холода сталь сжимается, от тепла расширяется. Если бы при укладке рельсов строители забыли про этот закон, тогда действительно могла случиться беда: рельс в жару расширился бы и погнулся... Но

ему, видишь, оставили место: расширяйся, пожалуйста, как положено по закону. Понятно?

Рахимджан только ниже опустил голову.

— Что же ты молчишь? — наклонился к нему железнодорожник. — Да ты никак плачешь?

— Нет! Не плачу!

Мальчик резко повернулся, схватил портфель.

— Стой! Куда ты? В чем дело?

Но Рахимджан уже сбежал с полотна.

— Да-а, — всхлипывая, бормотал он на бегу. — Я думал, что поломалось, что поезд остановлю... Я не знал про закон. Другие знают, они героями бывают, а я...

Он услышал громкий, приближающийся гудок и обернулся.

Стремительно, бесстрашно летит по рельсам поезд, здороваясь, перестукиваются колеса: «Таки-тук! Туки-тук! Асса-лям! Асса-лям!» А в окнах белеют лица пассажиров. Им интересно увидеть степь, идущего из школы Рахимджана, круглые карагачи вокруг его дома...

Рахимджан поднял руку и замахал галстуком — просто так. Ему ответили — из окон последнего вагона. И все: зеленый поезд прогрохотал и унесся с веселым криком дальше, в степь, описывая вслед за рельсами плавную, красивую дугу.

Рахимджан стоял, провожая его глазами и думал о машинисте, который дает такой громкий, такой веселый гудок. И о всех этих людях, что едут куда-то по своим делам и смотрят в окна на его родную степь.

А потом — первый раз — он подумал о строителях. Давно, когда его еще не было на свете, они вели здесь дорогу, укладывая шпалы, потом крепили, вбивая стальные костыли, тяжелые, длинные рельсы — один к одному. И не забывали про тот закон физики...

А он, Рахимджан? Он станет учиться дальше и тоже узнает законы физики. Хорошо запомнит их, крепко! А когда вырастет, то сядет в поезд и уедет далеко-далеко, чтобы укладывать рельсы там, где их еще нет. Тоже ведь хорошее дело для героя — строить дороги, такие вот, безопасные, по которым весело, не останавливаясь, летят зеленые поезда...

ЗАКОН АРХИМЕДА

Досадно, когда обещают прийти к определенному времени и запаздывают. Гайрат договорился, что Тулкун придет к нему в восемь. Они собирались на рыбалку. Да и клев на рассвете гораздо лучше... Гайрат с вечера накопал в саду червей, приготовил удочки. Уже десятый час, а Тулкуна все нет и нет. Гайрат несколько раз подходил к калитке, выглядывал на улицу.

— Садись-ка сам пить чай, сынок. Твой друг, наверно, дома завтракает, — сказала тетушка Хадича, видя, как Гайрат нервничает. Она развернула чайник, накрытый дастарханом, чтобы он не остывал, и налила в пиалу чай. — Смотри, смотри, у тебя чайника плавают. Значит, будет гость. Это твой Тулкун спешит, видно...

Гайрат придвинул к столу стул, присел. Усмехнувшись, взял пиалу. Тетя поставила вазу с печеньем и конфетами, вздохнула:

— Ах, современные дети, дети... Им говоришь про старые приметы, а они усмеваются.

— Никакая это не примета, тетя. Хотите я докажу вам на примере?

— Как это ты?

— А вот идемте.

Гайрат отодвинул пиалу и, встав с места, направился в свою комнату. Тетушка Хадича проследовала за ним. Здесь на письменном столе, стоящем у окна, через которое вливалось в комнату солнце, беспорядочно лежали молоток, плоскогубцы, моток проволоки, электромагнитная катушка. Стояли колба, стаканы. Совсем, как в лаборатории.

Тетушка Хадича удивленно и с упреком посмотрела на Гайрата. В ее взгляде можно было прочесть: «Что это значит?.. Точно мастерская...»

Гайрат уловил ее растерянный взгляд и засмеялся:

— Мы как раз проходим в школе законы Архимеда. Вы мне напомнили про опыты, которые я должен проделать.

Пришел Тулкун. Услышав голос Гайрата, доносившийся из комнаты, Тулкун встал у растворенного окна, облокотившись на подоконник локтями.

— Здравствуйте! Что ты мудришь? — спросил

он у Гайрата, наблюдая, как тот в три стакана налил поровну воды.

— А вот смотри,—сказал Гайрат и бросил в один из стаканов спичку. Она преспокойно плавала на поверхности воды.

— Понятно, это первый закон Архимеда! — закричал Тулкун, радуясь своей догадливости.

— Ты — молодчина, — сказал Гайрат спокойно, не глядя на Тулкуна.

В другой стакан Гайрат бросил кусочек проволоки. Она, зарыбив воду, пошла на дно.

— Если тяжесть объема тела равна... — начал было Тулкун. Гайрат перебил его:

— А вот этот закон ты знаешь? — спросил он, бросая в третий стакан спичку, пропитанную водой. Она сперва замерла на поверхности воды, потом, плавно покачиваясь, стала тонуть и замерла посредине стакана.

Тулкун недоумевающе поднял глаза на Гайрата и пожал плечами.

— Забыл, кажется...

— Эта спичка похожа на гостя, который обещает прийти к восьми, а является в десять, — сказал Гайрат, глядя на Тулкуна, и рассмеялся. Он обернулся к тетушке Хадиче, которая стояла за его спиной и, теребя фартук, наблюдала за опытами.

— Правильно, тетя?..

— Это ваш Архимед так пишет? — спросила тетушка Хадича с лукавой улыбкой.

— Нет, это по вашему закону: «Если в чаю плавает чайника, то будет гость».

Тетушка Хадича ничего не сказала. Она засмеялась, хлопнула ладонью Гайрата по спине и вышла из комнаты.

Гайрат открыл шкаф и вынул две удочки.

— На, держи, — сказал он Тулкуну, протягивая их в окно.

— А черви под сараем в консервной банке. Забери их. Я сейчас выйду.

Когда Гайрат пробежал по коридору, дверь из кухни отворилась и высунулась тетушка Хадича. Она поманила Гайрата пальцем:

— Как зовут-то ученого вашего?..

— Архимед.

— Вот и я теперь знать его буду. На, возьми-ка пирожков, там на воздухе есть захочется.

— Так много?.. Спасибо.

Гайрат взял сверток и выбежал на улицу, где, держа на плече удочки, его дожидался Тулкун.

ПЛУТОВКА

Стояли жаркие дни. У нас это время называют саратаном. И несмотря на это, дядя сегодня, как и всегда бывало, взял меня с собой на охоту.

В руках у него двустволка. Он шел чуть впереди, а я за ним, на ослике — так мы вдвоем обычно охотились в степи. Дядя осторожно стволом раздвигал кусты, не переставая приговаривать: «кши-кши»...

Пот лил с меня ручьями, забирался в глаза, и я непрерывно тер их кулаками. Но вдруг прогремел выстрел, я вздрогнул и мгновенно открыл глаза: Вот это да! Увидел, как лисица шмыгнула прочь из-под куста красной полыни.

Наверное, подумал я, дядя промахнулся... И тут же услышал еще один выстрел. Краснобурка как-то странно подпрыгнула, кувыркнулась через голову и упала, упершись в куст тамариска.

Я быстро погнался и мигом очутился возле дяди. Достал он все-таки лисицу: лапы ее кровоточили, глаза закрыты, зверек не шевелился... Довольный удачей, дядя закрутил задние лапы бечевкой и приторочил ее к седлу.

Мы продолжали охоту. Окрыленный первым успехом, дядя Надыр зашагал веселее и вскоре далеко опередил меня. Я отпустил поводья, и ослик время от времени останавливался у съедобных пучков травы, а я поглядывал на его седло, где висела наша добыча.

Вдруг осел, словно чем-то напуганный, запрядал ушами, да как рванулся с места — я чуть из седла не вылетел. Прошло несколько минут — картина повторилась. Я огляделся по сторонам, пытаюсь понять причину беспокойства ослика — ничего подозрительного не заметил. Неужели бедняга от жары взбесился? Не тут-то было. Осел вдруг неистово заревел, высоко подпрыгнул, оторвавшись от земли всеми четырьмя ногами, а затем стал вздрагивать задними.

Перепуганный, я ухватился за луку седла и

заорал во всю мочь: «иша-а, и-ша». Услышав мои крики, прибежал на выручку дядя Надыр. Но он не успел ухватиться за уздечку, как проклятый осел в мгновение ока выбросил меня из седла, и я кубарем полетел на солончак: хорошо, что земля была мягкой, и я не ушибся. А осел, облегченный, повел себя еще более странно: то бросался сломя голову в разные стороны, то подпрыгивал, то вставал на задние ноги, словно заправский мустанг.

Я быстро поднялся с земли и побежал за ним, а наперерез ослику бросился дядя Надыр: он и поймал перепуганное животное. Когда я подошел к ним, очень удивился: ослика била дрожь, а удивленный дядя с трудом удерживал его за уздечку.

— Что же с ним стряслось?! — недоумевал он.

— Не пойму...

И вдруг дядя расхохотался. Внимательно присмотревшись, я увидел на седле оборванную, измочаленную бечевку, которой он прикручивал лапы лисы — плутовка исчезла. Я, конечно сообразил, в чем дело: лисица перегрызла ее и ушла. Теперь смеялся и я...

Дядя Надыр опять ушел вперед. А я тихонько погонял ослика и размышлял: «Неужто ожила мертвая лисица? Или схитрила, прикинувшись мертвой?»

Долго еще мы кружили по степи. Дядя подстрелил двух зайцев и дрофу. Ближе к полудню мы возвращались тем же путем. Дядя, то ли он решил отдохнуть, то ли больше не хотел охотиться, оседлал осла, положив на колени ружье. Я устроился сзади. Время от времени дядя фыркал и качал головой: видно, вспоминал происшествие с лисицей. Обычно он словоохотлив, но как только выезжал на охоту, становился сдержанным и немногословным: как внасть — может быть, боялся спугнуть дичь, а может просто не хотел отвлекаться...

Все вокруг задыхалось от нестерпимой жары. Вон там, на голом, как ладонь, месте, словно обещающая море, колыхался серебряный мираж. В такую жаркую и тихую погоду охотники обычно держали ухо востро и «глаза на макушке»: любой шорох напеминал им убегающую добычу, глаза зорко обыскивали каждый подозрительный предмет.

Мне показалось, что дядя толкнул меня локтем. Решив, что это, действительно, показалось, я не при-

дал этому значения. Он опять толкнул меня и кивнул на куст верблюжьей колючки: здоровенная, величинной с ляган, коровья «лепешка» стояла, словно прислонившись к колючке.

Дядя стал осторожно кружиться на осле вокруг колючки, и, вот чудо, закружилась и «лепешка». Тогда дядя осторожно вскинул ружье, прицелился в нее и выстрелил. «Лепешка» вдребезги разлетелась, а за ней что-то подпрыгнуло и шлепнулось наземь. Ба! Да это наша давняя знакомая! Задние раненые ноги связаны вместе — разве так далеко уйдешь. Я решил, что она отдыхала в тени колючки, когда мы наткнулись на нее. А чтобы нас перехитрить, прикрылась «лепешкой». Вот плутовка!

Хитрость ее не спасла, попалась, хитрюга. И вот она снова подвешена к седлу. Осел снова было запрядал ушами, боязливо косясь назад, но потом припустил по дороге к дому.

Дядя взглянул на меня и засмеялся. И я сразу вспомнил все события сегодняшнего дня...

СИЛКИ

Каждый день дядя Надыр экзаменует меня. И, конечно, все, о чем он спрашивает, относится к охоте:

— Сколько граммов пороха нужно для одного патрона?

— Полтора грамма, — отвечаю я.

— На каком расстоянии может свалить дичь охотничье ружье?

— Если дробью, то до семидесяти метров...

— Куда нужно метить в убегающего зайца?

— Между ушами.

— А почему?

— Пока пуля долетит, заяц успеет пробежать вперед. А если брать на мушку между ушами, пуля попадает прямо в зайца.

— Хорошо, — дядя доволен моими ответами. — А если заяц бежит в сторону?

— Надо брать на ползайца вперед.

Такие вопросы для охотников не новость, они — азбука охоты. Это все дядя Надыр делал для меня, предпочитая не говорить, а на деле показать то, чему хотел научить меня. Все вопросы, которые он мне

задавал, мы уже изучили на практике. Закончив очередную «экзамен», дядя встал, достал из ниши в стене консервную баночку, кивнул мне:

— Что это?

— Это? Это... кукуруза, замоченная в воде.

— А это?

— Это обычные нитки.

— Очень хорошо, теперь смотри, — сказал он, доставая из банки одно зерно. — Что я делаю?

— Вдели нитку в иголку.

— Ну, а теперь?

— Завязали узелком конец нитки, нанизали зерно на нитку.

— Понял?

— Понял!

— Ты сейчас делай то, что я тебе показал, а остальное увидишь потом.

— Ладно.

Я нанизал по зерну на двадцать-тридцать ниток длиной до маховой сажени.

Дядя Надыр занимался тем же. Затем он сложил аккуратно все нитки в стакан, забросил на плечо охотничью сумку.

— Пошли, — молвил он.

— Куда?

— На охоту.

— Без ружья?

— Вот ружье! — засмеялся дядя, кивая на стакан с зернами.

Я так ничего и не понял. Но переспрашивать не осмелился и молча последовал за ним.

День убывал, жара спадала. Пешком мы добрались до Беларыка. Дядя выбрал на берегу место, где вода разливалась. Трава там была стоптана копытами, а земля рыхлая. Он достал из сумки колышек и стал забивать его в землю.

Я смотрел на него и ничего не понимал. А дядя тем временем концы всех ниток, на которых были нанизаны зерна, привязал к колышку, зерна разбросал вокруг, словно для кур.

— Теперь понял? — спросил дядя, оборачиваясь ко мне.

Я пожал плечами.

— Не понял? А ну-ка пошли!

Мы пошли с ним вдоль арыка. Вдруг он остано-

вился, едва заметно усмехнулся и кивнул головой, указывая вперед. Перед моим взором предстала интересная картина: здесь, как и там, был забит колышек, к которому привязаны несколько десятков ниток. А на конце каждой нитки — чернобрюхий рябчик... Теперь я все понял. Рябчики обычно держались стаями. В полдень они прилетали к арыку напиться. Утолив жажду, принимали пылевые «ванны» там, где земля была истоптана и взрыхлена копытами проходящих на водопой коров. И вот тут-то они селевывали наживку — зернышки кукурузы. И попадались...

Дядя довольно быстро поймал десятка полтора рябчиков. Так открылась для меня еще одна страница охоты. Конечно, потом дядя опять меня дотошно расспрашивал об этом. А я, не запинаясь, отвечал на все его вопросы.

Дядя снова придумывал новые затеи. И снова были вопросы. Чем больше этих вопросов, тем больше я узнавал, тем интереснее было ходить на охоту!

ЗАГУБЛЕННОЕ РУЖЬЕ

Когда время приблизилось к полудню, из-за тяжелых мохнатых туч робко выглянуло солнце. Зарозовели верхушки камышей, потеплел прохладный с утра ветер.

Охотники расположились на привал, как обычно, в низине, на берегу сая, и стали готовиться к трапезе. Они доставали из рюкзаков снедь — хлеб, холодную гусятину, термосы с чаем, а тем временем завязалась беседа.

— Одним выстрелом я сбил сразу трех уток! Здорово, а? — хвастался бывалый охотник.

Его перебил другой, отец мальчишки, которого звали Адхам.

— Мне кажется, что синий порох — это вещь! Я выстрелил в утку, и, представьте себе, она от удара заряда отлетела в воздухе метров на пять, ударилась о другую утку, и, вот это невообразимо, сбила ее...

— Да брось, не может такого быть!..

— Провалиться мне на месте. Да еще к тому же меткость какая: как ни выстрелю — обязательно в голову попадаю!

— Да ну! — теперь уже удивился мой дядя...

— Не верите — посмотрите! — и отец Адхама стал показывать подстреленных уток.

— Ну, эту, скажем, ты подстрелил в крыло, а не в голову...

— А я в нее вовсе и не целился, она сама налетела на выстрел.

— Выходит, у тебя волшебное ружье, а? — стал подтрунивать над ним дядя. Охотники весело засмеялись. Отец Адхама, поняв, что над ним подшучивают, еще пытался продолжить свои небылицы:

— Нет-нет, что ни говори, все дело в порохе!

Веселый розыгрыш прервал глухой ружейный выстрел и жалобный плач мальчишки. Все вскочили с места.

И тут я обнаружил, что нигде нет Адхама.

— Адхам, где ты? — закричал я.

Все устремились к берегу речки, побежал и я. Картину мы застали не из приятных. Бедный Адхам трясся и плакал. На земле валялось обезображенное ружье.

— Что стряслось? — спросили сразу несколько человек.

Адхам не в состоянии был вымолвить слово. Он лишь бросал испуганные взгляды на отца.

Позже мы узнали вот что. Пока охотники забавлялись байками, проказник забрался в камыши и увидел здорового сазана, жировавшего в тишине. Мальчишка задумал невероятное: пока отец «сочинял» байки, он «увел» у него ружье, прибежал в камыши, опустил ствол в воду, прицелился в рыбку, и... нажал на курок.

... А что было потом, он увидел, когда пришел в себя после удара приклада, оставшегося у него в руках. Поодаль валялся покореженный ствол...

Отец не ругал Адхама. Напротив, он был рад тому, что сын остался невредим. Только чуть-чуть поразмыслив, он повернулся к Адхаму и сказал:

— Разве можно стрелять, опустив ствол в воду, несмышляньши!? Если закрыть доступ воздуху, не только ружье, — человек взорвется... К тому же ружье заряжено... синим порохом!

Таковы уж охотники: даже в этих обстоятельствах он не преминул прихвастнуть своим порохом... Улыбаясь, все возвращались домой. Возвращались с богатыми трофеями. А я принес массу впечатлений...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Повести

Гнев и доброта. Перевод А. Атакузиева	6
• Внуки озорника. Перевод А. Атакузиева	33
Снежное письмо. Перевод Е. Акбальян	67

Рассказы

• Первый школьный звонок. Перевод Н. Красильникова	124
• На бахче. Перевод Е. Акбальян	134
Хаджимукан-палван Перевод А. Атакузиева	142
Сочинение. Перевод Н. Рихсиевой	148
Честное пионерское. Перевод Е. Акбальян	152
День рождения. Перевод Е. Акбальян	160
Его зовут Кучкар. Перевод Е. Акбальян	170
Шестьдесят копеек. Перевод Е. Акбальян	177
Встреча в степи. Перевод Е. Акбальян	182
Лютый. Перевод Е. Акбальян	187
Мой папа — коммунист. Перевод Е. Акбальян	192
Внуки. Перевод Е. Акбальян	196
Поздняя весна. Перевод Е. Акбальян	206
Знакомство. Перевод О. Тихомирова	213
Буланый жеребчик. Перевод Н. Рихсиевой	218
Дар «аллаха». Перевод М. Мирзамухамедова	223
Пришлись кстати. Перевод Е. Акбальян	226
Поезд нужно остановить. Перевод Е. Акбальян	228
Закон Архимеда. Перевод Е. Акбальян	232
• Плутовка. Перевод М. Турсунова	234
• Силки. Перевод М. Турсунова	236
• Загубленное ружье. Перевод М. Турсунова	238

Для детей среднего школьного возраста

НАСЫР ФАЗЫЛОВ

ВНУКИ ОЗОРНИКА

Повести и рассказы

Перевод с узбекского

Рецензент

Н. Красильников

Редактор С. Ларченко. Художник М. Джалилов. Художественный редактор М. Карпузас. Технический редактор М. Мирраджабов. Корректоры Э. Байгильдина, А. Ртвеладзе.

ИБ № 3441

Сдано в набор 03.10.85. Подписано в печать 19.03.86. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2 Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-оттисков 13,02. Уч.-изд. л. 13,06. Тираж 60 000. Заказ № 1915 Цена 45 %. Договор № 109—85.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма.
700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

ГП ТПО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Ташкент — 700129, ул. Навои, 30.

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1986 г.